

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет
Направление 40.04.01 «Юриспруденция»
Судебная защита прав и законных интересов
Правовые основы семьи и брака

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

**СБОРНИК
СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ**

ВЫПУСК 5

ТВЕРЬ 2021

УДК 159.9:34(082)
ББК Ю957.3я43
Ю70

Под общей редакцией
кандидата философских наук,
доцента кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ТвГУ
Афтаховой А.В.

Ю70 **Юридическая психология: теоретические и прикладные аспекты:**
сборник студенческих научных работ. Выпуск 5 / под общ. ред. А.В. Аф-
таховой. – Тверь: Издательство Тверского государственного универси-
тета 2021. – 128 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи магистрантов, обучаю-
щихся на 1 курсе по магистерским программам «Судебная защита прав и охра-
няемых законом интересов» и «Правовые основы семьи и брака» юридиче-
ского факультета Тверского государственного университета.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры судебной
власти и правоохранительной деятельности от 16 июня 2021 г. № 15.

УДК 159.9:34(082)
ББК Ю957.3я43

Отпечатано с авторских оригиналов

Подписано в печать 29.06.2020. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 7,21. Тираж 100. Заказ № 209.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел.: (4822) 35-60-63.

© Авторы статей, 2021

© Тверской государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>Акинтьев М.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ	7
<i>Воронин А.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН И СУДА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	10
<i>Есебуа Р.Р.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТОРОН В СПОРАХ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	14
<i>Зайцева Е.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ	19
<i>Ильницкая Ю.Ю.</i> К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫГОРАНИИ ЮРИСТА	23
<i>Старикова И.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗГЛАШЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ, В ДЕЛАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	26
<i>Карпунина И.Н.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИАГНОСТИРОВАНИИ КАНДИДАТА НА ДОЛЖНОСТЬ СУДЬИ	32
<i>Кондратьева Р.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СПОРАХ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДЕТЕЙ	37
<i>Коровкина К.А.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ГРАЖДАНИНА	43
<i>Макеев Д.А.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО	46
<i>Малинина П.Э.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ДЕЛАХ О ЛИШЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ	50
<i>Мокеева А.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА ПО ДЕЛАМ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПРОТИВОТУБЕРКУЛЕЗНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ	54
<i>Николаев П.С.</i> ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ КОНФЛИКТА В ПРАВООТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯ	58

Османова Т.Л. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ У УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	62
Павлова А.И. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТОРОН ПРИ БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ	69
Петрачкова А.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ	75
Попов Д.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА	79
Самсонова А.М. ВЛИЯНИЕ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА	85
Селиверстов А.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	89
Сергеев Н.А. ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЦЕНЗИАРОВ И ЛИЦЕНЗИАТОВ	94
Соловьева В.В. ПСИХОЛОГИЯ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	99
Солодовников К.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТОРОН ПРИ МЕДИАЦИИ	104
Таненя В.П. ГРАЖДАНСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	108
Федорова А.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.....	114
Харитонова О.В. УСТАНОВЛЕНИЕ НОТАРИУСОМ ДЕЕСПОСОБНОСТИ И ИСТИННОСТИ НАМЕРЕНИЙ СТОРОН СДЕЛОК, КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	118
Шувалова М.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФИКТИВНОГО БРАКА.....	124

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В Сборнике представлены научные статьи магистрантов, обучавшихся в 2020 – 2021 уч. г. на первом курсе юридического факультета Тверского государственного университета, на магистерских программах «Судебная защита прав и законных интересов» и «Правовые основы семьи и брака». Научная работа осуществлялась магистрантами в рамках изучения дисциплины «Юридическая психология».

Все области юридической деятельности в той или иной степени используют психологические знания, что связано с особенностями юридической профессии, которая предполагает постоянное общение с людьми (коллегами, клиентами, должностными лицами). Более того, как правило, профессиональное юридическое общение – конфликтное или имеет негативный оттенок спора, предъявления требований, претензий. Конфликты рождаются в профессиональной юридической среде и на «профессиональной основе», примером чего может служить любой судебный процесс, который, по сути, представляет собой конфликт, урегулированный правовыми нормами.

Отдельным вопросом для изучения является профессиональное выгорание и профессиональная деформация юристов. Данные феномены, особенности их формирования и проявления, а также методики профилактической работы находятся в постоянной теоретической разработке применительно к различным видам профессиональной юридической деятельности. Так, авторы научных статей изучают причины и особенности профессиональной деформации юристов и государственных служащих. Современным аспектом юридической психологии, равно как и общей психологии, является изучение т.н. «Soft skills» навыков, особенностей их формирования и развития.

Тематика научных статей, представленных в сборнике, преимущественно связана с тематикой диссертационных исследований, а также со сферой профессиональной деятельности магистрантов, широко освещается целый спектр гражданско-правовых, семейно-правовых, гражданско-процессуальных и иных вопросов через призму психологии.

Большое количество работ связаны с судебной деятельностью. Примечательно, что в качестве объекта изучения избрана не познавательная или иная деятельность судей, а изучение психологических особенностей реализации судебной власти в иных проявлениях. В частности, изучаются особенности взаимодействия сторон в судебном процессе при применении цифровых технологий, психологические аспекты правового положения сторон в спорах об оспаривании решений органов местного самоуправления, вопросы применения медиативных процедур и некоторые другие. Кроме того, изучаются вопросы профессиональной и психологической подготовки кандидатов на должность судьи.

Ряд научных работ посвящены изучению узких правоприменительных вопросов в рамках семейного права. Например, авторами изучаются психологические особенности составления совместного завещания супругов, сохранения тайны усыновления, психологические особенности различных категорий споров, возникающих из семейных правоотношений, таких как споры об определении места жительства ребенка, о лишении и ограничении родительских прав, бракоразводные процессы и некоторые другие.

Отдельно следует отметить внимание авторов к таким актуальным на сегодняшний момент темам, как психологические особенности банкротства физического лица, особенности поведения должника в рамках исполнительного производства, психология конфликта и злоупотребления правом и некоторые другие. Кроме того, авторами рассмотрены некоторые психологические аспекты отдельных направлений профессиональной юридической деятельности, таких как прокурорская деятельность, деятельность нотариусов и представителей в гражданском процессе.

Таким образом, с учетом широкой проблематики рассмотренных вопросов сборник может представлять интерес при изучении правовых дисциплин, а также отдельных правовых институтов во взаимосвязи с психологической наукой.

*Канд. филос. наук, доцент,
доцент кафедры судебной власти
и правоохранительной деятельности
А.В. Афтахова*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ

М.А. Акинтьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данной статье анализируются особенности совместного завещания супругов с психологической точки зрения. Поднимаются вопросы необходимости, актуальности и полезности данного правового нововведения отечественного законодательства

Ключевые слова: *совместное завещание, психология, наследство, имущество, права.*

Во все времена, в любом обществе вопрос наследования имущества являлся и остается крайне актуальным и острым как в правовом плане, так и с психологической точки зрения. В психотерапии данная тема возникает в ходе реконструкции семейных историй, которые связаны с потерей близкого человека или семейными отношениями как таковыми в целом. Очень часто оказывается, что после смерти определенного члена семьи происходит разрушение семейных связей, что ведет к эмоциональному надрыву и психологическим травмам.

Рассматривая данный вопрос через призму психологических аспектов личности, следует начать с того, что, к сожалению, мы потеряли культуру наследования. В своем базовом понятии, эта культура связана, в первую очередь, с религиозным и родовым мышлением человека. В рамках теологического понимания жизни смерть – это важный момент завершения большого гештальта – конкретной жизни. И крайне важно успеть разобраться со всеми своими делами до смерти.

Современное общество диктует нам новые правила жизни: отношения без обязательств, идеология потребления, вульгарно измененная идея жизни «здесь и сейчас». Все это обесценивает долгосрочные связи, в первую очередь семейные. В противовес этому изначальное родовое мышление направлено на четкое понимание своего места в линии жизни семьи. В первую очередь, деятельность каждого члена семьи должна быть направлена если не на улучшение, то хотя бы на сохранение текущего уровня семейного благополучия. Двадцатый век кардинально изменил восприятие смерти, наследования и родовое мышление. Для нашей страны, пережившей культурные и политические трансформации во всех областях, это стало особенно актуально.

Утрата веры в загробную жизнь обернулась экзистенциальной неопределенностью, инфантилизмом и прокрастинацией. Утрата принятия неизбежного жизненного итога и наследования привела к тому, что о смерти с родственниками просто неприлично говорить. Такие разговоры не вызывают ничего, кроме защитных реакций и отторжения. Чувства вины и стыда культивируются и поощряются с раннего возраста, а умирающий при этом находится в состоянии одиночества и страха перед неизбежным. В глубине этих процессов

кроется огромный вытесненный страх смерти, перешедший в стадию бессознательного и суеверного неприятия естественных жизненных процессов. На подсознательном уровне люди опасаются, что составление завещания повлечет неминуемый уход из жизни. Данная позиция в корне не верна, т. к. составление завещания – не логическое подведение итогов жизни, а акт заботы о родственниках и целесообразного распределения личных ресурсов человека.

Еще одним аспектом является утрата родового мировоззрения и усложнение семейных институтов. Усложнение заключается в том, что вместе со свободным выбором партнера, мы имеем большое количество неудачных браков и, как результат, большое количество разводов. По статистике по России среднее количество разводов на 100 браков порядка 66% [2]. А это приводит к разветвленным семейным связям, где у каждого супруга могут быть как общие дети, так и дети от предыдущих браков. И, что пугает, это стало нормой.

Вот так постепенно мы перешли к вопросу наследования в рамках современных правовых реалий. Тенденция, сложившаяся на сегодняшний день, показывает, что при попытке раздела имущества всеми родственниками, возникает конфликт интересов и справедливость его распределения находится под вопросом. Решить данный вопрос может написание завещания, которое направлено на осмысленное и обдуманное выражение воли усопшего, относительно наследования имущества теми наследниками и в тех долях, которые наследодатель заранее указал в нем. И, с одной стороны, мы имеем реальный выход из ситуации, когда вопрос наследства может стать потенциальным камнем преткновения, разрушить устоявшиеся семейные связи и утопить людей во вражде и взаимных обидах. С другой стороны, завещание лишь одного супруга не отражает совместную позицию семейной пары относительно их общего имущества, а это чревато не только судебными тяжбами, но и неприязненными отношениями между наследниками.

В рамках отечественного права с 1 июня 2019 г. [1] было введено в практику понятие совместного завещания, которое направлено наиболее справедливое распределения имущества, с точки зрения семейной пары, и устранение недоверия как между супругами, так и между потенциальными наследниками. Данная правовая новелла позволяет супругам по обоюдному усмотрению завещать общее имущество, а равно имущество каждого из них любым лицам. В случае с совместным завещанием супругов, работают психологические аспекты, лежащие в основе брачного союза, а именно взаимность и добровольность [3]. Доверие, лежащее в основе взаимоотношений мужа и жены, должно быть основой их общего волеизъявления. Формирование совместного завещания как воли супругов направлено, в первую очередь, на укрепление их взаимоотношений и справедливое распределение их общего и личного имущества.

К сожалению, некорректная формулировка соответствующего закона несет в себе опасные последствия для всех заинтересованных сторон данного института. Так, по закону (п. 4 ст. 1118 ГК РФ) не запрещена отмена совмест-

ного завещания пережившим супругом, что ставит наследников, определенных усопшим, в невыгодное положение, по отношению к остальным наследникам. Конечно, отсутствие правоприменительной практики не дает нам понять, насколько критичной будет данное, однако в случае злоупотребления ей, считаю целесообразным воспользоваться зарубежным опытом в данной области правоотношений и внести запреты и ограничения, связанные с изменением и отменой данного юридического документа [4].

Исходя из всего вышесказанного следует крайне осторожно и продуманно вводить некоторые правовые новеллы в отечественное законодательство, чтобы не создавать предпосылок к ситуациям, которые могут повлечь злоупотребление и искажение буквы закона в личных целях.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета – Федеральный выпуск № 160(7623).

2. Антонова Ксения. Развод в цифрах – статистика разводов в России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://clck.ru/UP2Zv>, свободный (дата обращения 22.04.2021).

3. Замрий О.Н., Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 120–133. Режим доступа: doi:10.17759/psylaw.2019090409, свободный (дата обращения 20.04.2021).

4. Будылин С.Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. 2017. № 6. С. 34-35.

Об авторе:

АКИНТЬЕВ Михаил Александрович – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТОРОН И СУДА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.В. Воронин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье выявляются психологические особенности взаимодействия сторон и суда в цифровом пространстве в гражданском судопроизводстве. Автор на основе анализа положений действующего законодательства и правоприменительной практики формулирует примерный перечень таких психологических особенностей.

Ключевые слова: *цифровизация гражданского судопроизводства, психологические особенности, взаимодействие сторон и суда в цифровом пространстве, юридическая психология.*

В условиях всеобщей цифровизации, проецируемой, в том числе, на сферу осуществления правосудия, с позиций юридической психологии актуализирован вопрос о том, в чём состоят особенности взаимодействия сторон и суда в цифровом пространстве в гражданском судопроизводстве, в частности.

Актуальность данного вопроса и, следовательно, данной темы исследования обусловлена следующими причинами.

Во-первых, форсированным перемещением большого количества судебных разбирательств в цифровое пространство в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020 году [7].

Во-вторых, активной разработкой проектов нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, возникающие в ходе осуществления правосудия по гражданским делам в цифровом пространстве [6].

В-третьих, постепенным внедрением в гражданское судопроизводство новых технологий.

В связи с этим следует отметить, что цель настоящей работы состоит в выявлении психологических особенностей взаимодействия сторон и суда в цифровом пространстве в гражданском судопроизводстве для обеспечения комплексного характера при изучении проблематики цифровизации гражданского судопроизводства.

Итак, переходя непосредственно к изучению указанного выше вопроса, следует, прежде всего, отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 38 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) сторонами в гражданском судопроизводстве являются истец и ответчик [2].

Взаимодействие же сторон и суда как органа публичной власти, на конституционном уровне уполномоченного осуществлять правосудие в России [1], по смыслу ст.ст. 3, 131 ГПК РФ начинается с подачи истцом искового заявления.

При этом следует отметить, что в тексте ст. 131 ГПК РФ, в отличие от ст. 125 Кодекса административного судопроизводства РФ [3] (далее – КАС РФ), отсутствует указание на необходимость подачи иска в суд в разборчивом виде, что, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве недоработки

при конструировании данной правовой нормы, в том числе с позиций юридической психологии. Ведь на данном этапе взаимодействие сторон и суда в цифровом пространстве, будучи опосредованным (в отличие, к примеру, от случаев подачи искового заявления непосредственно в канцелярию суда) ввиду направления документации с использованием системы электронного правосудия, предполагает то, что суду необходимо с использованием технических средств определять, в чём состоят требования истца, каков характер таких требований и др. При этом решение данного вопроса зависит от разборчивости (а правильнее отметить, читаемости) соответствующих документов.

Применяя же обозначенную выше норму КАС РФ по аналогии к общественным отношениям, урегулированным нормами ГПК РФ, необходимо заметить, что в связи с подачей иска в суд (например, посредством заполнения формы, размещённой на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет») можно выделить такую особенность взаимодействия, как опосредованность восприятия судом обращения истца (а соответственно и ответчика, поскольку последний вправе приносить возражения).

При этом в таких условиях восприятие может быть, как незатруднённым (в случае подачи искового заявления надлежащим образом в разборчивом виде), так и затруднённым [5, с. 15]. Последнее следует рассматривать в качестве негативного проявления цифровизации вообще и судопроизводства в частности. Аналогичный тезис применим и к ситуациям, когда информация о принятии искового заявления или поступления в суд дополнительных материалов (например, возражений) публикуется на сайтах судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», ведь зачастую имеет место искажение соответствующих сведений, что не только затрудняет восприятие, но и не позволяет с точностью идентифицировать, о каком судебном заседании идёт речь (например, в случае искажения наименования истца или ответчика). Соответственно особенность восприятия может быть выделена и с точки зрения сторон.

На стадии же судебного разбирательства в цифровом пространстве судебное заседание по гражданскому делу проводится с использованием систем видеоконференцсвязи (далее также – ВКС) в соответствии со ст. 155¹ ГПК РФ.

В результате организации сеансов ВКС непосредственного взаимодействия сторон и суда не происходит, в связи с чем следует констатировать снижение уровня эмоционального напряжения (стресса) соответствующих субъектов (в случае, когда цифровое взаимодействие в судебном заседании установлено надлежащим образом) или, напротив, повышение такого уровня (в случае, если имеют место нарушения Интернет-соединения и т.п.), что также представляется возможным рассматривать в качестве особенности.

Наряду с этим, поскольку в силу ст. 228 ГПК РФ в ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций (включая предварительное судебное заседание), а также при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального действия ведётся протоколирование с использова-

нием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование), необходимо указать на такую особенность, как сдерживание чувств сторон и суда ввиду использования специальных средств фиксации (и как следствие контроля, в том числе за независимостью суда). С учётом того, что зачастую запись в судах ведётся непосредственно с компьютера, любого рода нарушение (к примеру, этических норм, проявления неуважения к суду со стороны истца или ответчика, что является основанием для применения к нарушителю специальных мер по смыслу ст. 159 ГПК РФ) значительно проще зафиксировать по сравнению с нарушением в «офлайн-заседании», вследствие чего все субъекты вынуждены использовать психологические средства самоконтроля. А соответствующие цифровые технологии следует рассматривать в качестве средств сдерживания проявлений акцентуаций характера (например, у ригидного типа конфликтных личностей).

В качестве особенности следует рассматривать и выражение воли через технические средства. Так, соответствующие судебные постановления доводятся до сведения сторон не только посредством устного оглашения, но и путём их размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». При этом стороны прямо в судебном заседании также имеют возможность направлять соответствующие обращения онлайн (например, в случае ухудшения качества соединения, поскольку подобное ухудшение является препятствием для выражения своего намерения в устной форме).

И, наконец, в рамках цифрового взаимодействия стороны и суд ограничены в проявлении своих способностей в полной мере: ораторских (поскольку процессы восприятия и ощущения в «офлайн-заседании» происходят несколько иначе ввиду того, что при нецифровом взаимодействии человек ощущает и воспринимает информацию всеми органами чувств), формировании убеждения (что особенно актуально при обосновании стороной перед судом правильности её позиции), понимания (зачастую уровень понимания снижается ввиду недостаточности активного слушания, перефразирования и применения иных техник [4, с. 137] в цифровом пространстве) и др. Такая ограниченность также может быть квалифицирована в качестве особенности.

По нашему мнению, допустимо выделение иных особенностей (помимо выявленных) и их классификация по соответствующим основаниям с учётом отдельных категорий гражданских дел, видов производств и др., что заслуживает внимания в рамках отдельного исследования.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, представляется необходимым сделать следующие заключительные выводы.

Во-первых, в качестве основного фактора, детерминирующего появление особенностей взаимодействия сторон и суда в цифровом пространстве, выступает цифровизация судопроизводства, в том числе гражданского. При этом имеют место соответственно, как позитивные, так и негативные с точки зрения юридической психологии проявления цифровизации.

Во-вторых, в качестве условий, в которых осуществляется соответствующее взаимодействие, необходимо рассматривать онлайн-среду (в том числе информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»).

В-третьих, среди основных особенностей взаимодействия сторон и суда в цифровом пространстве в гражданском судопроизводстве, по нашему мнению, следует выделять: опосредованность восприятия судом обращений сторон и опосредованность восприятия сторонами постановлений суда; снижение или повышение уровня эмоционального напряжения (стресса) соответствующих субъектов в зависимости от установления цифрового взаимодействия в судебном заседании; сдерживание чувств сторон и суда ввиду использования специальных средств фиксации (и как следствие контроля); выражение воли через технические средства; ограниченность в проявлении различных способностей личности в судебном заседании.

В-четвёртых, цифровое взаимодействие может предопределять и иные особенности (в том числе памяти, мышления и др.), которые могут быть классифицированы по соответствующим основаниям (с учётом отдельных категорий гражданских дел, видов производств и др.), что заслуживает внимания в рамках отдельного исследования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 30.04.2021).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 30.04.2021).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Источник: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 30.04.2021).
4. Евтихов О.В. Часть 10.3. Техники активного слушания // Практика психологического тренинга. 2004. № 1. С. 137-140.
5. Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затруднённого общения // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 14-22.
6. Шестакова Мария. Онлайн-заседания. Госдума рассмотрит законопроект о дистанционных заседаниях в арбитражных судах и судах общей юрисдикции // ЭЖ-Юрист.2021. № 14(1165) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/435231/>, свободный (дата обращения: 01.05.2021).
7. Куликов Владислав. Телефонное право. Судебные заседания разрешат проводить онлайн // Российская газета – Столичный выпуск № 237(8291) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/20/sudebnye-zasedaniia-razreshat-provodit-onlajn.html>, свободный (дата обращения: 01.05.2021).

Об авторе:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТОРОН В СПОРАХ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Р.Р. Есебуа

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена психологическим аспектам правового положения сторон в спорах об оспаривании решений органов местного самоуправления. Рассматривается вопрос о применении механизмов уравнивания сторон, которые изначально находятся в подчиненном положении.

Ключевые слова: юридическая психология, административное судопроизводство, органы местного самоуправления, принцип состязательности и равноправия сторон.

Конституцией РФ (ст. 46) закреплено право каждого на обращение в суд за защитой его прав и свобод, нарушенных, в том числе, решениями и действиями (бездействием) органов местного самоуправления, их должностными лицами [3].

Судебная защита относится к числу прав, которые не подлежат ограничению ни при каких условиях (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ), а единая цель судебной защиты диктует единство правовых средств и способов защиты прав и свобод личности независимо от формы судопроизводства и государства. Закрепив в ст. 1 и 2 положения о том, что Россия является правовым государством, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, Конституция РФ в ст. 18 возложила на суд задачу исключительной важности – обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина [5, с. 45].

Одной из ключевых задач административного судопроизводства выступает разрешение споров между гражданами и органами публичной власти, возникающих с принятием последними решений, совершения определенных действий или их бездействия. Как справедливо отмечает Попова Ю.А., характерной особенностью таких дел выступает специфика правового положения спорящих субъектов. Они находятся в состоянии властеотношений. Обязательным участником таких правоотношений является орган публичной власти или должностное лицо, которые наделены правом осуществления властных, организационных, иных юридически значимых действий в отношении отдельного гражданина или группы граждан [4, с. 281-282].

В связи с вышесказанным, представляется необходимым обратить внимание на психологические аспекты правового положения лиц, участвующих в делах об оспаривании решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления, их должностных лиц.

В соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6] местное самоуправление представляет собой форму осуществления народом своей власти, решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения.

Несмотря на то, что органы местного самоуправления являются максимально приближенными к народу, «низшей» ступенью власти, их должностные лица все же наделены властными полномочиями по отношению к населению соответствующего муниципального образования. Поэтому принятие решений или совершение определенных действий органом публичной власти, а также его бездействия, нарушающих права и законные интересы гражданина, порождает ряд последствий.

Следует отметить, что по делам, расстраиваемым в порядке, предусмотренном гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [2], не устанавливается требования обязательного участия представителя – лица, обладающего высшим юридическим образованием. Поэтому с административным иском заявлением в суд за защитой своих прав и законных интересов может обратиться любой гражданин, который вправе лично участвовать в процессе рассмотрения спора. Для значительного числа российских граждан, в особенности для таких категорий, как пожилые, малообразованные, малообеспеченные и т.п., обращение в суд за защитой своих прав пока не стало нормой. Принятие решения о подаче административного искового заявления сопровождается чувством обиды, а иногда и неуверенности и требует психологической работы над собой.

Для административного истца, не обладающего профессиональными навыками юриста, также свойственно наличие чувства волнения, страха перед судом, публичным выступлением в заседании, отстаиванием своих прав, что обусловлено отсутствием постоянной практики участия в судебных процессах. Данные обстоятельства могут выступать для административного ответчика, представителя органа публичной власти, который в силу своей профессиональной деятельности обладает более значительным опытом выступлений и налаживания коммуникаций, рычагом психологического и эмоционального воздействия.

Помимо прочего, участник спора – непрофессиональный юрист становится в зависимое положение и от обстановки. Соблюдение установленного в судебном заседании порядка, определенное пространственное положение сторон, поведение председательствующего судьи, обладающего правом задавать вопросы, к которым человек может быть не готов, отклонять заявления, ходатайства, жалобы, вопросы, а при нарушении порядка делать замечания, удалять из зала заседания – все это оказывает воздействие на психоэмоциональное состояние неподготовленного административного истца.

Кроме того, вертикальные отношения, предполагающие подчинение одной стороны другой, зачастую порождают неуверенность простого гражданина в положительном для него исходе административного спора, что также может оказать влияние и на сам факт обращения в суд с административным иском заявлением. Страх вступать в конфликт с представителем власти может играть определяющую роль при принятии решения о подаче административного иска, отстаивании своих прав, свобод и законных интересов в суде. При невозможности преодоления такого психологического порога, некоторые

граждане и вовсе отказываются от обращения в суд, смиряются с нарушениями, вызванными принятием несправедливых решений, совершения определенных действий или наоборот, их не совершения (бездействия).

Все вышеперечисленные факторы, бесспорно, будут воздействовать не только на настроение человека, его поведение в суде – скованность, тихая и неуверенная речь, сомнение в собственных силах, которые могут повлиять и на исход дела, но и на сам факт обращения в суд за защитой своих прав и законных интересов.

Поэтому, по мнению доктора юридических наук Дивина И.М., в спорных правоотношениях с участием публичной власти необходимо некое психологическое средство «уравнивания» сторон публичного спора, нивелирующее сформированную на подсознательном уровне вертикаль «власть – подчинение» [1, с. 69].

Важнейшей гарантией, оказывающей влияние на правовое положение сторон в административном судопроизводстве, является принцип их состязательности и равноправия, закрепленный в ст. 14 КАС РФ. Данный принцип декларирует для сторон одинаковый объем гарантий и процессуальных средств защиты прав и законных интересов. Суд, в свою очередь, не может поставить ни одну из сторон в преимущественное положение.

Отмечая особую роль принципа равноправия сторон, доктор юридических наук В.В. Ярков подчеркнул, что субъекты не являются равными по своему положению, а их взаимоотношения строятся на основе власти и подчинения, субординации. Однако в сфере административного судопроизводства в качестве участников процессуальных отношений субъекты публичного права теряют свои властные полномочия и приобретают статус субъектов процессуальных правоотношений, основанный на равенстве их участников, кроме суда, поскольку только суд для целей осуществления правосудия наделяется властными полномочиями [7, с. 59].

Особенностью административного судопроизводства является сохранение за судом активной роли, которая заключается в руководстве состязательным процессом. С процессуальной точки зрения, основная задача судьи состоит в создании необходимых условий для осуществления сторонами своих прав и обязанностей, например, в содействии по сбору необходимых доказательств. Иными словами, выполнение главной функции правосудия – справедливого и беспристрастного разрешения спора.

В то же время на председательствующего возлагаются и роль психолога. Он должен четко улавливать и пресекать все попытки любой из сторон эмоционально воздействовать на противоположную сторону, пытаться влиять на принятие решения в свою пользу. Для выполнения этой задачи судья должен обладать такими качествами, как эмоциональная сдержанность, самоконтроль, умение сохранять спокойствие, требовательность к форме поведения и высказываниям участвующих лиц, и одновременно с этим проявлять терпимость, тактичность, способность к релаксации, снижению чрезмерной эмоциональной возбужденности отдельных участников процесса.

В качестве механизма «уравнивания» положения сторон в административном судопроизводстве по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления может выступать закрепление в КАС РФ конкретных положений, реализующих принцип равноправия и состязательности сторон.

Так, представляется целесообразным включить в закон норму, ограничивающую возможность участников судебного разбирательства давать правовую оценку, излагать свои комментарии доказательствам, действиям, высказываниям противоположной стороны. Общение сторон в процессе должно строиться на принципах взаимоуважения прав, чести и достоинства всех лиц, участвующих в деле. Представители органов публичной власти при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии.

Ограничение права сторон в части оценивания и комментирования поведения противоположной стороны спора, четкое закрепление обязанности соблюдения норм этики может служить тем необходимым механизмом уравнивания сторон, недопущения их психоэмоционального воздействия как друг на друга, так и на принятие решения судом.

Таким образом, взаимодействие сторон в административном судопроизводстве имеет некоторые психологические аспекты, обусловленные их правовым положением. Для достижения главной цели судопроизводства – принятия правильного и справедливого решения, учитывая специфику властеотношений спорящих субъектов, в судебном процессе необходимо применение механизма их уравнивания. И таковым может выступать закрепление в законе норм, четко регламентирующих не только правила поведения в процессе, но и общения с участниками разбирательства. Судья же, в свою очередь, должен выступать в роли психолога, независимого арбитра, который будет принимать решение исходя лишь из фактических обстоятельств и имеющихся доказательств.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/, свободный (дата обращения: 30.04.2021).

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 21.03.2021) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 23.03.2021) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

4. Дивин И.М. Механизм примирительных процессуальных соглашений в административном судопроизводстве по экономическим спорам // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 64-69.

5. Попова Ю.А. Защита публично-правовых интересов граждан в судах общей юрисдикции. – Краснодар. 2001.
6. Теория судебного права и организации судебных систем / под ред. А.А. Клишаса. М.: ИНФРА-М, 2018.
7. Ярков В.В. Принципы административного судопроизводства: общее и основное // Закон. 2016. № 7.

Об авторе:

ЕСЕБУА Русудан Ростевановна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ТАЙНЫ УСЫНОВЛЕНИЯ

Е.С. Зайцева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящей статье проводится анализ усыновления как основной формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Рассматриваются меры, предусмотренные законодательством для сохранения тайны усыновления, а также проводится анализ основных психологических особенностей сохранения тайны происхождения ребенка при применении такой формы устройства детей. Затрагивается вопрос о необходимости и возможности отмены тайны усыновления.

Ключевые слова: *усыновление; тайна усыновления; семейная тайна; психологические особенности тайны усыновления; отмена тайны усыновления.*

Конвенция о правах ребенка закрепляет основные начала семейного законодательства, среди которых определен принцип приоритетного семейного воспитания детей, а также, насколько это возможно, право ребенка на воспитание в семье (ст. 7) [1]. В связи с этим приоритетной формой воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, является усыновление.

Тайна происхождения является видом личной и семейной тайны. В настоящее время проблема сохранения неприкосновенности личной и семейной тайны, в том числе тайны происхождения ребенка, а также частной жизни продолжает оставаться актуальной.

Согласно ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) тайна усыновления ребенка охраняется законом. Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществившие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления ребенка [2].

Однако для эффективной работы института усыновления необходимо также профессиональное психологическое сопровождение семей, усыновивших ребенка, а также изучение проблем, возникающих в ходе этого.

Рассмотрим основные психологические особенности семей, сохраняющих тайну усыновления.

В семейном законодательстве России предусмотрены специальные меры для сохранения тайны усыновления. Так, возможно по просьбе усыновителей присваивать усыновленному ребенку свою фамилию, а также указанное ими имя. Кроме того, возможно изменение даты рождения усыновляемого, но не более чем на три месяца и, если ребенок младше одного года. По признанным судом уважительным причинам возможно изменение даты рождения усыновленному старше одного года. Также по просьбе усыновителей возможно изменение места рождения ребенка.

С целью сохранения тайны, может использоваться такой прием как имитация беременности, когда усыновительница якобы «выезжает рожать» в

определенную местность, например, по месту жительства своих родителей, а в это время изменяется место рождения усыновленного. Данная процедура способствует созданию видимости подлинных родственных отношений между усыновителями и усыновленным для окружающих [7].

Однако, несмотря на все эти обеспечительные методы, усыновители часто переживают тревогу из-за того, что не могут полностью скрыть факт усыновления. Пытаясь скрыть это, они меняют место жительства, меняют круг общения. Однако такие действия сказываются как на родителях, которым приходится справляться не просто с новой обстановкой, но и ещё и с осознанием ответственности перед усыновленным малышом, так и на самом ребенке, которому передается их тревога.

Ещё одной психологической особенностью является страх «наследственности» усыновленного ребенка. Как правило в семьях, сохраняющих тайну усыновления, эти переживания подавляют, воспринимая ребенка как своего кровного. Однако бывают ситуации, когда незначительные проступки, на которые как правила реагируют как на нормальное явление, воспринимаются в таких семьях как проявление «плохих генов». Часто такое возникает, если усыновителям не предоставили информацию о происхождении усыновляемого, лишая их этим возможности подобрать к нему нужный подход и оказание необходимой помощи.

Однако, на наш взгляд, именно отсутствие информации о биологических родителях усыновляемого ребенка позволяет семьям воспитывать ребенка как своего родного, не делая акцент на его генах.

Также в обществе сложилась точка зрения, что принимающие родители должны быть лучше, чем были бы биологические. Поэтому таких родителей проверяют, в отличие от биологических. Кроме того, сохраняя тайну усыновления, усыновители встают на место кровных родителей, представляя при этом биологических родителей как плохую историю, которую они отрицают. Родители скрывают свой страх перед генами ребенка, а усыновленный чувствует этот страх, что в некоторых случаях может сказаться на его воспитании.

Семьи, сохраняющие тайну усыновления, ограничивают круг общения, боясь вопросов о семье, воспринимая их как небезопасные. Как правило, такие семьи более сплоченные, с регламентацией правил, касающихся происхождения детей.

Ещё одной психологической особенностью семей, сохраняющих тайну усыновления, является раскрытие тайны усыновления. Большинство усыновителей предполагают, что они не будут вечно хранить такую информацию. Они откладывают такой разговор с усыновленным ребенком на более поздний возраст. Однако, одновременно с этим, родителей преследует страх и тревога обсуждения данного вопроса. Сама же необходимость раскрытия данной тайны обусловлена переживанием усыновителей за то, что такая информация может быть раскрыта другими людьми, что может послужить психологической травмой для ребенка.

Потребность в сохранении границ семьи – одна из причин, почему раскрытие тайны откладывается. Другой проблемой для принимающих родителей является предполагаемая реакция ребёнка на информацию о своём истинном статусе. После раскрытия тайны нередко отмечается рост недоверия между приемными родителями и детьми. Разочарование всех членов семьи сочетается со страхом потери целостности семьи, проявляющимся как у ребёнка, так и у родителей. У ребенка нередко развивается агрессия к родным и к приёмным родителям на фоне фантазии компенсаторного характера по поводу родных родителей [3].

В связи с наличием таких психологических особенностей возникает вопрос о необходимости существования тайны усыновления. Так, некоторые авторы, такие как, например, Е. Мизулина, выступая против сохранения тайны усыновления, приводят такой аргумент, что факт усыновления рано или поздно становится известен усыновленному, поэтому вообще не нанести ему психологической травмы невозможно [5]. Другие же ученые, наоборот, говорят о том, что сохранение тайны усыновления необходимо для установления крепких родственных связей в таких семьях, их сплочения, облегчения в воспитании ребенка.

Каждая из сторон приводит убедительные доводы, однако, на наш взгляд, самым весомым является то, что в настоящее время раскрытие тайны усыновления в большинстве случаев приведет к тому, что усыновленный ребенок будет испытывать проблемы в общении с окружающими людьми, включая своих сверстников, в связи с тем, что современное российское общество не совсем ещё готово к таким изменениям.

Разные страны по-разному решают вопросы усыновления, однако большинство придерживается точки зрения, что ребенок должен знать о своем происхождении и о своих биологических родителях. В Италии усыновителей обязывают рассказывать детям об их прошлом. В США понятие «тайна усыновления» вообще отсутствует. И связано это с прозрачностью и публичностью процесса усыновления. Так, биологические родители ребенка имеют право общаться с ним и даже вернуть себе ребенка через суд. Но, в то же время, полное отсутствие тайны усыновления вынуждает некоторые семьи Европы и Америки усыновлять детей из других стран. Безусловным лидером по усыновлению детей из других государств является США. Скорее всего, связано это с нежеланием усыновителей контактировать с биологическими родителями ребенка и беспокойством за будущее усыновленного [6].

Необходимо подчеркнуть, что все случаи разглашения тайны усыновления (удочерения) всегда связаны с волей усыновителя (п. 2 ст. 139 СК РФ). Если усыновитель не имеет желания сохранять тайну, то, соответственно, нечего и охранять. В остальных же случаях законодатель мотивирует уголовное преследование лиц, раскрывших тайну усыновления (удочерения), тем, что новость может оказаться травмирующей для всех членов семьи, в особенности для ребенка [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что усыновление представляет собой сложный процесс, который включает в себя сохранение тайны усыновления, которой сопутствуют психологические особенности. Полная же отмена тайны усыновления составляет проблему в связи с нравственными, моральными и этическими аспектами, которые волнуют в первую очередь самих усыновителей.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559-1 // СПС Консультант Плюс.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – N 1.
3. Жуйкова Екатерина Борисовна, Печникова Леонора Сергеевна К вопросу о психологических особенностях семей, сохраняющих тайну усыновления // Психология. Психофизиология. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-psihologicheskikh-osobennostyah-semey-sohranyayuschih-taynu-usynovleniya> (дата обращения: 20.04.2021)
4. Корнакова Светлана Викторовна, Чигрина Елена Владимировна Разглашение тайны усыновления: проблемы реализации комплексного правового механизма в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razglashenie-tayny-usynovleniya-problemy-realizatsii-kompleksnogo-pravovogo-mehanizma-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 21.04.2021).
5. Мизулина Е.Б. Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления должна быть отменена / Е. Б. Мизулина // Российская газета. Неделя. – 2009. – 2 июля.
6. Рыбалка Елена Александровна Правовое положение и перспективы развития тайны усыновления в России // ЮП. 2018. №4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-i-perspektivy-razvitiya-tayny-usynovleniya-v-rossii> (дата обращения: 21.04.2021).
7. Светлана Константиновна Жилыева, Кирилл Андреевич Раков Проблема тайны усыновления в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tayny-usynovleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.04.2021).

Об авторе:

ЗАЙЦЕВА Екатерина Сергеевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫГОРАНИИ ЮРИСТА

Ю.Ю. Ильницкая

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данной статье автором рассматривается вопрос правильности выбора направления, сферы юридической деятельности как возможный способ предотвращения профессионального выгорания на начальной стадии профессиональной деятельности юриста.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, юридическая деятельность, профессиональный стресс.

На начальном этапе профессиональной деятельности многие юристы сталкиваются с рядом проблем, вызванных психологической неготовностью к огромным количествам стрессовых ситуаций и эмоциональных переживаний, связанных с постоянным погружением в проблемы, касающиеся выполнения своей трудовой функции, взаимоотношений с коллективом и руководством. Работники юридических профессий нередко принимают неблагоприятные для других и тяжкие для себя решения, а ошибки юристов могут негативно сказаться на состоянии законности и правопорядка, на благополучии членов общества. Кроме того, юристы и их профессиональная деятельность постоянно находятся под воздействием различных сил и интересов. Все эти факторы так или иначе могут неблагоприятно влиять на эмоциональное состояние начинающего юриста, оказывать на него непрерывное эмоциональное давление, что в свою очередь отрицательно сказывается на здоровье (физическом и ментальном), личности и может привести к развитию синдрома профессионального выгорания и профессиональной деформации.

Возрастание роли юриста в современном обществе объективно обусловлено усложнением всей социальной инфраструктуры, поэтому сфера деятельности юриста весьма разнообразна и динамична в своём развитии. Возможность получать материальное вознаграждение за дело, к которому лежит душа, является одним из главных жизненных приоритетов человека, поскольку работа – часть нашей жизни, большая и очень значимая. Поэтому для начинающего юриста первостепенной задачей является выбрать ту сферу юридической деятельности, которая будет способствовать эмоциональной стабильности, отсутствию регулярного профессионального стресса, связанного с чувством «нахождения не на своём месте», являющегося порождением внутреннего конфликта личности между желаемой, соответствующей личным интересам работой и тем, что происходит в действительности. Кроме того, деятельность юриста должна мотивировать его развиваться в личностном плане, самореализовываться и повышать свои профессиональные навыки и уровень знаний.

Поэтому одной из важных проблем в контексте выбранной темы, по мнению автора настоящей работы, является вопрос правильности выбора направления, сферы юридической деятельности как возможный способ предотвращения профессионального выгорания у начинающего юриста.

Проблема профессионального выгорания в настоящее время привлекает все большее внимание исследователей в силу высокой практической значимости и недостаточной разработанности. Практическая значимость проблемы заключается в том, что процессы профессионального психического выгорания неизбежно негативно отражаются на эффективности и надежности осуществляемой профессиональной деятельности, снижают интерес к самой деятельности [4].

Итак, в науке «синдром профессионального выгорания» определяется, как конкретные изменения отношения работника к предмету профессиональной деятельности и непосредственно к самому себе [3].

Синдром проявляется в эмоциональной опустошенности, вызванной работой, циничном и безразличном отношении к труду и объектам своего труда, возникновении чувства некомпетентности в профессиональной сфере, а также в осознании своей непродуктивности. Характерными чертами профессионального выгорания являются также: быстрая утомляемость, изматывающая организм усталость, эмоциональное истощение и как следствие ухудшение здоровья на фоне психосоматического расстройства. При этом стоит заметить, что склонность к профессиональному выгоранию в большей степени обнаруживается у тех личностей, которые работают альтруистически, интенсивно, с высокой самоотдачей, добросовестностью, ответственностью и установкой на постоянный рабочий процесс. Выгорание может приводить к снижению профессиональной мотивации: напряжённая работа постепенно превращается в бессодержательное занятие, появляется апатия и даже негатив по отношению к своим обязанностям, которые сводятся к минимуму.

Факторы, влияющие на формирование синдрома эмоционального выгорания условно, можно разделить на две группы: индивидуальные (внутренние) и организационные (внешние). К индивидуальным факторам относят возраст, пол, уровень образования, особенности темперамента личности. А организационные (внешние) факторы, влияющие на формирования синдрома эмоционального выгорания, включают в себя: рабочие перегрузки, дефицит времени, неадекватное руководство, рассогласованность в коллективе, отсутствие профессиональной и личной поддержки, недостаточная профессиональная подготовка [2].

Профессиональное выгорание в случае неверного выбора сферы юридической деятельности у начинающего юриста возникает в результате внутреннего накапливания отрицательных эмоций без соответствующей «разрядки» или «освобождения» от них. Ежедневная рутинная работа, которая не соответствует собственным желаниям и установкам, становится тягостным испытанием, которое приводит к постоянному внутреннему напряжению и стрессу. Выбор сферы деятельности не в пользу желаемого и соответствующего интересам может быть обусловлен различными обстоятельствами: престижностью, востребованностью той или иной сферы деятельности; наличием определенного установленного законодательством уровня образования и иных требований для специальности; финансовой составляющей или же наличием личных

и семейных обстоятельств. Поэтому так важно в начале своего профессионального пути определить верный для себя вектор движения в профессиональной плоскости, поскольку именно для молодых специалистов свойственна быстрая адаптация к новым условиям и переменам, стремление к новым знаниям, хорошая память и развитое мышление, амбициозность.

Нельзя не согласиться с существующим в науке мнением о том, что трудовая деятельность может выступать не столько причиной, сколько поводом для возникновения стрессового состояния работника. При этом истинные причины стресса кроются в личностных особенностях человека: его мировоззрении и установках, потребностях, мотивах и целях, стереотипах восприятия, позициях в межличностном взаимодействии, особенностях стрессоустойчивости или особенностях внутриличностной динамики [1].

Автор настоящей работы, предполагает, что для предупреждения профессионального выгорания в юридической деятельности молодому и начинающему свой профессиональный путь юристу следует особое внимание уделить своим интересам, мотивам и целям, поскольку именно они и задают направление для профессионального, карьерного продвижения и личностного роста. А при обнаружении указанных ранее признаков профессионального выгорания не стоит игнорировать своё эмоциональное состояние, а напротив необходимо постараться выявить для себя истинные причины возникшего стресса и негативных эмоций и при возможности устранить их причину.

Таким образом, профессиональное выгорание – это некий своеобразный механизм защиты, который включается организмом в ответ на психотравмирующие факторы. Поэтому, если причина профессионального стресса кроется в неверно выбранной сфере деятельности, ее стоит незамедлительно сменить, в обратном случае это может неизбежно привести к профессиональному выгоранию и потере интереса к выбранной профессии.

Список литературы

1. Березенцева Е.А. Профессиональный стресс как источник профессионального выгорания // Управление образованием: теория и практика. 2014. №4 (16);
2. Петров А.П. Организационные факторы синдрома эмоционального выгорания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12.;
3. Пьянкова Л.А., Хомичева В.Е. К вопросу о сущности синдрома профессионального выгорания // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4;
4. Светова Л.Н. Психологические особенности профессионального выгорания адвокатов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 4 (83).

Об авторе:

ИЛЬНИЦКАЯ Юлия Юрьевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗГЛАШЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ, В ДЕЛАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

И.А. Старикова

ФГОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Реализация права на судебную защиту подразумевает интерпретацию реальных жизненных ситуаций и осложнена тем, что у жизненных обстоятельств нет автора или задумки, которые можно понять. Идентификация причастности сотрудника к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну, является наиболее проблемным этапом того, как работодатель интерпретирует раскрытие информации, составляющей коммерческую тайну, в конкретной ситуации, связанной с трудовыми правоотношениями. Такие факторы как связь трудовой деятельности с угрозой жизни и здоровья граждан, а также продажи с использованием информационного сайта агрегатора, требуют особого подхода в отношении информации, составляющей коммерческую тайну.

Ключевые слова: коммерческая тайна, разглашение, увольнение, трудовые споры, интерпретация, информация, трудовой договор

Интерпретация берет свое начало в труде древнегреческого философа Аристотеля «Об истолковании» (второй текст Органона), где он утверждает, что звукосочетания являются знаками представления в душе, а письмена являются знаками того, что в звукосочетаниях. Высказывание (высказывающая речь) содержит имя и глагол и может быть в форме утверждения или отрицания. Имя представляет собой знак и дается не от природы, а от соглашения. Глагол передает время. Высказывание может быть истинным и ложным. Содержащиеся в звукосочетаниях утверждения и отрицания по сути есть мнения [12].

В Общей теории интерпретации Эмилио Бетти определяет интерпретацию как процесс взаимодействия трех сторон: субъективности автора, субъективности интерпретатора и репрезентативной формы – посредника, через которого осуществляется их сообщение. Интерпретация может быть распознающей, репродуктивной или нормативной. Распознающая имеет дело с пониманием смысла, содержащегося в репрезентативном источнике (тексте, произведении искусства, поступке). Репродуктивная помогает передать смысл, заложенного в произведении, адресату (зрителям, слушателям). Нормативная имеет дело с регулированием действий на основе правил, которые выводятся из норм и догм, из моральных оценок и требований психологических обстоятельств. Юридическая интерпретация относится к нормативной интерпретации [14].

По определению французского философа Поля Рикёра, «интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» [13, с. 51].

Реализация права на судебную защиту подразумевает интерпретацию конкретных событий, что является процессом более сложным и многогранным, поскольку у жизненных обстоятельств нет автора и нет задумки, зато есть смысл, который необходимо раскрыть и понять.

В данной работе проведен анализ судебных актов первой инстанции 2020 года на предмет того, как работодатель интерпретировал раскрытие информации, составляющей коммерческую тайну, в конкретной ситуации, связанной с трудовыми правоотношениями. В работе не учитывается формальная сторона вопроса, в том числе наличие у работодателя положения о коммерческой тайне, перечня сведений, составляющих коммерческую тайну, ознакомление сотрудника с данными документами. Целью работы является раскрытие связей между реальными жизненными обстоятельствами и их интерпретацией работодателем как «разглашение информации, составляющей коммерческую тайну».

Федеральный закон от 29.07.2004 г. N 98-ФЗ «О коммерческой тайне» определяет понятия информации, составляющей коммерческую тайну, и разглашения информации, составляющей коммерческую тайну:

«2) информация, составляющая коммерческую тайну, – это сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны» [1, п. 2 ст. 3].

«9) разглашение информации, составляющей коммерческую тайну, – действие или бездействие, в результате которых информация, составляющая коммерческую тайну, в любой возможной форме (устной, письменной, иной форме, в том числе с использованием технических средств) становится известной третьим лицам без согласия обладателя такой информации либо вопреки трудовому или гражданско-правовому договору» [1, п. 9 ст. 3].

Достоверность факта разглашения информации, составляющей коммерческую тайну, состоит из трех составляющих, которые дают уверенность в правильности оценки жизненных обстоятельств:

1. обнаружение факта разглашения сведений
2. сопоставление разглашенных сведений с перечнем информации, составляющей коммерческую тайну
3. идентификация действий лица как его причастности к разглашению

Таким образом, интерпретация конкретных событий включает такие методы как кластеризация, сравнение с эталоном, и аналогия (общность свойств).

В деле N 2-124/2020 [4] под «разглашением» работодатель понимает размещение фото претензии потребителя и фото с экрана ноутбука сотрудника компании в группе WhatsApp, предназначенной для подчиненных, то есть со-

трудников той же самой компании. Однако, в большинстве случаев под разглашением работодатель понимает передачу информации лицам, не являющимися сотрудниками компании:

- передача сведений другому индивидуальному предпринимателю [3]
- отправка сведений и фотокопий документов бывшему сотруднику через социальную сеть ВКонтакте [2]
- распространение фотокопии документа по сети WhatsApp [5]
- передача сведений и внесение этих данных в журнал сторонней организации [9], [10], [11]
- отправка сведений на внешний адрес электронной почты [7], [8]
- передача сведений мошенникам [6]

Таким образом, в рассмотренных случаях работодатель интерпретирует передачу сведений как за пределы компании, так и между сотрудниками одной компании в социальных сетях как разглашение информации, что соответствует определению в п.9 ст.3 Федерального закона от 29.07.2004 г. N 98-ФЗ "О коммерческой тайне" [1].

Сведения из перечня информации, составляющей коммерческую тайну, могут передаваться как сами по себе, так и внутри других передаваемых документов:

- персональные данные из карточки абонента телефонной компании [6]
- документация о договорных взаимоотношениях с другими компаниями, включая подробности коммерческой деятельности общества, условия сотрудничества, ценовую информацию по совершенным сделкам и сведения о ценовой политике компании [7], [8]
- сведения о клиенте были частью заявки на грузоперевозку [3]
- данные о населении, их месте проживания, поступивших от них аварийных заявках, которые содержали информацию о контрактах [9], [10], [11]
- данные потребителя из претензии и фото с экрана ноутбука с рабочей информацией [4]
- персональные данные сотрудника в тексте жалобы в прокуратуру [5]

В отдельных случаях данные о преданной информации могут быть изъяты из решений в открытом доступе, чтобы не допустить разглашения информации [2].

Таким образом, в рассмотренных случаях работодатель интерпретирует данные о клиентах / заказчиках / абонентах, включая персональные данные и детали договорных взаимоотношений, как информацию, составляющую коммерческую тайну, что соответствует определению в п.2 ст.3 Федерального закона от 29.07.2004 N 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [1].

Наиболее сложным моментом является идентификация действий лица как его причастности к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну. Самыми простыми случаями являются непосредственные действия по передаче сведений, например, когда сотрудник не вышел на рабочем компьютере из своего аккаунта социальной сети ВКонтакте и при проверке

личной переписки был обнаружен факт разглашения [2] или на электронный адрес компании пришел договор, свидетельствующий о разглашении, заключенный с одним из сотрудников компании [7]. Однако, в большинстве случаев работодателем используется косвенная связь действий лица с разглашением, которая не всегда приводит к правильным выводам:

- наблюдения за сотрудником и денежного вознаграждения, полученного им на банковскую карту, однако, свидетельств того, что вознаграждение получено именно за разглашение сведений нет [3]

- диспетчеры вызывали газовых слесарей из другой организации, разглашая им сведения из поступившей заявки [9], [10], однако, в аналогичном деле N 2-36/2020 [11] диспетчер не передавал заявки в стороннюю организацию, так как их не было в его смену, однако, был уволен вместе с остальными диспетчерами, поскольку детального расследования не проводилось

- внутреннее расследование и пояснительные записки других сотрудников указывали на то, что сотрудник проявлял интерес к договорам и документам, не относящимся к его департаменту, расспрашивал о сделках у других сотрудников [8]

- отчет по операциям информационной системы компании и записи камеры видеонаблюдения позволили установить сотрудника, который под своей учетной записью запросил персональные данные абонента телефонной компании и сделал фото информации с экрана монитора на камеру мобильного телефона, впоследствии эти данные были обнаружены в поддельной доверенности у мошенников [6]

- фото претензии потребителя и фото с экрана ноутбука было передано в группе WhatsApp предназначенной для его подчиненных, причем сам сотрудник даже не был в группе [4]

- фотография копии обращения сотрудника в прокуратуру появилась в сети WhatsApp, прокурор выложить ее по определению не мог, значит это был сам сотрудник, возможное участие сотрудников организаций, куда была направлена копия обращения, не рассматривалось [5]

Таким образом, в рассмотренных случаях работодатель интерпретировал причастность сотрудника к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну, на основе непосредственных действий сотрудника с такой информацией (пересылал, запрашивал, фотографировал, заключал договор), на основе результатов действий (получение вознаграждения), а также через ассоциации (все диспетчеры одинаковые, подчиненные и начальник – единое целое), подозрительное любопытство (расспрашивал о деталях сделок), и узкие рамки (прокурор не мог, значит сотрудник). На этой стадии работодатель допускает значительно больше ошибок.

Среди особенностей разглашения информации, составляющей коммерческую тайну, в реальных ситуациях можно отметить следующее:

- Связь трудовой деятельности с угрозой жизни и здоровья граждан

Заявки в аварийную газовую службу содержат данные договоров на оказание услуг и персональные данные клиентов, которые диспетчер не имеет права разглашать, однако, при угрозе жизни и здоровью граждан и отсутствии необходимого специалиста диспетчер обязан реагировать надлежащим образом, сообщая компетентным лицам о наличии угрозы, связанной с использованием газового оборудования [9], [10], [11].

- Продажи с использованием информационного сайта агрегатора

Информационная система заявок «АвтоТрансИнфо» (биржа грузоперевозок) позволяет грузоотправителям размещать заявки на грузоперевозки, а грузовым компаниям транспорт доступный для грузоперевозок. Информация о заявках и грузоотправителях на сайте агрегаторе доступна зарегистрированным пользователям системы, поэтому не может составлять коммерческую тайну отдельной компании [3].

Подводя итог, можно сказать, что идентификация действий лица как его причастности к разглашению информации, составляющей коммерческую тайну, является наиболее проблемным этапом того, как работодатель интерпретирует раскрытие информации, составляющей коммерческую тайну, в конкретной ситуации, связанной с трудовыми правоотношениями. Ошибки бывают из-за ассоциаций, подозрительного любопытства и узких рамок. Такие факторы как связь трудовой деятельности с угрозой жизни и здоровья граждан, а также продажи с использованием информационного сайта агрегатора, требуют особого подхода в отношении информации, составляющей коммерческую тайну.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «О коммерческой тайне» // Российская газета. 05.08.2004. № 166.
2. Решение Валдайского районного суда (Новгородская область) от 29 января 2020 г. по делу № 2-70/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).
3. Решение Ленинградского районного суда г. Калининграда (Калининградская область) от 18 мая 2020 г. по делу № 2-286/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).
4. Решение Ленинского районного суда г. Саратова (Саратовская область) от 21 января 2020 г. по делу № 2-124/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).
5. Решение Намского районного суда (Республика Саха (Якутия)) от 22 января 2020 г. по делу № 2-GO-13/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).
6. Решение Онежского городского суда (Архангельская область) от 05 июня 2020 г. по делу № 2-199/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).
7. Решение Савеловского районного суда (г. Москва) от 18 ноября 2020 г. по делу № 02-6072/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).
8. Решение Хорошевского районного суда (г. Москва) от 02 ноября 2020 г. по делу № 02-6169/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).

9. Решение Шарьинского районного суда (Костромская область) от 11 июня 2020 г. по делу № 2-33/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021)

10. Решение Шарьинского районного суда (Костромская область) от 16 апреля 2020 г. по делу № 2-35/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).

11. Решение Шарьинского районного суда (Костромская область) от 25 июня 2020 г. по делу № 2-36/2020 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения 01.05.2021).

12. Аристотель. Об Истолковании [Электронный ресурс] // Мультимедийное издательство Стрельбицкого. 2016. URL:

<https://iknigi.net/avtor-vitaliy-tihonov/110581-ob-istolkovanii/read/page-1.html> (дата обращения 01.05.2021).

13. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. / Пер. с фр. Вдовина И.С. // Академический Проект. 2008. С. 695. URL:

<http://theologicallibrary.org/wp-content/uploads/2015/12/P.-Rikyor-Konflikt-interpretatsiy-2008.pdf> (дата обращения 01.05.2021).

14. Россиус, Ю. Г. О теории интерпретации Э.Бетти / Ю. Г. Россиус // История философии. 2012. № 17. С. 83-89. URL:

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18955920> (дата обращения: 01.05.2021).

Об авторе:

СТАРИКОВА Инна Александровна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИАГНОСТИРОВАНИИ КАНДИДАТА НА ДОЛЖНОСТЬ СУДЬИ

И.Н. Карпунина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросу введения обязательного психологического диагностирования кандидатов на должность судьи. Автором анализируются требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, практика применения психологических методов к кандидатам на должность судьи в странах СНГ, а также попытки внедрения системы психологического тестирования кандидатов на должность судьи в Российской Федерации, затрагиваются пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: кандидат на должность судьи, психологическое диагностирование, требования к кандидату на должность судьи.

Функция осуществления правосудия с давних времен относилась к божественной миссии, которая была передана божьим наместникам на земле – правителям, а позднее – судьям. Осуществление правосудия, по сравнению с иными видами правовой деятельности, требует более высокой квалификации, а также особых моральных и психологических качеств для обеспечения надлежащей реализации прав граждан. Судья является основным субъектом в организации деятельности судов, носителем судебной власти, поэтому исследованию должности судьи уделяется особое внимание. Повышение эффективности и качества правосудия являются важнейшими задачами реформирования судебной системы, поэтому к судьям всегда предъявлялись особо жесткие требования, как профессионального, так и нравственного характера. Более того, высокие требования предъявляются к кандидатам на должность судьи, поскольку именно на стадии отбора кандидатов важно определить – сможет ли лицо надлежащим образом осуществлять свои должностные обязанности, исходя из профессиональных, индивидуально-психологических и нравственных качеств.

Статьей 119 Конституции Российской Федерации установлены фундаментальные требования к кандидату на должность судьи: кандидат должен иметь гражданство РФ, достигнуть определенного возраста – 25 лет, наличие высшего юридического образования и стажа работы по юридической профессии – не менее пяти лет [1]. Кроме того, кандидат на должность судьи должен постоянно проживать на территории Российской Федерации, не иметь гражданства или документа, подтверждающего его право на постоянное проживание на территории иностранного государства, а также иные требования, установленные Федеральным законом. В частности, требования к кандидату на должность судьи более подробно раскрываются в статье 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 [2]. Требования,

предъявляемые к кандидатам на должность судьи, нередко становились предметом исследования представителями научного сообщества, поскольку каждое требование или ограничение должно быть оправданным.

Вопрос психологического диагностирования кандидатов на должность судьи также обсуждался представителями научного сообщества. Данный вопрос, на мой взгляд, является особо актуальным в современной действительности в России, поскольку с каждым годом авторитет власти и, в частности, суда, падает. У граждан РФ появляется недоверие к независимости судей, а также к справедливости и законности выносимых ими решений.

Одним из требований к кандидату на должность судьи является отсутствие заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи, а также судьей может стать лицо, не состоящее на учете в психоневрологическом диспансере в связи с лечением от хронических и затяжных психических расстройств. Для подтверждения отсутствия у кандидата на должность судьи заболеваний, проводится соответствующее предварительное медицинское освидетельствование. Важно отметить, что даже при наличии некоторых психических заболеваний человека не всегда ставят на учет в психоневрологическом диспансере, в частности, когда он обращается в частные учреждения здравоохранения. При этом законодательно отсутствует какая-либо ссылка на проверку психологического состояния кандидата. В целом, установленные законом требования к кандидату на должность судьи не относятся к морально-психологическим характеристикам.

В Российской Федерации предпринимались попытки внедрения системы психологического тестирования кандидатов на должность судьи. В 2002 году Президиум Совета судей РФ признал целесообразным организацию экспериментального использования методов психодиагностического обследования при изучении личности претендентов на должность судьи [3]. Более того, Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2009 году были утверждены соответствующие Методические рекомендации по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи. Согласно данным рекомендациям, целью психологического диагностирования кандидатов на должность судьи является получение полных и достоверных сведений об индивидуальных психологических особенностях кандидата [4]. Верным является положение о том, что к числу необходимых качеств кандидата на должность судьи, кроме уровня профессиональных знаний, следует отнести ряд его психологических особенностей, поскольку без их оценки невозможно спрогнозировать дальнейшую успешность профессиональной деятельности данного кандидата.

Необходимость проведения обязательного психодиагностирования кандидата на должность судьи обусловлена следующими обстоятельствами:

1) к личности судьи предъявляются особые повышенные требования, поскольку его главной функцией является неукоснительное соблюдение требований законодательства для вынесения независимого и справедливого решения;

2) судья несет высокую ответственность за принимаемое решение, а также всю тяжесть последствий судебных ошибок, которые, в свою очередь, ведут к подрыву авторитета всей судебной власти;

3) государство несет значительные материальные издержки, связанные с назначением и отстранением судей, которые оказались неспособными адаптироваться к работе.

Психологическое диагностирование кандидата на должность судьи проводится посредством комплекса научно-методических, организационных и практических мероприятий, направленных на выявление факторов, способных препятствовать успешному осуществлению профессиональной деятельности. Психологическое диагностирование кандидата на должность судьи проводится квалифицированным психологом, который фиксирует индивидуально-психологические особенности обследуемого, выделяет предполагаемые сильные и слабые стороны кандидата как будущего судьи. Целесообразным видится выявление у кандидата на должность судьи психических состояний, таких как тревожность, утомление, психическая напряженность, которые способны существенно ослабить проявление профессионально значимых способностей.

В нормативно правовых актах Российской Федерации отсутствует закрепление качеств, которыми должен обладать кандидат на должность судьи. Для того, чтобы соответствовать высокой должности судьи, кандидат должен обладать некоторыми морально-психологическими качествами: честностью, дисциплинированностью, стрессоустойчивостью, работоспособностью в критических ситуациях и в состоянии утомления, развитостью воображения, способностью к абстрагированию, способностью понимать психологические особенности собеседника, устойчивостью к эмоционально-речевым приемам воздействия, сентиментальным оценкам. Полагаю, что к профессиональным навыкам относятся и психологические черты личности, претендующей на занятие должности судьи, в связи с чем они подлежат законодательному закреплению. Конечно, найти довольно большое количество граждан, обладающих набором всех перечисленных качеств, будет сложно. Однако, введение метода оценки кандидата с психологической стороны позволило бы квалификационным коллегиям судей выбрать из кандидатов, изначально наиболее приспособленных к работе в статусе судьи.

Психологическое диагностирование позволяет раскрыть структуру личности, описать ее особенности. Также, следует давать оценку состояния кандидатов не только на момент проведения обследования, но и прогнозирование их профессионального развития, возможности адаптации к условиям предстоящего труда.

В нескольких странах СНГ психологическое диагностирование кандидатов на должность судьи получило свое законодательное закрепление. Например, в Республике Казахстан процедура сдачи квалификационного экзамена включает в себя психологическое тестирование [6]. Кроме того, кандидаты, успешно сдавшие квалификационный экзамен с учетом результатов психологического тестирования, могут быть направлены на прохождение полиграфологического исследования, чтобы получить дополнительную информацию и проверить достоверность сообщенных сведений. В числе требований к кандидату на должность судьи в Республике Молдова указаны прохождение тестирования с применением полиграфа и проверка состояния здоровья кандидата, в том числе психологического и психиатрического [7].

Некоторыми авторами также были рассмотрены вопросы о проведении психологического диагностирования лиц, поступающих на должности государственной службы в судах. В частности, предлагается проводить психологическое диагностирование секретарей судебного заседания и помощников судей, поскольку они являются основным источником пополнения судебного корпуса [5]. Однако, стоит отметить, что далеко не все помощники и секретари судебного заседания связывают свою дальнейшую профессиональную деятельность с должностью судьи. Кроме того, авторами проводится сравнение с поступлением на службу в органы внутренних дел, что, на мой взгляд, является не совсем верным. Главным отличием трудовой деятельности сотрудников органов внутренних дел является наличие у них властных полномочий, нередко сопровождающихся применением физической силы. Кроме того, учитывая текучесть кадров судебных органов, постоянную неукомплектованность судебных составов, успешность вопроса об усложнении процедуры поступления лиц на должности государственной службы в судах ставится под вопрос.

Для осуществления судьями своих полномочий необходимо оказание помощи кандидатам на должность судьи в формировании должного отношения к правосудию и правам человека, необходимых психологических качеств, которые позволили бы адаптироваться к будущей должности и условиям труда. Кроме того, в Российской Федерации отсутствует практика специальной подготовки будущих судей, которая существует в различных формах в некоторых странах СНГ и странах Европейского союза. При внедрении данной подготовки кандидатов на должность судьи законодатель стремился к главной цели – назначение на должность судьи наиболее профессионально подготовленных, высоконравственных и эмоционально устойчивых кандидатов. К сожалению, данные процедуры не предусмотрены законодательством Российской Федерации, вследствие чего целесообразным видится рассмотрение вопроса о законодательном закреплении и внедрении в практику обязательного

психологического диагностирования кандидатов на должность судьи, для выявления не только наиболее профессионально подготовленных, но и эмоционально и психологически готовых кандидатов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
2. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Постановление Президиума Совета судей РФ от 26.07.2002 «О результатах эксперимента по психодиагностическому обследованию кандидатов на должность судьи и перспективах использования методов психодиагностики в кадровой работе» // СПС «Консультант Плюс».
4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17.03.2009 № 44 (ред. от 30.11.2018, с изм. от 06.12.2018) "Об утверждении Методических рекомендаций по организации психологического сопровождения работы по отбору кандидатов на должность судьи» // СПС «Консультант Плюс».
5. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 436-V ЗРК «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан» // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000436>.
6. Васильева А.С., Калинин С.В. Об организации работы психолога в суде // Российский судья. 2006. № 11.
7. Клеандров М.И. Конституционные и законодательные особенности формирования судейского корпуса в государствах – участниках СНГ // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 2 – 6.

Об авторе:

КАРПУНИНА Ирина Николаевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СПОРАХ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА ДЕТЕЙ

Р.В. Кондратьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются правовые и психологические аспекты споров об определении места жительства детей. Автор указывает значение интереса ребенка при разрешении указанных споров. В статье исследуются правоприменительная практика и статистические данные по спорам, связанным с расторжением брака родителей и определении места жительства ребенка. Результатом исследования явилось исследование возможности внесения изменений в действующее законодательство РФ.

Ключевые слова: место жительства ребенка, интерес ребенка, несовершеннолетний, психология.

Семейное право является той отраслью права, в которой переплетены правовые и психологические начала. Именно в семейных правоотношениях, в отличие от иных видов правоотношений, первостепенны личные неимущественные отношения, которые представляются довольно сложным и неоднозначным правовым явлением.

Одним из видов личных неимущественных правоотношений являются отношения между родителями и детьми. Несомненно, что одним из важнейших факторов социализации была и остается семья как первичная ячейка общества, влияние которой ребенок испытывает раньше всего, когда он наиболее восприимчив. Воспитание ребенка представляет собой не только право родителей на выбор способов и методов семейного воспитания, право надзора за поведением своих несовершеннолетних детей, но и создание родителями внутрисемейной атмосферы, отношения в которой будут основываться на родственных чувствах, любви и доверии.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и возможности судебной защиты этих прав.

Однако, сегодня ценность семьи постепенно утрачивается, происходит девальвация ценности семьи как важнейшей компоненты общества. Одной из проблем является увеличение количества браков. В Российской Федерации в последнее время сложилась весьма острая демографическая ситуация. Велико количество разводов. Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики в 2016 году количество разводов составило 608 336, в 2017 – 611 436, в 2018 – 583 942, в 2019 – 620 730 [8]. Данные статистики свидетельствуют о том, что лишь в 2018 году количество разводов

сократилось, однако в остальные года количество разводов лишь увеличивалось, при этом большое количество детей лишаются одного из родителей при разводах. Разводы негативно отражаются на правовом статусе ребенка, поскольку развод родителей и тем более «дележ» детей – это почти всегда тяжелый стресс для психики ребенка.

Представляется, что наиболее важными личными неимущественными правами ребенка в данных отношениях согласно статье 54 Семейного кодекса РФ являются право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам [1]. В случае развода родителей указанные права ребенка могут быть нарушены, поскольку зачастую родители при определении места жительства ребенка руководствуются не интересами ребенка, а своими собственными амбициями.

В современных условиях анализ правоприменительной практики позволяет констатировать важность и сложность вопросов, связанных с определением места жительства ребенка в случае раздельного проживания его родителей. Разрешение ситуации, с кем и где будет проживать несовершеннолетний, несомненно, во многом определит его будущую судьбу [7, с. 41]. В вопросе об определении места жительства ребенка следует отметить не только правовые аспекты, но и психологические, поскольку в данной области первостепенное значение имеет именно интерес ребенка, как правовое и психологическое явление.

В случае развода родителей ребёнок прежде всего страдает от нарушения взаимоотношений между ним и родителем и от этого развивается множество отличительных особенностей таких детей. Это и особенности характера (к примеру, у таких детей более развито чувство ответственности, уныния и нервозности), особенности миропонимания (к примеру, такие дети страдают от недостатка мужского или женского внимания, от недоверия к близким людям и от развитого чувства одиночества). Дети, пережившие развод родителей, более ответственны и нервозны, они могут быть в жизни более самостоятельными, но на различные проблемные мелочи они реагируют более остро и травмоопаснее для психики [6, с. 111].

Соответственно, при определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей следует учитывать, что сам бракоразводный процесс родителей отрицательно влияет на формирование психики ребенка. Ребенок переживает данный эмоциональный стресс легче, если родители остались в хороших отношениях и способны грамотно выстраивать диалог, успешно выполняя свои родительские обязанности. Однако такие ситуации крайне редки в современном мире.

Представляется возможным и необходимым, оказать психологическую помощь как самим родителям, так и детям при возникновении спора об определении места жительства детей. Нередко родители допускают огромную

ошибку, высказываясь негативно по поводу бывшего партнера, либо оба родителя, будучи озлобленными, транслируют на ребенка свою злость друг на друга, пытаясь привлечь ребенка на свою сторону и втягивая его в конфликт, обесценивая тем самым образ родителя, лишая себя авторитета. В данном случае психологу важно настроить родителей на конструктивный контакт с ребенком, абстрагироваться при общении с ним от проблем, связанных с разводом, подчеркнуть, что ребенок в данной ситуации для них должен оставаться ребенком, не взрослым, с которым нужно обсуждать тяготы развода, ребенком, нуждающимся в поддержке и внимательном слушании, понимании, что его чувства и переживания важны для всех. Также психологу необходимо помочь родителям выстроить новые способы взаимодействия родителей с ребенком, чтобы последний не чувствовал себя ущемленным и не так остро переживал изменившиеся в его жизни обстоятельства [5, с. 98].

Соответственно, в спорах при определении места жительства ребенка психологу необходимо объяснить родителям, что главное для них – это помнить, что обеспечение интересов детей должно быть предметом их основной заботы и разрешить спор, руководствуясь именно данным критерием. Задача психолога заключается в помощи принять жизнь такой, какая она есть, с ее трудностями и вопросами, в помощи обеим сторонам конфликта разобраться в чувствах каждого; максимально постараться не допустить, чтобы конфликтующие супруги не направляли негативизм на детей [4, с. 11]. В связи с этим представляется целесообразным ввести в семейное законодательство процедуру взаимодействия с психологом не только ребенка, но и его родителей. Данное изменение будет способствовать разрешению спора об определении места жительства ребенка в интересах ребенка и нанесению меньшего ущерба психике ребенка. Соответственно, интерес ребенка как психологическое явление представляет собой потребность ребенка в обеспечении нормального микроклимата в семье.

С правовой точки зрения согласно статье 65 Семейного кодекса РФ место жительства детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей. При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей [1]. Следовательно, закон обязывает суды при определении места жительства ребенка разрешать спор, руководствуясь интересом ребенка и его мнением.

При этом статья 65 Семейного кодекса РФ обязывает суд учитывать привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое). Как пра-

вило, судебная практика показывает, что для решения данных вопросов зачастую используются заключения органов опеки и попечительства, сотрудники которых не имеют психологического образования и не способны дать квалифицированное заключение.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) представлен следующий судебный спор. Р. (отец несовершеннолетних детей) обратился в суд с иском к Е. (матери несовершеннолетних детей) об определении места жительства детей Д. и Н., освобождении от уплаты алиментов в отношении детей, возложении на ответчика обязанности передать детей истцу. Е. исковые требования не признала и обратилась со встречным иском к Р., в котором просила определить место жительства детей с ней.

Разрешая спор и определяя место жительства несовершеннолетних детей с отцом, суд первой инстанции, руководствуясь ст. 61 и 65 Семейного кодекса Российской Федерации, исходил из того, что с сентября 2013 года дети проживали и воспитывались с отцом. Кроме того, суд принял во внимание заключение органа социальной защиты, согласно которому место жительства несовершеннолетних возможно определить по месту жительства их отца. С выводами суда первой инстанции согласился и суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, указав, что по данному делу одним из юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств являлось выяснение вопроса о том, проживание с кем из родителей наиболее полно будет соответствовать интересам детей.

Судом не учтено, что при рассмотрении дела он обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий. Определяя местом жительства несовершеннолетних детей место жительства истца, суд первой инстанции сослался на заключение компетентного органа, согласно которому возможно проживание несовершеннолетних детей с их отцом. Между тем в материалах дела содержатся заключения в отношении несовершеннолетних, составленные педагогом-психологом, из которых следует, что мальчики в большей степени испытывают доверительные отношения к маме и негативно относятся как к самому Р., так и к его новой семье, проживать с ними не хотят. Опрошенный в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции педагог-психолог пояснила, что несовершеннолетний Д. выразил желание жить с матерью, что также было отражено в психолого-педагогическом обследовании ребенка. Однако суд первой инстанции отдал предпочтение заключению органов опеки и попечительства, и критически отнесся к заключениям педагогов-психологов.

В Обзоре Верховный Суд РФ указывает, что при установлении тех или иных обстоятельств, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. В этих целях судами, в частности, должны быть назначены судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические) [2].

Проанализировав материалы судебной практики, можно сделать вывод о том, что при разрешении споров, связанных с определением места жительства ребенка, зачастую интересы детей устанавливаются исходя из заключения органов опеки и попечительства. Данный подход представляется неправильным, поскольку сотрудники не обладают необходимой компетенцией и не могут дать заключения, отвечающие на вопросы об интересах ребенка. Казалось бы, соображения, касающиеся значения доказательств, исходящих от экспертов-психологов в спорах об определении места жительства ребенка, бесспорны и самоочевидны. Но психологи привлекаются к участию в судебных спорах лишь «иногда», а решения принимаются и вопреки их заключениям [3, с. 95].

Для решения проблемы принятия решений судов, не соответствующих истинным интересам ребенка, необходимо закрепить обязанность судов при рассмотрении спора об определении места жительства детей назначать психологическую экспертизу и использовать результаты психологической экспертизы для решения вопроса об определении интересов детей. Данный подход является обоснованным, поскольку, каждый спор индивидуален и требует от судьи внимательного изучения всех факторов, которые могут иметь значение для определения истинного интереса ребенка и принятия законного и обоснованного решения. Именно заключение компетентного психолога будет способствовать принятию решения, отвечающего интересам ребенка.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что споры об определении места жительства детей имеют не только правовые, но и психологические аспекты. Именно психологическая сторона данного спора обуславливает важность определения интересов ребенка. Представляется правильным внесение соответствующих изменений в национальное семейное законодательство. Так, необходимо установить институт психологической помощи родителям и детям при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, в частности, при определении места жительства ребенка. Данное изменение будет способствовать снятию острой психологической обстановки в семье, в которой теряется значение потребностей ребенка. Также предлагается при разрешении споров

об определении места жительства детей в обязательном порядке назначать судебно-психологическую экспертизу, что будет способствовать принятию законного и обоснованного решения.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020 с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 06.02.2020 № 10-ФЗ) // СЗ РФ. 10.02.2020. № 6. Ст. 589.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) // URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_11/ (дата обращения: 12.04.2021 года).
3. Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92-111.
4. Коренева Е.П. Психология семейного кризиса: подходы к семейному консультированию при ненормативных кризисах // Концепт. 2019. № 3. С. 1-11.
5. Мамедова Л.В. Психологическая помощь детям при разводе родителей // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 96-99.
6. Морозова А.А. Взаимоотношение родителей и детей после развода // Форум молодежной науки. 2020. № 2. С. 103-111.
7. Семенова И.Ю., Александрова Н.В. Некоторые теоретические и практические вопросы, связанные с определением места жительства ребенка по законодательству РФ // OeconomiaetJus. 2017. № 3. С. 41-46.
8. Данные статистики Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.04.2021 года).

Об авторе:

КОНДРАТЬЕВА Риана Валерьевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ГРАЖДАНИНА

К.А. Коровкина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автором статьи проанализированы роль и значение психологических факторов при рассмотрении и разрешении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. В статье исследуется, каким образом комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза может помочь при вынесении решения по делам данной категории.

Ключевые слова: защита чести, достоинства, деловой репутации; судебная психолого-лингвистическая экспертиза; диффамация; психология.

Честь, достоинство и деловая репутация – это неотъемлемые составляющие сознания каждого человека, которые влияют на его восприятие себя как личности в обществе. Будучи существом социальным, разумным и сознательным, человек не может не задумываться над тем, как относятся к нему окружающие, что они о нем думают, какие оценки выносятся его поступкам и всей его жизни. Однако зачастую слова и информация, высказанные или иным способом распространенные, порочат и оскорбляют людей, тем самым нарушаются их права и свободы. Действующим законодательством РФ предусмотрен судебный порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Согласно п. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности [1].

Честь и достоинство в первую очередь представляют собой нравственные категории. Понятие чести связано с положительной оценкой личности в глазах окружающих, признанием заслуг, высоких моральных качеств человека, его общественного положения, репутации в социуме.

Понятие достоинства связано с самооценкой субъекта, осознанием им своей ценности как конкретной личности, члена общества, профессионала и т.п., а также ценности социальных групп, к которым он принадлежит (национальное, религиозное, профессиональное достоинство).

Следовательно, умаление или унижение чести и достоинства может стать тяжелым психологическим ударом для человека. Однако здесь важно отметить, что все люди по-разному реагируют на одни и те же слова. Восприятие чужих слов и действий напрямую зависит от характера человека, его самооценки, темперамента, а иногда и настроения в конкретный момент времени. Так, один человек может даже и не заметить сказанные другим лицом неприятные слова, а для другого – эти же слова покажутся оскорблением и унижением его чести и достоинства.

Психологическое содержание понятий оскорбления и унижения человеческого достоинства шире их правового содержания. Юридическое значение

могут иметь умышленная недостоверная диффамация в виде клеветы (предусмотрена уголовно-правовая ответственность) и неумышленная недостоверная диффамация (предусмотрена гражданско-правовая ответственность), которые осуществляются путем распространения о человеке не соответствующих действительности сведений, порочащих его честь и достоинство.

Нередко суд, заслушав мнения сторон и изучив материалы дела, назначает проведение психолого-лингвистической экспертизы. Это бывает в случаях, когда у суда возникают вопросы, для ответов на которые необходимы специальные познания в области психологии межличностных взаимоотношений, речевого поведения, психологического анализа текстов или устных высказываний, психологического воздействия на сознание аудитории средств массовой информации и т.д. [4, с. 102].

В науке высказывается мнение, что комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза необходима в случаях, когда предметом оценки словесного высказывания выступает не только лингвистический анализ самого высказывания, но и направленность высказывания, воздействие распространения сведений на потерпевшего.

В этом случае психологические элементы составляют часть содержания оценочной юридической категории. Названные категории (честь, достоинство, порочащие сведения) являются юридическими, и их вправе квалифицировать только суд. Но одновременно они имеют социально-психологическое содержание и выражают различную взаимосвязь самооценки личности и общественной оценки, поэтому для законного и обоснованного судебного решения необходимо мнение профессионала.

Задачами судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются: определение психологического состояния истца; диагностика индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, установление степени выраженности изменений психической деятельности, определение динамических особенностей изменений психической деятельности, установление причинно-следственной связи между причинением вреда и переживаемыми нравственными страданиями [2, с. 14].

Однако стоит отметить, что на практике такая комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза редко назначается судами. Чаще всего проводится только лингвистическая экспертиза, без анализа направленности спорного высказывания, психологического воздействия на человека. При использовании исключительно лингвистических подходов часто не достигается цель судебной экспертизы – объективное доказывание фактов, имеющих значение для дела.

Потребность в установлении психологического портрета личности по делам, где суд оперирует оценочными категориями для квалификации предмета процесса, обусловлена тем обстоятельством, что юридическая оценка

личности является существенным обстоятельством, подлежащим установлению по делу. Заключение эксперта-психолога не подменяет собой юридико-социальную оценку личности, но является судебным доказательством, позволяя суду компетентно решить задачу [3, с. 20].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что психологическая оценка фактов и обстоятельств по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, имеет большое значение при разрешении спора. От психологического восприятия человеком высказываний другого лица будут зависеть суть требований, степень нравственных переживаний, которая учитывается при решении вопроса о компенсации морального вреда по данной категории дел.

Психологический портрет личности в данных спорах помогает определить степень воздействия порочащих сведений на психику и здоровье потерпевшего, установить причинно-следственную связь между причинением вреда и переживаемыми нравственными страданиями, провести оценку преднамеренности оскорбления.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 1994. №32. ст. 3301
2. Дашкина Э.Ш., Володина С.И. Использование адвокатом специальных знаний в области психологии по оценке нравственных страданий (на примере диффамационных споров)//Адвокатская практика, 2006. №6. С.7-17
3. Сахнова Т.В. О судебной экспертизе как инструментариим справедливого процесса // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 12 – 26.
4. Южанинова А.Л. Психолого-юридические критерии унижения чести и достоинства граждан и социально-психологическая судебная экспертиза //Философия. Психология. Педагогика. 2009. №4. С.100-104.

Об авторе:

КОРОВКИНА Ксения Александровна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Д.А. Макеев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются причины возникновения профессиональной деформации личности государственного служащего, а также ключевые особенности этой деятельности. Анализируется специфика работы государственного служащего и негативные факторы, которые влияют на личность работника, а также приводится попытка решения проблем профессиональной деформации личности государственного служащего.

Ключевые слова: государственная служба, особенности государственной службы, профессиональная деформация личности, юридическая психология, источники деформации личности.

Для функционирования государства необходим аппарат государственного управления, в который входит государственная служба. Работники такой службы должны быть профессиональными, т. к. выступают связующим звеном между институтом государства и населением.

Большинство современных чиновников имеет юридическое образование, исходя из этого мы можем проанализировать профессиональную деформацию личности через юридическую психологию.

Опираясь на данные зарубежных и отечественных исследователей, О.Б. Полякова дает следующее определение: профессиональная деформация личности – это «деструктивные изменения личности (изменение психической структуры, качеств личности под влиянием выполнения профессиональных обязанностей), возникающие при многолетнем выполнении одной и той же профессиональной деятельности, которые негативно сказываются на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса и порождают профессионально нежелательные качества, изменяющие профессиональное поведение человека»[4].

Нормативным источником специфики формирования профессиональных установок и объясняющим особенности профессиональной деятельности государственных служащих, отличающим ее от аналогичных профессий, является Федеральный закон № 79-ФЗ от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1].

В данном законе закреплены как ограничения государственной службы, так и обязательства к поведению, которые должен соблюдать человек при выполнении своих служебных обязанностей. Профессиональная деформация личности может вести к несоблюдению ограничений, требований и запретов.

К ключевым особенностям деятельности государственных служащих, по мнению Е.Ю. Акимовой, относятся:

- а) управленческий характер;
- б) публичность;
- в) общественная полезность;

г) сопряжение общественных, групповых, индивидуальных интересов, создание и укрепление общественных ценностей и традиций [2].

Данные особенности государственной службы определяют специфику факторов, вызывающих у работников деформацию личности. Основные факторы – жесткая регламентация и однообразие трудовой деятельности, большой объем информационной аналитической и коммуникативной работы, высокие профессиональные риски, особые требования к служебной деятельности и служебному поведению.

Выделяют следующие источники профессиональной деформации личности государственных служащих:

- организационные недостатки постоянно заставляют нервничать, переживать, напрягаться;
- часто возникает тревожное ожидание, связанное с работой (что-то должно случиться, как бы не допустить ошибку, не сократят ли и тому подобное) [3].

Данные факторы свидетельствуют о том, что на личность государственного служащего огромное влияние оказывает неправильное отношение со стороны руководителя, который не может организовать коллектив так, чтобы каждый успевал делать разнообразную работу по своим силам и рабочему времени. Типичная ошибка в коллективе, когда один сотрудник отвечает за составление юридических документов и их проверку, ведь каким бы государственный служащий внимательным и работоспособным не был, от однообразной работы он начнет допускать ошибки. Что в итоге скажется на его положении в коллективе и в глазах руководства.

В целом государственные служащие, как представители профессий типа «человек-человек», особо подвержены профессиональной деформации в аффективной сфере. Это вызвано не только монотонным трудом, но и тем, что общение с другим человеком предполагает обратное воздействие [3].

Государственные служащие настолько устают на работе, что дома стараются общаться как можно меньше. А это, в свою очередь, ведет к плохим взаимоотношениям с родными и близкими людьми, что в конце в свою очередь перерастает в стресс, который накапливается внутри человека. Из-за этого работник может быть в плохом настроении и проявлять свой гнев на людей, которые пришли к нему для консультации, или на других сотрудников.

Причины усталости государственных гражданских служащих существенно связаны с внутриорганизационными недостатками условий их труда.

Так, например, можно выделить следующие неблагоприятные условия труда недостаточная двигательную активность и монотонные условия труда, вся работа строится на взаимодействии с компьютером на рабочем месте.

А также наличие перегрузок и ненормированность рабочего дня из-за устаревшего регламента и плохой оптимизации процесса деятельности. При анализе любой работы государственного служащего можно заметить такие рудименты как занесение данных не только в компьютерную программу, но и в специальную тетрадку, которая тебе никогда не понадобится.

Как уже говорилось ранее, важная часть государственной службы – это работа с гражданами. Часто это общение также выступает частью деформации личности государственного служащего. Так, основная причина заключается в том, что, у населения имеется негативное отношение к местной власти. Также одной из причин является и невежливость посетителей, из-за этого возникают конфликтные ситуации. Вследствие чего работники, пришедшие на работу с целью помочь гражданам, разочаровываются в своей трудовой деятельности, что сказывается на их психическом состоянии.

Все эти факторы способствуют развитию профессионального стресса, оказывают негативное влияние не только на эффективность труда, но и в целом на всю жизнедеятельность человека, отражаясь на его психическом и соматическом состоянии, а также приводит к проблемам со здоровьем [5].

Таким образом, развитие профессиональной деформации личности государственных гражданских служащих происходит под воздействием как внутриорганизационных причин, обусловленных спецификой профессиональной деятельности, так и под влиянием факторов социально-психологического характера.

Решение всех этих проблем работников возможно только с помощью государственной политики, направленной на поддержание государственных служащих. Она должна заключаться, в правовом поле, а именно оптимизация должностных регламентов и обязанностей работника. Также государство должно организовывать мероприятия для руководящего состава по улучшению профессиональных знаний, связанных с получением набора качеств лидера, направленных на организацию коллектива и поддержание групповой солидарности на рабочем месте. Лучший способ стать хорошим лидером – это постоянно учиться чему-то новому. Это поможет сохранить острый ум и не растерять профессиональные навыки. Необходимо обратить внимание на распределение объема работы между сотрудниками. Для работников необходимо систематически проводить корпоративные мероприятия, тренинги на сплочение.

Таким образом, система государственной службы, несомненно, отражается на личности работника. На развитие профессиональной деформации личности влияет множество причин, среди которых выделяют объективные и субъективные. С учетом вышеуказанных рекомендаций возможно предупредить наступление синдрома эмоционального выгорания и профессиональной деформации личности сотрудника государственной службы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Российская газета». 2004. № 162.
2. Акимова Е.Ю. Профилактика профессиональных деструкций государственных служащих // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. Том II (Психолого-педагогические науки). С.247-251.
3. Комлева В.В. К вопросу о профессиональной деформации государственных служащих // Вестник ТГУ. 2002. Выпуск №4 (28). С.38-42.

4. Полякова О.Б. Психогигиена и профилактика профессиональных деформаций личности. М.: МПСИ. 2008.С. 304.

5. Профессиональная деформация личностных качеств государственных гражданских служащих: Монография / М.В. Полевая, Е.В. Камнева, Н.С. Пряжников, Л.А. Жигун, В.В. Бондаренко, Н.В. Анненкова, Р.А. Ширванов, З.И. Борисова, Ю.А. Жуйкова, В.В. Казьмина, Е.А. Урожок. – М.: СВИВТ. 2017. С. 189.

Об авторе:

МАКЕЕВ Данила Александрович – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ДЕЛАХ О ЛИШЕНИИ И ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

П.Э. Малинина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В данной статье рассматривается психологический аспект в делах о лишении и ограничении родительских прав. Проводится анализ действующего законодательства в части применения мер семейно-правовой ответственности. Делается акцент на том, что право ребенка на выражение мнения при решении в семье вопросов, затрагивающих его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, является его важнейшим личным неимущественным правом. На основе этого права рассматриваются социально-психологические стороны данной категории дел.

Ключевые слова: психологические аспекты, лишение родительских прав, ограничение родительских прав, интересы ребенка, противоправное поведение, исключительная мера, родительские обязанности, осуществление родительских прав, защита прав.

В семейном законодательстве Российской Федерации, а также в научных исследованиях присутствует упоминание большого объема споров, затрагивающих интересы детей.

Заметим, что перечень дел, связанных с воспитанием детей, является достаточно широким. Кроме того, некоторые ситуации, которые будут основанием возбуждения такого дела, закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [4].

Более подробно мы рассмотрим такую категорию дел как дела, связанные с воспитанием детей, а именно о лишении или ограничении родительских прав.

Лишение и ограничение родительских прав являются мерами ответственности, предусмотренными семейным законодательством Российской Федерации [3]. Применить ту или иную меру ответственности можно лишь в судебном порядке.

Судебный процесс о лишении или ограничении родительских прав во всех случаях затрагивает интересы детей и отражается на их психическом состоянии и развитии. Это наталкивает на необходимость более подробного изучения вопроса психологического аспекта в делах о применении мер семейно-правовой ответственности.

Родительские права предоставляются гражданам не только для удовлетворения потребностей матери и отца, но, в первую очередь, в целях обеспечения интересов детей. Забота о детях, их воспитание – это право и обязанность родителей [1].

Тема лишения и ограничения родительских прав является весьма сложной в рассмотрении. Она связана с семейными тяжбами, сильными эмоциональными переживаниями во время судебного процесса, как для ребенка, так и для родителей.

Статья 9 Конвенции о правах ребенка гласит: «Государства – участники обеспечивают, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка» [2]. Из этого можно сделать вывод, что дела о лишении родительских прав должны разрешаться судом со всей внимательностью к имеющимся материалам дела.

В рамках исследуемой темы хотелось бы упомянуть статью 12 Конвенции о правах ребенка, в которой сказано, что обязанностью государства является обеспечение возможности для ребенка сформировать свои взгляды, а также свободно выражать их. Кроме того, подразумевается, что данным взглядам необходимо уделять значительное внимание. Данный международный акт подразумевает, что ребенок в обязательном порядке должен быть заслушан в ходе судебного разбирательства, напрямую затрагивающего его интересы.

Этот факт подводит нас к такому аспекту, как эмоциональное состояние ребенка во время выражения своего мнения в суде.

Дети в возрасте до десяти лет обладают правом на мнение в режиме диспозитивности, то есть учитывать его мнение нужно обязательно, но уровень мотивации и обязательности другого решения определяется судом и органами опеки и попечительства.

После достижения десятилетнего возраста мнение несовершеннолетнего учитывается в обязательном порядке. В ситуациях, описанных в законодательстве (например, статьи 59, 72, 132, 134, 136, 143 Семейного Кодекса Российской Федерации), суд и органы опеки и попечительства могут приходить к решению лишь с согласия ребенка, возраст которого достиг 10 лет [3]. При этом органы опеки и попечительства также должны обозначить свою позицию относительно целесообразности вызова ребенка в суд, что должно быть отражено в их заключении.

При этом законодатель делает значительную оговорку – мнение ребенка учитывается в том случае, если это не противоречит его интересам. Также суд принимает во внимание и некоторые иные факторы, например, возраст ребенка, степень его привязанности к членам семьи, условия возможного проживания.

Рассмотрим несколько вопросов, затрагивающих психологические аспекты участия ребенка в делах о лишении или ограничении родительских прав.

По делам о лишении или ограничении родительских прав, как правило, рассматриваются такие вопросы (в отношении несовершеннолетних) [5]:

1. Имеются ли признаки неблагоприятных последствий действий родителей (родителя/лица, его заменяющего) для психики, психического и личностного развития несовершеннолетнего? Если да, в чём конкретно они выражаются?

2. Каково психологическое отношение ребёнка к своим родителям?

3. Выявляет ли несовершеннолетний негативное отношение к своим родителям? Если да, в чём это выражается и с чем связано?

4. Определение индивидуально-психологических особенностей родителей и ребёнка.

Данные вопросы, безусловно, являются важными при участии ребенка в судебном процессе. Они помогают составить психологическую картину той или иной семьи, вопрос лишения или ограничения родительских прав в которой подлежит рассмотрению судом.

Нет сомнений, что для большинства родителей применение таких мер семейно-правовой ответственности как лишение или ограничение родительских прав является действительно исключительным, а, следовательно, и высокоэффективным наказанием. Однако указанные меры применяются зачастую к лицам, утратившим понятие ценности отцовства и материнства, они не только не достигают ожидаемого эффекта, но и окончательно снимают с родителей моральную ответственность за воспитание детей.

Таким образом, с точки зрения социально-психологического аспекта возникает необходимость создания нормативной основы для ведения профилактической работы в области семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми. Все это требуется для уменьшения столь серьезного влияния на психику ребенка, который пусть и не всегда напрямую, но все же задействован в судебном процессе.

Данная работа по созданию нормативной основы потребует более четкого определения правовых, социальных и психологических оснований для признания семьи неблагополучной.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс] // Консультант Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-28399/, свободный (дата обращения: 17.04.2021).

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). [Электронный ресурс] // Консультант Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения 16.04.2021).

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_-doc_LAW_8982/ (дата обращения 16.04.2021).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71709348/> (дата обращения 16.04.2021).

5. Образцова Н.И. УЧЕТ МНЕНИЯ РЕБЕНКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ // Вопросы российской юстиции. 2020. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchet-mneniya-rebenka-pri-rassmotrenii-dela-o-lishenii-roditelskih-prav> (дата обращения: 18.04.2021).

Об авторе:

МАЛИНИНА Полина Эдуардовна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА ПО ДЕЛАМ О ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПРОТИВОТУБЕРКУЛЕЗНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

А.С. Мокеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются психологические изменения в личности адвоката при осуществлении профессиональной деятельности по представлению интересов лица, болеющего туберкулезом. Особое внимание направлено на изучение сущности профессиональной деформации личности юриста, причин, обуславливающих возникновение и развитие деформации правосознания адвоката в рамках представительства по делам о принудительной госпитализации в противотуберкулезную организацию.

Ключевые слова: *принудительная госпитализация, психологические аспекты, личность адвоката, формализм, профессиональная деформация.*

Любая форма туберкулеза является социально значимой и представляющей опасность для окружающих, безусловно, требует выявления и лечения. Так, например, согласно постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. N 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» к числу социально значимых заболеваний относится туберкулез [3]. Известно, что наиболее опасной является открытая форма туберкулеза, которая характеризуется активным выделением микобактерий. При закрытой форме туберкулеза зараженный человек безопасен и не распространяет инфекцию в массы, однако без должного внимания и лечения закрытая форма может перерасти в открытую форму, в результате чего возникает потенциальная угроза.

Принудительная госпитализация в противотуберкулезную организацию является одним из императивных методов борьбы с туберкулезом, который не может быть в полной мере реализован без соответствующего судебного решения.

Решение о недобровольной госпитализации лица в противотуберкулезную организацию принимается исключительно судом в рамках административного судопроизводства. В случае неизвестности места жительства (места пребывания) лица, отказа данного лица от принятия судебного извещения, неявки такого лица, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания, без уважительных причин в судебное заседание, суд вправе рассмотреть административное дело с участием в судебном заседании представителя административного ответчика, а при его отсутствии – с участием в судебном заседании назначенного судом адвоката [4].

Деятельность адвоката сводиться не только к логическим построениям. Его задача – привнести в судебное разбирательство дух нравственного мышления, создать атмосферу милосердия при обсуждении остроконфликтных ситуаций, четко отграничить проявление злой воли от случайного проступка, по-

казать суду подлинные причины исследуемого происшествия, возможное стечение тяжелых обстоятельств, приведших к временному снижению психорегуляционных возможностей его подзащитного [6].

Анализ судебной практики показал, что адвокаты при осуществлении деятельности по защите прав лица, болеющего туберкулезом, придерживаются трех позиций. Первая, связана с поддержанием исковых требований, вторая – адвокат заявляет о возражении относительно удовлетворения заявленных требований, однако не выступает с позицией активного отстаивания прав доверителя, и третье – представитель высказывает позицию о принятии решения на усмотрение суда, без поддержания или возражений относительно исковых требований.

По делам о принудительной госпитализации в противотуберкулезную организацию, адвокат, в случае неизвестности места жительства (места пребывания) лица, отказа данного лица от принятия судебного извещения, неявки такого лица, без уважительных причин в судебное заседание не ставит задачу по защите позиции доверителя, а направляет свою деятельность на защиту тех интересов доверителя, которые по мнению адвоката являются первоочередными. В такой ситуации задачи адвоката и врача, настаивающего на госпитализации, имеют общую цель: оказать больному медицинскую помощь.

При этом стоит отметить, что в соответствии с подпунктом 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самооговора своего подзащитного [1]. Указанные обязанности распространяются и на участие адвоката в деле по назначению суда, поскольку в силу ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката доверителем является, в частности, лицо, которому адвокатом оказывается юридическая помощь по назначению суда [2]. Поэтому, если пациент (доверитель) высказал позицию о возражении относительно исковых требований, то адвокат не вправе представлять доверителя вопреки его интересам.

Возражения адвоката, основанные на высказываниях доверителя относительно заявленных исковых требований, могут быть подкреплены фактическими обстоятельствами, зачастую связанные с тяжелой жизненной ситуацией. Так, например, адвокат в судебном заседании может возражать по различным основаниям, ссылаясь совершенно на разнообразные обстоятельства: отличное самочувствие ответчика, иждивение несовершеннолетних детей, желание пройти лечение и другие. Однако суд особое внимание уделяет именно трем основным обстоятельствам: наличие заразной формы туберкулеза, нарушение санитарно-противоэпидемического режима и наличие заключений врачей о прекращении диспансерного наблюдения.

Главной психологической особенностью адвоката по назначению по данной категории дел является его пассивная позиция в судебном заседании,

выражающаяся в отсутствии стремления разрешить вопрос в пользу ответчика. В первую очередь данная позиция связана с необходимостью устранения угрозы распространения туберкулеза в массы.

По итогу, в результате такой деятельности у адвоката возникает профессиональная деформация. По мнению Скабелиной Л.А. «профессиональная деформация личности – это деструктивные изменения ее качеств, происходящие под влиянием профессиональной деятельности, негативно влияющие на продуктивность и создающие проблемы в личностном общении» [8].

Впервые термин «профессиональная деформация» ввел Питирим Сорокин как обозначение негативного влияния профессиональной деятельности на человека; профессиональную деформацию описывали в своих работах такие ученые, как С.Г. Геллерштейн (1930), Е.И. Рогов (1992, 2016), А.К. Маркова (1996), Э.Ф. Зеер (1999, 2003), С.П. Безносков (2004), Р.М. Грановская (2010), С.А. Дружилов (2013) [5].

Профессиональная деформация адвоката проявляется в изменении психологических свойств личности, при этом такие перемены не имеют положительного результата. Данная проблема может стать серьезным барьером на пути профессионального развития адвоката.

Такой феномен проявляется под влиянием разных обстоятельств, стереотипов профессиональной деятельности, механизмов психологической защиты. В профессиональной деформации адвоката выделяют как общие проявления, которые можно отнести к любой юридической профессии, так и те, которые являются особыми и проявляются только у представителей адвокатской деятельности: эмоциональную холодность, цинизм, доходящий до безразличия к судьбе доверителя. Часто, когда человек сталкивается в своей жизни с юристами, он находится в сложной жизненной ситуации и в негативном эмоциональном состоянии. Человек испытывает тревожность, страх, депрессию, может быть перевозбужденным или, наоборот, заторможенным, плакать при встрече с адвокатом. Сталкиваясь с такими людьми, у некоторых адвокатов проявляется черствость и бесчувственность. При этом данные изменения проецируются не только на профессиональные отношения с доверителями, коллегами, но и на отношения с близкими людьми.

По делам о принудительной госпитализации лица в противотуберкулезную организацию у адвокатов деформация связана со стереотипным подходом к решению проблемы, так называемый формализм. Работа по делам одних и тех же категорий в нашем случае связанные с принудительной госпитализацией способствует тому, что у адвоката вырабатываются однотипные приемы и методы защиты, блокирующие способность творчески реагировать на появление новых обстоятельств, пропадает индивидуальный подход в работе с доверителями. В личностном общении это может выразиться в стремлении подвести любую жизненную ситуацию под некий стандарт, как формальный подход к решению проблемы.

Отрицательное воздействие профессиональной деятельности на личность проявляется в деформациях и состояниях, снижающих профессиональные успехи и негативно сказывающихся в «непрофессиональной» жизни [7].

Итак, подводя итоги, стоит сказать, что психологическая особенность деятельности адвоката по делам о принудительной госпитализации в противотуберкулезную организацию связана с его пассивной позицией в судебном разбирательстве, что в перспективе приводит к формализму в профессиональной деятельности. Вместе с тем пассивность не означает неквалифицированную или непрофессиональную деятельность, такая позиция в первую очередь отражает процессуальную особенность рассмотрения подобных споров, а также напрямую зависит от характера спора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 100.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Российская газета. 2003.
3. Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // Российская газета. 2004. № 271.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019. № 50 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» // Российская газета. 2019. № 276.
5. Егоров О.Н., Полковникова В.С. Профессиональная деформация личности адвоката // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-lichnosti-advokata> (дата обращения: 11.04.2021).
6. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей социальной психологии: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 640.
7. Плаксин Е.Д., Ефимова Н.С., Плаксина Н.В. Профессиональная деформация юристов как угроза безопасности личности в профессии // Успехи в химии и химической технологии. 2014. №7 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-yuristov-kak-ugroza-bezopasnosti-lichnosti-v-professii> (дата обращения: 10.04.2021).
8. Скабелина Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности: монография. – М.: Федеральная палата адвокатов, 2012. С. 229.

Об авторе:

МОКЕЕВА Анна Сергеевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ КОНФЛИКТА В ПРАВООТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ПОТРЕБИТЕЛЯ

П.С. Николаев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблема участия потребителя в конфликте с целью защиты своих законных прав и интересов, с точки зрения психологии человека. Исследуется возможность урегулирования конфликта в досудебном порядке. Раскрываются особенности эмоционально-психического отношения личности к необходимости защиты нарушенных прав в сфере защиты прав потребителей. Определяются критерии, которые характеризуют психологическую готовность потребителя как субъекта правоотношений к защите нарушенных прав и законных интересов. Определяются модели поведения субъектов правоотношений в состоянии конфликта.

Ключевые слова: *психология потребителя, обращение в суд, защита прав, защита прав потребителей, психология конфликта, психология защиты прав потребителей, конфликтология, юридическая психология.*

Как процесс законотворчества, так и непосредственное правоприменение крайне сложно представить без учёта психологии человека и особенностей его поведения. Без учёта психологии невозможно представить ни одно исследование вопросов правосубъектности в контексте современного права. Влияние эмоционально-психического состояния приобретает особую значимость в отраслях права, где наиболее часто и регулярно происходит взаимодействие граждан с иными участниками правоотношений. Одним из таких направлений общественной жизни является потребительское право и соответствующее ему законодательство о защите прав потребителей.

В частности, для понимания истинной сущности правоотношений с участием потребителя в случаях нарушения его прав, необходимо рассмотреть, проанализировать и дать оценку его ощущениям, представлениям и эмоциональному состоянию, а также учесть степень мотивации гражданина к защите своих прав и интересов и выбор конкретных форм и способов такой защиты.

Подобные исследования в части психологии граждан, пострадавших от незаконных действий иных субъектов правоотношений являются ещё довольно молодым направлением в психологии, а в части эмоционально-психического состояния потребителей подобных исследований почти нет. Связано это с тем, что ещё с начала 20-го века считалось, что психология потребителя может исследоваться исключительно с точки зрения рекламы и маркетинга, с оценкой человека как конечного потребителя товаров или услуг, а не как участника правоотношений, чьи права могут быть нарушены в ходе осуществления деятельности по продаже товаров или оказания услуг.

Говоря о психологических последствиях нарушения прав гражданина, Т.М. Секретарева выделяет такие психологические проблемы у пострадавших граждан, как нравственные страдания в неопределённом промежутке времени,

особенно в случаях совершения преступлений. Результат воздействия неправомерного деяния на поведение пострадавшего и его психику может проявиться вовне даже через продолжительный период времени после совершения самого деяния [1].

При переживании таких последствий и осознании в полной мере нарушенных прав, гражданин может вступить в состояние конфликта. При этом, под конфликтом следует понимать такое отношение между субъектами социального взаимодействия, которое характеризуется их противоборством на основе противоположно направленных мотивов (потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений) или суждений (мнений, взглядов, оценок и т.п.) [2].

Двумя наиболее важными функциями конфликта в отношениях с участием потребителя является конструктивная функция и сигнальная. Конструктивная функция заключается в достижении функционально полезных результатов применимо к имеющейся проблеме, которая породила противоречие и вызвала столкновение, а также в достижении понимания, доверия и укрепления отношений в соответствующей сфере. Кроме указанной функции крайне важной в рассматриваемых правоотношениях является сигнальная функция. Дело в том, что конфликтное столкновение позволяет не только обнаружить нерешенные проблемы, но и предоставляет возможность для открытого выражения потребностей, интересов и устремлений людей, их неудовлетворенности или протеста. При осознании конфликта с потребителем, его первопричин и последствий, продавец, поставщик или исполнитель услуг должен задумываться над возможными мерами для превентивного предотвращения подобных конфликтов в будущем. Аналогичные меры следует принимать и соответствующим государственным органам, в целях обеспечения соблюдения защиты прав и законных интересов потребителей в будущем. Вследствие чего указанная функция конфликтов с участием потребителей должна иметь наивысший приоритет для органов власти. Также сотрудникам органов Роспотребнадзора и непосредственным участникам правоотношений следует учитывать, что психологически и функционально наиболее оптимальным этапом развития конфликта для его разрешения является именно начальная фаза, до наступления пика конфликта.

Поскольку любой человек по своей природе любит душевный комфорт, по возможности избегает рисков, то столкнувшись с нарушением прав, гражданин естественно испытывает психологический дискомфорт, часто впадает в уныние, а иногда в депрессию, не всегда способен адекватно реагировать на происходящее. Безусловно, любое нарушение прав и состояние, приближенное к конфликту – это всегда стресс для организма человека. Чувство защищенности (психологической безопасности личности) возникает, когда человек сознательно и, сохраняя ответственность, воздействует на обстоятельства жизни, чтобы обеспечить условия для своего душевного равновесия. С правовой точки зрения важно, чтобы такое воздействие (противодействие субъекта

нарушению) было адекватным характеру и тяжести нарушения, и соответствовало по своему содержанию нормам действующего законодательства. Гражданин осуществляет психологическую, мыслительную деятельность, при помощи которой определяет характер и тяжесть нарушенного или продолжающегося нарушения, принадлежащего ему права или законного интереса и вырабатывает систему контрмер, которые он может предпринять в рамках закона. При этом важно не допускать превышений пределов законности [3].

После наступления фазы конфликта (по тем или иным причинам, связанным с действительным или предполагаемым нарушением прав гражданина как потребителя), человеку необходимо пройти через осознание своей психологической готовности отстаивать свои требования, а также осознать готовность к принимаемым решениям в ходе процесса защиты прав и законных интересов. Кроме того, в такой момент немаловажным представляется и выбор формы и способа защиты субъективного права. Также не стоит забывать и о мотивации субъекта, которая структурно определяется как совокупность различного рода побуждений, определяемых потребностями, влечениями, желаниями, склонностями, интересами, ценностными ориентациями, целями, установками, намерениями и мотивами субъекта правоотношений [4]. Таким образом, мыслительная и психоэмоциональная деятельность управомоченного субъекта на первых этапах конфликта оказывает наибольшее влияние на его дальнейшее разрешение. Следовательно, именно от поведения самого потребителя во многом зависит результат такого рода конфликта.

В общем виде существует 3 основные модели поведения субъектов во время конфликта: конструктивная, деструктивная, конформистская. Указанным моделям присущи следующие признаки:

1. Конструктивная: человек стремится уладить конфликт, нацелен на поиск приемлемого решения, отличается выдержкой и самообладанием, доброжелательным отношением к сопернику, открыт и искренен, в общении лаконичен и немногословен.

2. Деструктивная: субъект постоянно стремится к расширению и обострению конфликта, принижает партнера, негативно оценивает его личность, проявляет подозрительность и недоверие к сопернику, нарушает этику общения.

3. Конформистская: личность пассивна, склонна к уступкам, непоследовательна в оценках, суждениях, поведении, легко соглашается с точкой зрения соперника, уходит от острых вопросов.

В сфере защиты прав потребителей при инициировании конфликта зачастую сторона потребителя характеризуется конструктивной или конформистской моделью поведения. Деструктивная же модель проявляется в случаях обострения конфликта со стороны продавца, в ответ на аналогичное поведение, что приводит к затяжному характеру конфликта. Однако, в большинстве случаев, сторона продавца проявляет признаки конструктивной модели поведения, что связано со значительными денежными расходами, в случае инициирования судебного разбирательства.

Таким образом, психологические аспекты обращения граждан за защитой нарушенных прав в сфере защиты прав потребителей характеризуются противоречивым характером взаимоотношений потребителя и продавца. С одной стороны, оба субъекта стремятся как можно скорее урегулировать сложившийся конфликт. Мотивация потребителя к урегулированию конфликта – естественное стремление человека к душевному комфорту, в то время как мотивация продавца – осознание материальных рисков усугубления конфликта.

Однако, ввиду человеческого фактора и выбора субъектами различных сочетаний моделей поведения при конфликте, рациональный и конструктивный выход из конфликта не всегда достижим. В этом случае стороны конфликта находятся в противостоянии длительное время, несут материальные издержки, ощущают психологический дискомфорт. Вследствие чего повышается важность правового регулирования споров с участием потребителя в досудебном порядке, а также информирования граждан об их правах на стадии досудебного урегулирования споров в сфере защиты прав потребителей и в принципе возможности улаживания конфликта в досудебном порядке.

Список литературы

1. Арбузова Е.Н. Структурные и содержательные аспекты исследования феномена мотивации в юридической психологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2008. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-soderzhatelnye-aspekty-issledovaniya-fenomena-motivatsii-v-yuridicheskoy-psihologii> (дата обращения: 28.03.2021).
2. Иксанов Р.А. Селезнева А.Х. психологические аспекты защиты прав и законных интересов граждан // Психология и коммуникация в правовой системе. Сборник статей. Ответственный редактор С.В. Венидиктов. 2016. С. 58-61.
3. Секретарева, Т.М. Новые методики в реализации и защите прав граждан: от государственного принуждения к иным способам воздействия на индивидов / Т. М. Секретарева // Мировой судья. 2015. № 5. С. 12–17.
4. Юридическая психология: учебник для студентов вузов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / [И.Б. Лебедев и др.]; под ред. В.Я. Кикотя. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2012. С. 343.

Об авторе:

НИКОЛАЕВ Павел Сергеевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ У УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Т.Л. Османова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В представленной статье автором освещаются психологические проблемы, возникающие при применении технологии суррогатного материнства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, психологические проблемы, потенциальные родители, морально-этические вопросы.

Одной из главных целей брака является рождение детей. К сожалению, не всем дано ощутить радость отцовства и материнства, так как в соответствии с медицинской статистикой 20% всех супружеских пар не обладают естественной способностью к рождению детей. Сейчас в России 78 млн женского населения. Из них репродуктивного возраста, то есть от 15 до 49 лет, – 39,1 млн, среди которых бесплодных, по самым суровым подсчётам, – 6 млн. Есть ещё 4 млн бесплодных мужчин. То есть 15% семейных пар страдают бесплодием. Это критический уровень. В Российской Федерации рождаемость 10,3 на 1000 населения, а смертность 16 на ту же тысячу. Каждый год мы теряем 750 000—800 000 людей [7].

Благодаря использованию искусственных методов репродукции человека появилась возможность решить данную проблему. Однако применение этих методов репродукции все же вызывает немалое количество проблем этического, медицинского, психологического и юридического характера. Большинство споров возникает вокруг применения суррогатного материнства, сущность которого заключается в том, что женщина с помощью искусственного оплодотворения соглашается выносить и родить ребенка для супружеской пары, которая по состоянию здоровья не имеет возможности завести детей.

Первые успехи были достигнуты только в 1989 году с рождением первого ребенка у суррогатной матери. В Англии с большим трудом удалось убедить Этический Комитет, что бесплодная женщина нуждается в специфической помощи своей родственницы, в матку которой были перенесены генетически чужие эмбрионы от ее сестры и ее мужа [6].

Во многих странах мира суррогатное материнство запрещено. Во Франции суррогатное материнство незаконно, оно противоречит законодательству об усыновлении и нарушает положение о «неотчуждаемости человеческого тела». В Германии преступлением считается любая попытка «осуществить искусственное оплодотворение женщины, готовой отказаться от своего ребенка после его рождения (суррогатной матери), или имплантировать ей человеческий эмбрион». В Канаде соглашение о суррогатном материнстве не имеет

юридической силы, но само оно не запрещено законом и поддерживается частными агентствами [3].

В нашей же стране суррогатное материнство не запрещено законодательством. В России юридический порядок определен действующим законодательством РФ: пункт 4 статья 51, пункт 3 статья 52 СК РФ; пункт 5 статья 16 Федерального закона от 15.11.1997 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Но по действующему законодательству приоритетное право решать судьбу ребенка имеет суррогатная мать. То есть согласно СК РФ женщина, явившаяся суррогатной матерью, может оставить ребенка себе. Права генетических родителей признаются только после отказа от него суррогатной матери.

Помимо недостаточного урегулирования законодательством вопроса применения технологии суррогатного материнства, проблемой также выступают определённые психологические аспекты данного вопроса.

Противники суррогатного материнства считают, что оно превращает детей в подобие товара, что материнство становится при этом договорной работой. Кроме того, многие думают, что такая практика будет способствовать эксплуатации женщин. Существуют также опасения, что некоторых суррогатных матерей может психологически травмировать необходимость отдать «своего» ребенка после установления той связи с ним, которая создалась во время 9-месячной беременности и родов. Например, в марте 1987 года суд в Стаффорде решил вопрос об оставлении двойни в пользу суррогатной матери, так как она отказалась отдать детей и не взяла причитающиеся деньги [5]. В этом же году в США, в штате Нью-Джерси состоялся суд, причиной которого также стало нежелание вынашивающей матери отдать ребенка после его рождения супружеской чете. Однако в этом случае суд принял сторону бездетной пары и лишил суррогатную мать материнских прав, но наделил ее правами матери – визитера. В Калифорнии по аналогичным обстоятельствам было вынесено судебное постановление об отобрании ребенка у биологической матери и помещении его в детский приют. В результате она была вынуждена отдать младенца генетическим родителям [7].

Исследование, проведенное Исследовательским центром семейной и детской психологии при Лондонском университете Лондона в 2002 году, показало, что суррогатные матери редко испытывали трудности с отказом от прав суррогатного ребенка и что предполагаемые матери проявляли большую теплоту для ребенка, чем матери, зачавшие естественным образом [8].

Антропологические исследования показали, что суррогатные матери применяют различные методики дистанцирования на протяжении всей суррогатной беременности, чтобы гарантировать, что они не станут эмоционально привязаны к ребенку. Многие суррогатные мамы намеренно пытаются способствовать развитию эмоциональной привязанности между биологической мате-

рью и суррогатным ребенком. У некоторых суррогатных матерей есть возникают патологические реакции, которые включают в себя депрессию при передаче ребенка.

Как показали последние исследования, большинство суррогатных матерей во время беременности испытывали переживания и тревогу за ребенка, которого вынашивали. Они не только хотели родить здорового ребенка, но переживали за его дальнейшую судьбу. Многие задавали вопрос о том, смогут ли генетические родители обеспечить должный уход за ним.

После рождения ребенка среди психологических проблем, которые чаще возникают у потенциальных родителей и суррогатной матери всего можно выделить:

- определенную психологическую нестабильность суррогатной матери после рождения ее ребенка;
- синдром «разочарования в себя» потенциальной матери;
- ощущение чувства «излишней заботы» к суррогатной матери, которое возникает у потенциального отца;
- психологические проблемы, которые возникают у потенциальных родителей в связи с объяснениями окружающим их людям появления у них ребенка, которого «еще вчера и в плане не было».

Потенциальные отцы за время беременности суррогатной матери и так очень привыкли к суррогатной матери, о здоровье и проблемах которой они знают уже практически все. После рождения чувство благодарности перемещается с заботой. В этот период отцы не успевают сразу переключиться только на своего ребенка и жену. Причем их жена сейчас требует именно этого. Для ее женского и материнского восприятия излишняя забота мужа и даже разговоры о состоянии суррогатной матери в этот период – психологическая травма.

Немаловажным является и отношение общества, которое зачастую с предубеждением относится к суррогатному материнству.

Избежать и нормально пережить эти и иные психологические проблемы может помочь квалифицированный психолог. Никогда не пытайтесь самостоятельно решать психологические проблемы, а особенно в случаях, связанных с семейными и репродуктивными проблемами.

Специальная комиссия Американского общества по борьбе с бесплодием (1986) выразила по поводу «суррогатного материнства» «серьезные сомнения этического характера, которые не могут быть сняты, пока не будет получено достаточных данных для оценки опасности и возможных преимуществ обсуждаемой процедуры». Ввиду этих сомнений упомянутое общество рекомендует использовать суррогатное материнство только в порядке клинического эксперимента при соблюдении следующих условий:

1. Необходимо собрать достаточные сведения о психологическом воздействии всей процедуры на суррогатных матерей, на использующие их супружеские пары и на рождающихся детей.

2. Особое внимание следует уделить тому, чтобы супруги и суррогатная мать дали добровольное согласие на процедуру, располагая всей необходимой информацией.

3. Отец и суррогатная мать должны быть тщательно проверены в отношении инфекционных заболеваний и генетических дефектов.

4. Оплата услуг специалистов – врачей, адвокатов и др. – должна ограничиваться обычными для них гонорарами; они не должны получать комиссионные за подбор участников и организацию всей процедуры [4].

Одной из основных проблем программы суррогатного материнства является психологическая нестабильность женщины, которая решила стать суррогатной матерью. Часто она «психологически ломается», и к тому моменту, когда появляется ребенок, сказываются законы природы – она начинает его любить. Такие женщины часто отказываются отдать ребенка. Подобные проблемы чаще всего возникают с незамужними женщинами.

Отечественные психологи называют суррогатное материнство моральной ломкой для общества. «Западные люди куда менее эмоциональны по сравнению с нами, и все равно там это становится трагедией как для матери-заказчицы, так и для матери исполнительницы, поскольку никогда нельзя сказать точно, проснутся ли материнские чувства у этой женщины или нет», – говорит кандидат психологических наук Наталья Бастун. По ее мнению, популяризируя суррогатное материнство, общество тем самым воспитывает морально нездоровое поколение, поскольку предлагает новый вид биологических услуг или модифицированную проституцию. Все же, как считает Н. Бастун, остановить накатывающуюся волну невозможно, можно лишь с этим смириться и привыкнуть. Кандидат социологических наук Любовь Бевзенко считает, что это явление связано с социологическими факторами, а точнее, суррогатное материнство нужно рассматривать в контексте культур. «Если для традиционной культуры суррогатное материнство было бы абсолютно неприемлемо, то постмодернистской не присуще оценочное суждение, иными словами, каждый делает только то, что считает нужным», – говорит социолог [3].

Противниками суррогатного материнства выступают в основном представители церкви разных конфессий и активистки феминистических движений, ратующие за права женщин.

Религиозные проповедники настаивают на том, что люди не должны вмешиваться в процесс творения новой жизни, монополия на который раньше всецело принадлежала богу. Феминисток же оскорбляет факт восприятия женщины как механизма для вынашивания и воспроизводства чужого потомства.

Аргументы церковных служителей легко парировать: современная медицина значительно улучшила качество человеческой жизни и продолжила ее срок, спасая жизни в тех сложных случаях, в которых еще 50-100 лет назад ничего нельзя было поделать – эти достижения восхищенно воспринимают и с удовольствием ими пользуются поклонники практически любой религии. Так чем же хуже помощь медиков в вопросах деторождения и ликвидации проблем, которые решает суррогатное материнство?

Доводы феминисток разбивает сам факт согласия женщин становиться суррогатными матерями. К тому же, они получают достойное финансовое вознаграждение (в России сейчас сумма вознаграждения за вынашивание чужого ребенка колеблется от 15 до 40 тысяч долларов), которое может помочь им в уходе и содержании своих собственных детей, приобретении для них жилья, проведении дорогостоящего лечения и т. д. Поэтому об эксплуатации или ущемлении прав говорить не приходится.

Кроме того, по мнению психолога Анны Хныкиной, на подобный шаг здоровых женщин детородного возраста даже не всегда толкает желание заработка. Если женщина легко выносила и родила своего ребенка (или нескольких), она может осознавать свою способность без ущерба для собственного здоровья подарить счастье материнства одной из женщин, которым по той или иной причине недоступно деторождение естественным путем. То есть, с точки зрения психологов, в таком поступке может заключаться даже некий акт благотворительности, помощи во имя женской солидарности и продолжения человеческого рода на земле [10].

Даже если женщина руководствуется финансовыми мотивами, нельзя обвинять ее в аморальности. Любой рожденный ребенок, сразу попадающий в любящую семью, которая охотно берет на себя его воспитание и расходы на содержание – это будущий полноценный гражданин государства. Кроме того, замещающее материнство нельзя считать аморальным способом получения дохода в условиях современного мира, где процветают такие нелегальные виды бизнеса, как торговля наркотиками, финансовые махинации, проституция и многое другое.

Возможные проблемы суррогатного материнства на этом не заканчиваются. Человеческий фактор, который зависит от обеих договаривающихся сторон, играет очень значимую роль на протяжении всего процесса.

Всегда есть риск, что из-за психологической неустойчивости суррогатная мать откажется после родов передавать ребенка биологическим родителям. Нередки ситуации, когда будущей маме кажется, что она легко расстанется с младенцем, но впоследствии роженица понимает, насколько близок ей стал малыш за время беременности и родов.

Намного реже, но все же встречается и обратная сторона проблемы суррогатного материнства, при которой биологические родители оказываются психологически не готовыми принять ребенка, рожденного чужой женщиной. Это обуславливается тем, что во время беременности у женщины меняется гормональный фон, а организм и психика полностью перестраиваются на волну материнства. А если данный этап пропущен, существует риск, что у женщины, которая должна будет воспитывать ребенка, не возникнет желание воспитывать ребенка. Однако эксперты уверяют, что подобное случается очень редко.

К тому же, по мнению психологов, практикующих по вопросам семейных консультаций, люди приходят к решению воспользоваться услугами суррогатной матери, как правило, после многолетних бесплодных попыток зачать дитя естественным путем. Поэтому для них ребенок становится долгожданным, величайшим счастьем.

Кроме того, доказано, что психологические связи «мама-ребенок» формируются в основном в первый год жизни, то есть в период младенчества. А это как раз то время, когда полноценную опеку над малышом берут уже генетические родители. Даже естественные роды не всегда приводят к немедленному пробуждению материнского инстинкта, поэтому в случае с замещающим материнством семейные консультанты рекомендуют воспринимать все происходящее как естественный процесс знакомства с новым человеком, взаимного познания и привыкания.

А в семьях, где появления ребенка безуспешно ждали годами, возможен кардинально противоположный психологический перекося – в сторону чрезмерной опеки над малышом, создания рафинированных, тепличных условий жизни для ребенка, слишком сильных эмоций в проявлении большой любви счастливых отца и матери. Однако все это преодолимо и не сравнится с семейным счастьем, которое могут обрести родители и дети в полноценной семье.

Таким образом, поскольку применение вспомогательных репродуктивных технологий все еще новшество для нашего общества, находимо ответственно относится к данному вопросу, полагая, лицам, участвующим в программе суррогатного материнства, необходимо прежде обращаться за квалифицированной психологической помощью, поскольку предметом договора об оказании услуг суррогатной матери является ребенок – живой человек.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 №223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Блох М.Е. Электронное периодическое издание «Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы». 2011.С. 1-2. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.psymama.ru/biblioteka/stati/reproduktivnaya-psihologiya/vynosit-i-rodit-rebenka-dlya-chuzhoj-supruzheskoj-pary/>, свободный (дата обращения 20.04.2021).

4. Веропотвелян П.Н., Веропотвелян Н.П., Бондаренко А.А., Журавлева С.А., Цехмистре И.С. «Суррогатное материнство: морально-этические вопросы, исторические данные» // Журнал Медицинские аспекты здоровья женщины. 2015. № 6 (92). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mazg.com.ua/ru/archive/2015/6%2892%29/pages-69-76/surrogatnoe-materinstvo-moralno-eticheskie-voprosy-istoricheskie-dannye>, свободный (дата обращения 23.04.2021).

5. Герасимов А.В., Афанасьева А.Ю. Проблемы суррогатного материнства по российскому законодательству // Вестник КРУ МВД России. 2014. № 4(26). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-surrogatnogo-materinstva-po-rossijskomu-zakonodatelstvu>, свободный (дата обращения: 20.04.2021).

6. Залетова В. «О тонкостях суррогатного материнства». 2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://surrogacy.ru/surrogacy>, свободный (дата обращения 22.04.2021).

7. Кожеурова О.Б. Необходимы ли вспомогательные репродуктивные технологии в наши дни [Электронный ресурс] // Журнал «Альманах современной науки и образования». 2008. № 6-1. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17908366>, свободный (дата обращения 22.04.2021).

8. Краснопольская Ирина «Свой-чужой» [Электронный ресурс] // Российская газета – Федеральный выпуск от 26.10.2017 № 244(7410) Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/27/shepeleva-mnogie-problemy-surrogatnogo-materinstva-ne-uregulirovany.html>, свободный (дата обращения 18.04.2021).

9. Яковлева Татьяна «В России бесплодие достигло уровня национальной безопасности» [Электронный ресурс] // Экономика и Жизнь 16.06.2016. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/317486/>, свободный (дата обращения 20.04.2021).

10. Статья от 09.6.2016 «Проблемы суррогатного материнства» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.ivf46.ru/vse-uslugi/surrogatnoe-materinstvo/problemny-surrogatnogo-materinstva.html> (дата обращения 18.04.2021).

Об авторе:

ОСМАНОВА Туркан Латиповна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТОРОН ПРИ БРАКОРАЗВОДНОМ ПРОЦЕССЕ

А.И. Павлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются психологические особенности сторон при бракоразводном процессе. В ходе изучения и анализа теоретических аспектов была отражена специфика влияния этих отношений на психическую ситуацию между супругами и детьми. Рассмотрены стадии психологического и эмоционального развода, предложены способы сохранения семейных отношений.

Ключевые слова: развод, стадии развода, бракоразводная процедура, семьи при разводе, социальная работа, семейное право, гендерное равенство.

Развод может оказать существенное влияние на жизнь каждого человека в семье, а также на его социально – финансовое положение. Важна стабильность брака, а развод – это последнее решение для непоправимых или неустойчивых супружеских отношений. Как отмечают Н. Олифинович [6] и Т. Валента [6], развод – это разрыв супружеских отношений в его юридических, социальных, экономических и психологических аспектах, влекущий за собой полную реорганизацию семейной системы. Бракоразводный процесс начинается с эмоционального аспекта, а заканчивается – юридическим, но большинство отношений пары сохраняют на эмоциональной стадии. Обычно развод никогда не является подготовленной процедурой, это следствие того, что оба партнера страдают от неизбежных, болезненных стадий эмоциональных переходов со средней продолжительностью в три года.

Брак – это регулируемый обществом и, в большинстве государств, регистрируемый в соответствующих государственных органах семейной связи союз между людьми, достигшими брачного возраста, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу [5]. Основным правовым документом, регулирующим семейные отношения, является Семейный кодекс Российской Федерации [2] (далее – СК РФ).

Бракоразводный процесс в России регламентируют нормативно-правовые акты такие, как Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», а также Гражданский процессуальный кодекс РФ. Согласно статье 17 СК РФ, основаниями для расторжения брака являются:

1. смерть или объявление судом одного из супругов умершим;
2. заявление одного или обоих супругов, а также заявление опекуна супруга, признанного судом недееспособным.

Расторжение брака может производиться как в органах записи актов гражданского состояния, так и в суде. Согласно статье 19 СК РФ, расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния производится в случаях, если:

1. оба супруга согласны на прекращение брака (если нет общих несовершеннолетних детей);

2. по заявлению одного из супругов независимо от наличия несовершеннолетних детей, если другой супруг признан судом недееспособным, безвестно отсутствующим или осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет.

Расторжение брака и выдача свидетельства о расторжении брака производятся органом записи актов гражданского состояния по истечении месяца со дня подачи заявления о расторжении брака. Расторжение брака производится в судебном порядке, если у супругов возникают споры о разделе общего имущества супругов, выплате средств на содержание нуждающегося нетрудоспособного супруга, а также споры о детях, возникающие между супругами, один из которых признан судом недееспособным или осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет (статья 21 СК РФ).

Равенство прав мужчин и женщин в семейных отношениях является одним из главенствующих принципов российского семейного права. Основные принципы гендерного равенства отражены в Конституции Российской Федерации [1], положения которой свидетельствуют о том, что государство гарантирует гражданам отсутствие любой дискриминации, в том числе и по признаку пола. В Семейном кодексе существует четыре нормы, которые нарушают гендерную симметрию. В первую очередь, это ст. 17 СК РФ, которая регламентирует ограничение права мужа на развод. Речь идет о ситуации, когда муж не может подать иск о расторжении брака без согласия жены в период ее беременности или в течение одного года после рождения ребенка. Однако, согласно ст. 16 СК РФ, супружеские отношения могут быть расторгнуты по заявлению одной из сторон. При сопоставлении текста обеих статей становится очевидным, что в данном контексте ограничиваются только права мужчины на развод; женщина полностью оставляет за собой право на бракоразводный процесс. Такое ограничение объясняется необходимостью заботы о женском здоровье и защите ее в период максимальной зависимости от обстоятельств, связанных с декретом. Однако наряду с нормами СК РФ существуют еще разъяснения Пленума Верховного суда [3] по данному поводу, где указано, что данное ограничение действует даже в случаях, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения им одного года. При отсутствии согласия жены на расторжение брака суд должен отказать в принятии искового заявления, а если оно было принято, то прекратить производство по делу. В судебной практике справедливо обращалось внимание, что не делается никаких послаблений и в тех случаях, когда, например, муж не является отцом ребенка, рожденного его женой, или когда ребенок в возрасте до одного года проживает не с матерью, а с отцом или с другими лицами, и мать не осуществляет непосредственного ухода за ним [7].

Основная причина развода заключается в отсутствии общения и плохого управления конфликтами, эмоциональное или физическое насилие, неразрешенные вопросы, разный менталитет пары. Другими причинами являются злоупотребление наркотиками или алкоголем, наличие эмоционального расстройства, отсутствие финансовой поддержки и неверность, ранних браков для молодой возрастной группы.

В каждом процессе есть «инициатор», который хочет развода, в то время как «не инициатор» не желает проведения данной процедуры. Супружеские проблемы связаны с неправильным восприятием и иррациональными убеждениями одного из партнеров в паре. Очень важно иметь в виду, что распад брака – это не вина одной стороны, и для этого нужны длительные, парные отношения, процесс распада. Характерные черты «здоровых пар» – это адаптация ко многим вызовам, адаптация к способности к трансформации, верность семейным связям, высокая социальная связанность, четкие роли и границы между парами, сотрудничество, а не конкурентные отношения.

Стадии психологического и эмоционального развода представляют собой пять переходных зон, таких как:

1. Обвинение. Обвиняя супруга и разочаровываясь в одной из сторон, супруги начинают обвинять друг друга в прошлых, настоящих и даже будущих проблемах в своей жизни. У «инициатора» развивается негативный образ себя, смутные чувства неудовлетворенности, накопленный гнев, большая дистанция, отсутствие взаимности, тревога, подавленное настроение, чувство огорчения. Более того, он маскирует чувство вины, а также страх, гнев и депрессию. В то время как у «не инициатора» развивались чувства неверия, отрицания, а также беспомощность и страх перед неизвестным.

Для того, чтобы пара сохранила свои отношения, необходим «примири-тель», медиатор (необходим для каждой стадии), который должен воспитывать у пары чувство контроля над своей жизнью, нейтрализовать их страх перед физическим и эмоциональным процессом разлуки, кроме того, поддерживать принятие краткосрочных решений, касающихся физической разлуки. «Примири-тель» должен направлять пару, если у них имеются дети, к их воспитанию, поддерживать стремление к улучшению родительских навыков и иметь хорошую систему поддержки для эмоциональных «американских горок» супругов.

2. Тоска. Это стадия глубокого болезненного чувства горя, безнадежной, бессмысленной пытки жизнью, чрезмерной чувствительности к любым замечаниям, интенсивной озабоченности, трудности концентрации на задачах и потери родительской роли.

Для данной стадии роль медиатора заключается в следующем: продолжать давать паре краткосрочные задачи, позволять паре пройти через процесс тоски, перенаправлять пару от отношения «бедный я», принимать процесс

тоски и позволять паре осознать процесс развода. «Примиритель» должен попытаться найти общий фундамент или конструктивное направление для пары, чтобы работать над справедливым урегулированием отношений в их интересах.

3. Гнев и обида. Это стадия ярости, чувства предательства и гнева со стороны «всех женщин» или «всех мужчин». За гневом скрывается множество страхов и неуверенности в будущем, финансах, поиске других отношений. Один или оба партнера выражают в отношениях неудовлетворенность или неуверенность, напряженность.

Роль медиатора заключается в том, чтобы нейтрализовать гнев пары, а «не подливать масла в огонь», улучшить способность пары принимать решения, обеспечить пару навыками решения проблем и попытаться подвигнуть пару к процессу примирения.

4. Одиночество и решение развестись. Это этап от «освобождения» супружеских ограничений, создания большей эмоциональной дистанции и возможности новых отношений, новой деятельности, принятия собственных решений, повышения доверия и уверенности в себе, улучшения самооценки, возврат к родительской.

В данном случае важна роль медиатора для прямого общения пары, сотрудничества, восстановления отношений взаимодействия. Медиатор помогает находиться супругам в относительно хорошей эмоциональной фазе.

5. Принятие решения. Это стадия физических и эмоциональных всплесков разлуки, принятия долгосрочных планов и обязательств, принятия конца брака.

После прохождения данных эмоциональных стадий и завершения юридических сторон процедуры, каждая сторона должна сосредоточиться на будущем, а не на прошлом. Помогая супругам при бракоразводном процессе медиатор должен понимать бракоразводный процесс и принимать различную реакцию пары, должен помочь обеспечить общую основу для конструктивного обсуждения и лучшую среду для получения информации от каждой стороны, для справедливого соглашения в интересах каждой стороны.

Завершение всех эмоциональных стадий все равно заканчивается юридической и экономической стадиями. Финансовые сложности могут возникать у одной из сторон, наиболее незащищенной, несамостоятельной к тому моменту. Возникает ощущение беспомощности, слабости, апатии, безразличия, либо агрессивных действий в попытках удержать материальное благополучие. Оформление документов иногда сопровождается судебными разбирательствами, в случае, если у супругов имеются общие дети, в процесс развода включается все больше людей.

На уровне эмоций также непростой период, стороны по-прежнему могут испытывать сильные эмоции, гнев, депрессию, отчуждение. Ситуация усугубляется спорами, угрозами, сложными переговорами с привлечением посторонних людей, медиаторов, родственников. На этой стадии помощь грамотных

специалистов особенно важна, особенно это касается детей. Влияние распада семьи на детей дошкольного возраста изучалось в частности Т.П. Гавриловой [4]. Она выявила, что при нарушении контактов с родителями у детей возникают наиболее острые переживания, поскольку для ребенка распад семьи – это ломка устойчивой семейной структуры, привычных отношений с родителями, конфликт между привязанностью к отцу и матери. Развод ставит перед ребенком непосильные для его возраста задачи:

1. ориентация в новой ролевой структуре, отсутствием прежней определенности;

2. принятие новых отношений с разведенными родителями.

Большая часть адаптации детей после развода зависит от качества их отношений с каждым родителем до развода, интенсивности и продолжительности родительского конфликта и способности родителей сосредоточиться на потребностях детей при разводе. Как правило, дети, чьи родители переживают тяжелый развод, ведут себя так, чтобы чувствовать себя в безопасности. В российском обществе укоренился стереотип, что ребенок эмоционально больше связан со матерью, чем с отцом. Подтверждением данного утверждения являются результаты социологического исследования, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), целью которого было определить позицию россиян относительно оставления ребенка с одним из родителей, в случае расторжения брака [8]. В опросе приняло участие 1600 человек. Большинство опрошенных – 38% отметили преимущество проживания ребенка с матерью, а ответы всего 2% респондентов говорят о передаче ребенка отцу. Преимущественная часть участников, а именно 43%, отказалась от привязки к полу и отметила зависимость выбора от черт характера индивидуума. О невозможности обеспечения нормального воспитания и развития ребенка матерью – одиночкой или отцом – одиночкой заявило 14% опрошенных, а 3% опрошенных лиц имели затруднения с ответом на рассматриваемый вопрос.

Расторжение брака является важным процессом в жизни многих людей, поэтому правильное решение возникающих проблем и вопросов в проведении его будет оказывать существенное влияние на бывших супругов, а также их несовершеннолетних детей независимо от того, где этот брак будет расторгнут: в суде или в органах ЗАГС. Если развод все-таки неизбежен, то сторонам необходимо данный процесс сделать наименее «болезненным», первоначально – для сохранения ментального здоровья супругов, а в дальнейшем бывших супругов, так как жизнь продолжается, необходимо прибегнуть к сторонней помощи, будь то медиатор или психолог. Сохранение добрых отношений бывших супругов необходимо для правильного развития общего ребенка/детей, так как в связи с возрастом, возможно не сформировавшийся психики, для «младших участников процесса» это наиболее трудный период.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 05.11.1998 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака». Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.
4. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с воспитанием детей. [Электронный ресурс] // 14.10.2016. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/20308930/#review>, свободный (дата обращения 06.05.2021).
5. Гаврилова Т.П. Учитель и семья школьника. М.: Знание. 1988. С. 80.
6. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата / А.М. Нечаева. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. 2018.
7. Олифинович Н., Велента Т. Практика семейной психотерапии: системно – аналитический подход. М.: Академический проект. 2017. С. 355.
8. Официальный сайт ВЦИОМ: Отношение к бракам и разводам: мониторинг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnosheniye-k-brakam-i-razvodam-monitoring>, свободный (дата обращения: 06.05.2021).

Об авторе:

ПАВЛОВА Анна Ильинична – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

А.С. Петрачкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются социально-культурные и психологические аспекты признания гражданина несостоятельным (банкротом). Обозначен ряд специфических черт, характерных для банкротства физических лиц с позиции общего понимания гражданами исследуемой сферы. В целях уменьшения риска формирования динамики количества потенциальных банкротств с негативными социальными последствиями для физических лиц, находящихся в предбанкротном состоянии, определяется комплекс мер, направленных на установление справедливой и обоснованной практики проведения процедуры банкротства граждан, а также общей их информированности о существующей возможности официального освобождения от долгов.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, дела о несостоятельности (банкротстве), психологические аспекты банкротства физических лиц.

В настоящее время исследование особенностей процедуры банкротства физических лиц приобретает все большее значение для толкований научного характера, правоприменительной практики, а также направлений экономического развития нашей страны. Согласно статистическим данным Федресурса в 2020 г. арбитражные суды признали несостоятельными (банкротами) 1 19 049 граждан и индивидуальных предпринимателей, что оказалось на 72,6% больше, чем в аналогичном периоде 2019 года [3].

Важно отметить, что увеличение числа физических лиц, прошедших процедуру банкротства, связывается, главным образом, с текущей тенденцией – следствием наработки технологий и практических вопросов, а также ростом информированности граждан о существующей возможности официального освобождения от долгов. Вместе с тем, ввиду наличия ряда характерных особенностей процедуры банкротства физических лиц, регламентированных главой X Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее – Закон о банкротстве), помимо экономических, правовых, политических факторов, существенное значение приобретают социально-культурные и психологические аспекты признания гражданина несостоятельным (банкротом).

Так, на практике, зачастую, можно столкнуться с внушительным объемом страхов и заблуждений граждан в части механизмов процедуры банкротства физических лиц, помощь в преодолении которых, представляется, во многих ситуациях выступает для специалиста, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, или же финансового управляющего того или иного должника немаловажным блоком работы [5].

Во-первых, распространенный стереотип, связанный с тем, что «стыдно оказаться признанным несостоятельным (банкротом)», способствует формированию негативной практики в части того, что истинные цели и задачи процедуры банкротства, как эффективного инструмента, позволяющего освободиться от долгов добросовестному должнику, а кредитору, в свою очередь,

взыскать образовавшуюся задолженность, существенным образом для граждан отступают на второй план.

Во-вторых, преобладание чувства неблагоприятного завершения процедуры банкротства. В данном вопросе прямая необходимость предварительного изучения способов, механизмов выявления фактов добросовестности и недобросовестности участников процедуры банкротства, особенностей проведения процедуры, сбора документов, просчета рисков, а также вероятных технических или юридических сложностей призвана обеспечить гарантированно благоприятное прохождение и завершение процедуры банкротства.

Кроме того, наряду с чувством неблагоприятного завершения процедуры банкротства среди граждан распространены тревожные убеждения касательно привлечения к уголовной ответственности, признания недействительными сделок должника и применения последствий недействительности сделок, а также проведения инвентаризации имущества гражданина-банкрота в целях определения конкурсной массы, подлежащей оценке в рамках процедуры его реализации. Раскрывая особенности проведения инвентаризации имущества должника, стоит отметить, что опись имущества составляется финансовым управляющим по разумному максимуму с учетом установленных гражданско-процессуальным законодательством исключений, закрепляющих перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание [2].

Вместе с тем, нередко граждане рассматривают собственную неплатежеспособность с позиции порядочности и справедливого отношения к той кредитной организации, перед которой в силу ряда объективных причин не представляется возможным исполнить обязательства в установленные сроки и объемы. Складывается некая убежденность, связанная, главным образом, со значимостью того, что «могут подумать другие», нежели реальным положением вещей. Однако, данные социальные особенности никоим образом не соотносятся с теми целями и механизмом работы кредитных организаций в части неплатежеспособности граждан.

Так, кредитная организация, деятельность которой, прежде всего, направлена на извлечение прибыли, в рамках выдачи денежных средств гражданам в качестве потребительских кредитов вовсе не распоряжается собственными средствами, а использует вклады физических лиц, заемные средства финансовых рынков или Центрального банка Российской Федерации. Примечательно, что риски невозврата денежных средств, выданных кредитной организацией физическим лицам в качестве кредитов, предварительно закладываются в процент, устанавливаемый при оформлении кредитного договора. На практике средняя величина риска невозвратов для банков по обычным потребительским кредитам составляет 5–8 %. Кредитная организация, имея возможность по привлечению денежных средств на финансовых рынках в размере 2 % годовых, определяя риск невозврата величиной, равной 5%, суммируя комиссионные расходы, норму собственной прибыли, осуществляет выдачу кредитов под 15-20% годовых (по кредитным картам – 30-50% годовых), что фактически свидетельствует для них об отсутствии рисков ситуаций [7]. Кроме

того, введение в отношении физического лица процедуры банкротства в некоторой степени положительно отражается на деятельности кредитных организаций, а именно, отсутствие превышений по показателю так называемого «процента плохих долгов» (невозвратных кредитов), контролируемому Центральным банком Российской Федерации наряду с иными показателями активов, гарантированно исключает возможность отзыва лицензии у банка, поскольку инициируя процедуру банкротства физическое лицо тем самым помогает кредитной организации осуществить списание имеющихся задолженностей по тем или иным основаниям и, как следствие, уменьшить величину показателя «процента плохих долгов» одновременно с освобождением специальных резервов банка. Таким образом, вопрос необходимости рассмотрения неплатежеспособности граждан с позиции их порядочности и справедливого отношения к той или иной кредитной организации исключается обозначенными механизмами и целями самих кредитных организаций.

Рассматривая психологические аспекты процедуры банкротства физических лиц, необходимо обратить внимание в том числе и на социально-культурные особенности государства. Нередко состояние неплатежеспособности приводит к возникновению психологического стресса и морального давления [9], что отрицательно влияет на отношения между обществом и кредиторами [4]. Кредиторы, в ущерб обществу, продолжают преследовать неплатежеспособных должников в течение нескольких лет, имея достаточно иллюзорную надежду на исполнение платежных обязательств. Вместе с тем, зачастую отсутствие стимула у должников для получения регулярного дохода, необходимого для погашения задолженностей, приводит к отсутствию интереса несостоятельных граждан к легальной трудовой деятельности и, как следствие, переходу в теневую экономику, не позволяющей обществу приобретать доходы от сжатия налогооблагаемой базы. Таким образом, неполученный доход наносит значительный финансовый ущерб не только кредиторам, но и обществу в целом, при этом издержки общества от личного банкротства значительно больше финансовых потерь кредиторов. Примечательно, что российское юридическое сообщество сходится во мнении об отсутствии механизмов в процедурах банкротства гражданина, которые могли бы нанести вред бизнесу [6].

Несмотря на существующие ограничения имущественных и гражданских прав, современный институт банкротства физических лиц можно считать гуманным. Законодатель определяет, что в конкурсную массу должника не включаются личные вещи, минимум имущества, которое необходимо для поддержания жизни семьи несостоятельного гражданина. Во многих странах законодательство в сфере банкротства физических лиц предусматривает возможность самому должнику подать заявление о признании его банкротом. При определенных обстоятельствах имеется вероятность заключения мирового соглашения между кредиторами и гражданином-должником (Российская Федерация, Германия, Англия) [8]. В Отчете Всемирного банка отмечено, что основной долгосрочной целью потребительского банкротства является достижение экономического восстановления добросовестного должника [10].

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) физических лиц, несмотря на выработку определенных критериев, тактику ведения дела и правил доказывания и опровержения доказательств, представленных заявляющей стороной при оспаривании сделок, на установление справедливой и обоснованной практики проведения процедуры банкротства граждан, оказывает влияние и общий уровень их информированности о существующей возможности официального освобождения от долгов, а также социально-культурные и психологические аспекты признания гражданина несостоятельным (банкротом). Вместе с тем, в целях уменьшения риска формирования динамики количества потенциальных банкротств с негативными социальными последствиями для физических лиц, находящихся в предбанкротном состоянии, объективно актуальным выступают предложения по развитию информационно-просветительского направления в исследуемой сфере.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 31.07.2020 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Банкротства граждан – статистика Федресурса за 1 кв. 2020 года, 07.04.2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: <https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83>, свободный (дата обращения: 25.02.2021).
4. Баркатунов В.Ф. Банкротство физических лиц и социальная ответственность кредитных организаций // Политика, экономика и инновации. 2016. №3. С.7.
5. Галкин А.А. Банкротство физических лиц: пошаговая инструкция и шаблоны документов для должника и кредитора / А. Галкин, Д. Баландин. – Москва: Эксмо. 2017. Ст.144.
6. Евтушенко Е.В. Процессуально-правовые аспекты банкротства физических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С.538-541.
7. Информация о кредитных организациях (по состоянию на 27.04.2021) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/banking_sector/credit/, свободный (дата обращения: 10.04.2021).
8. Цветкова Г.С. Институт банкротства физических лиц: мировой опыт и российская практика // Российское предпринимательство. 2016. Т.17. №15. С.1727-1738.
9. Baer G. Report to the international bar association: meeting of the World Bank working group on insolvency of natural person [Electronic resource] // IBA. – 2012. Mode of access: <http://www.ibanet.org/>.
10. Report to the Treatment of the Insolvency of Natural Persons [Electronic resource] // The World Bank. – 2013. – Mode of access: http://sitesources.worldbank.org/INTGILD/Ressources/-WBInsolvencyOfNaturalPersonsReport_.

Об авторе:

ПЕТРАЧКОВА Анна Сергеевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Д.А. Попов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье выявляются психологические особенности поведения должника при взаимодействии с иными участниками исполнительного производства, так как исполнение судебных актов является неотъемлемой частью действующего процессуального законодательства. На основе анализа правоприменительной практики, действующего процессуального и исполнительного законодательства, автор формулирует примерный перечень таких психологических особенностей, определяющих своевременное, полное и правильное исполнение требований судебных актов.

Ключевые слова: исполнительное производство, психологические особенности, должник, взаимодействие сторон исполнительного производства, юридическая психология.

Актуальность данного вопроса и, следовательно, данной темы исследования обусловлена тем, что психологическое состояние должника по своей природной сути является определяющим показателем для своевременного исполнения требований судебных актов.

Должник – гражданин, оказавшийся неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение определенного законом срока [4].

Должник (по договору) – лицо, которое обязано выполнить определенное действие по договору в пользу кредитора [6].

Должником является гражданин, обязанный по исполнительному документу совершить определенные действия (передать денежные средства и иное имущество, исполнить иные обязанности или запреты, предусмотренные исполнительным документом) или воздержаться от совершения определенных действий [5].

Законодатель определяет должника как полноценного участника фактически всех сфер жизнедеятельности и правоотношений.

Само по себе слово «должник» имеет негативную (отрицательную) окраску. Долговые обязательства с друзьями, коллегами, малейшая потеря платежеспособности и доверительные отношения пропадают. Современные реалии таковы, что человек, которому доверяешь, практически никогда не будет спешить с возвращением займа. Такая тенденция наблюдается особенно часто в тех случаях, когда займодавец уверяет что возврат занятой суммы возможно произвести при возможности или у него отсутствует острая необходи-

мость в данном объеме денежных средств. При таком развитии событий большинство людей попросту не будет торопиться с возвращением долга, раз необходимость отсутствует.

Подобное отношение негативным образом сказывается на дружбе между двумя людьми, особенно если товарищ заемщика попросит его вернуть деньги через месяц или два. Человек может сильно расстроиться, если ему сперва оказали помощь, не определив срок возврата суммы займа, а через некоторое время попросили сумму вернуть. В результате люди обижаются друг на друга и начинают постепенно отдаляться.

Складывается неоднозначная ситуация, так как человек, который не отказал другу в тяжелый момент и занял ему денежные средства, тут же станет объектом для обид, как только попросит вернуть деньги.

Само собой, в каждом правиле есть исключения. Однако большинство людей, которые испытывают серьезные проблемы с финансами, именно так и воспринимают своих спасителей. Сначала они благодарят их за то, что теперь можно решить проблемы. Однако очень скоро начинают обвинять друзей чуть ли ни во всех смертных грехах, лишь из-за неоднократной просьбы вернуть сумму долга. Возможно, виной такому отношению становится сложная жизненная ситуация. Однако, дружба после займа начинает меняться не в лучшую сторону.

Правоотношения лица и кредитной организации, особенно микрофинансовой организации, – проблема всего государства в целом.

Причины понижения платежеспособности по тем или иным кредитным обязательствам абсолютно разные. Отличается и поведение должника при возникновении финансовых затруднений.

С точки зрения психологии интересно, как человек относится к наличию у него задолженности, ее возврату кредитору или наличию обязанности совершить иные обязанности или запреты, или воздержаться от совершения определенных действий, как действует и какие стратегии выбирает в ситуации, когда не хочет или не может выполнить условия кредитного договора или иных обязательств, а также какие эмоции при этом он испытывает, какие ресурсы выделяет и использует в этой ситуации.

Должник – заемщик, который имеет непогашенную задолженность, то есть не смог вовремя отдать кредит в прошлом или не может отдать его в настоящее время. С психологической точки зрения за этим стоит ситуация неисполнения заемщиком принятых на себя обязательств, нарушение ролевого поведения и незавершенного добросовестного акта обмена ресурсами с кредитором.

В ситуации экономических потрясений увеличение кредиторской задолженности может происходить и по не зависящим от личности обстоятельствам (например, в случае потери доходов из-за сокращения на работе, снижения доходов из-за нестабильной занятости или роста цен и т.п.). В таких условиях от

личности человека зависит, сможет ли он не поддаться стрессу, найти средства на погашение долга и с честью выйти из этой сложной жизненной ситуации.

Обособлено можно выделить должников, привыкших к покупкам в кредит, получающих удовольствие от кредитования.

У ответственных людей наличие просрочек может вызывать стресс, бессонницу, апатию. Сильные эмоциональные переживания порой оборачиваются повышением давления, инсультами, инфарктами и т.п.

Невыполнение заемщиком обязательств по выплате долга является стрессогенной для должника и членов его семьи ситуацией. И приводит к характерным для стрессовых ситуаций негативным последствиям. При этом заемщики могут реагировать на нее по-разному, демонстрировать защитные формы поведения.

Психологи считают, что существуют люди, склонные занимать деньги постоянно, в силу собственного характера. Они обычно безответственно подходят к получению ссуды, не беспокоясь насчет ее возврата.

В качестве причин попадания в ситуацию просроченного кредитного платежа можно назвать: преобладание мотивов кредитования, содержащих гедонистическую ориентацию и «мораль убегания вперед» при отсутствии готовности или возможности выкупить приобретенные товары своим трудом, низкий уровень материального положения семьи. Такие должники слабо ориентированы на прямое и самостоятельное решение финансовой проблемы. Их действия в ситуации просроченного кредитного платежа могут быть разными, но либо уводят от решения возникшей проблемы (защитное поведение), либо не направлены на ее решение и предполагают привлечение ресурсов других людей (для них характерна позиция разделённой субъектности).

Надо сказать, что отсутствует единый психологический портрет должника. Можно только приближенно описать проблемных заемщиков, особенности которых не зависят от их уровня дохода или образования, а иногда от простого желания исполнять, предусмотренную законом или судебным актом обязанность.

Так, например, специалисты отдела организации исполнительного производства Управления Федеральной службы судебных приставов по Тверской области, исходя из своих данных, составили портрет среднестатистического должника по алиментам, который проживает в Тверской области.

Среднестатистический неплательщик алиментов в Тверской области – это мужчина в возрасте от 30 до 42 лет. Эта возрастная группа насчитывает более 5 тысяч человек. Анализ данных показывает, что должники в возрасте от 30 до 54 лет наиболее социально ответственны в своих обязательствах, на них более эффективно воздействуют меры принудительного взыскания. Две трети из них имеют источник дохода, поэтому алименты выплачиваются из

заработной платы. Также стоит отметить, что 30% должников являются владельцами автотранспортных средств.

Среди эффективных мер воздействия на неплательщиков приставы называют ограничение в праве управления транспортным средством, наложение ареста на имущество должника с целью его последующей реализации, а также страх перед наступающей административной или уголовной ответственностью [9].

По данным статистической отчетности в 2020 году должностными лицами органа принудительного исполнения Тверской области в отношении лиц, уклоняющихся от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей возбуждено более 1400 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.35.1 КоАП РФ, и более 600 уголовных дел, предусмотренных ст. 157 УК РФ [10].

При выяснении причин неисполнения требований семейного законодательства и судебных актов о выплате алиментных платежей, данная категория должников объясняет свое противозаконное поведение нежеланием осуществлять официальную трудовую деятельность, асоциальным поведением.

Данная категория граждан под знаком страха административной или уголовной ответственности остается пребывать в своем уединенном мире с единомышленниками-должниками, злоупотребляя алкоголем, игнорируя различные способы взаимодействия с уполномоченными должностными лицами и наличие всякой обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей.

В части обязательств неимущественного характера – воспитание ребенка в семье было и остается одной из главных и традиционных ценностей общества. Приоритет в воспитании детей их родителями закрепляется как в международных, так и в национальных правовых актах.

В настоящее время законодательством Российской Федерации предусмотрено несколько ситуаций, при которых ребенок может быть законно при участии судебных приставов-исполнителей разлучен со своими родителями (одним из них): при лишении его родителей родительских прав или при их ограничении, при исполнении решения суда об определении места жительства ребенка, о порядке общения с ребенком.

К сожалению, судебные решения по данным категориям дел не всегда исполняются лицами добровольно. Принудительное же исполнение на практике всегда вызывает много сложностей, имеет ряд проблем, требующих решения. При принудительном исполнении важно не только соблюсти требования закона, но и не нанести психологическую травму самому ребенку. Об этом часто забывают сами стороны исполнительного производства – должник и взыскатель [7, с. 94].

Стресс, возникающий у лица, обязанного отдать своего ребенка, против воли, несмотря на наличие судебного акта, толкает должника на совершение

самых различных поступков, в подавляющем большинстве своем, влекущих отрицательные последствия, вплоть до лишения свободы.

Так, например, должностными лицами Управления Федеральной службы судебных приставов по Тверской области, в рамках розыскного задания установлен должник, который вопреки решению суда забрал сына у матери и увез в неизвестном направлении, место нахождения отца и ребенка, которого он скрывал более двух лет от родной матери [12].

В части принудительного исполнения обязательств имущественного характера (за исключением алиментных платежей) в большинстве своем должники не обладают высоким уровнем ответственности перед кредитором. К ним относятся лица, сознательно вступающие в кредитные обязательства, которые не смогут или не собираются выполнять, а также те, кто обладает непрерывными потоками займов и вложений, но в силу своих качеств отказываются исполнять обязательства.

Так, например, по данным УФССП России по Тверской области за 2019 год при проведении совместных рейдовых мероприятий с органами ГИБДД УМВД России по Тверской области, житель Московского района г. Твери задолжал более 160 тыс. рублей по штрафам ГИБДД и кредитным платежам.

Несмотря на принятые меры принудительного исполнения, должник не имел намерений погасить задолженность. Но ситуация изменилась, когда в ходе рейдовых мероприятий судебные приставы наложили арест на машину. В течение трех дней гражданин нашел возможность внести в счет погашения всю сумму долга [11].

Также, причиной невозврата долга обычно становится включение механизмов психологической защиты личности. Наиболее часто у должников проявляется виктимное поведение. Это парадоксальное состояние, когда должник считает себя не источником, а жертвой сложившихся обстоятельств.

Соответственно, он ведет себя как жертва, неосознанно (а иногда и осознанно) провоцируя преступление против себя.

Таким образом, понимая причины образования задолженности, психологию должника, его отношение к долгу является основным фактором успешного, своевременного, полного и правильного исполнения требований исполнительного документа (например, при правильном построении формы диалога, предъявлении определенных фактов).

Должник, который взял в долг и скрывается, не объясняя причин возврата, не принося извинений, не доказывая своего трудного финансового положения, приобретает признаки преступника.

Без понимания вышеуказанных элементов правильно воздействовать на должника и его поведение, к сожалению, не представляется возможным.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // «Российская газета». 1994. № 238-239.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Российская газета». 2016. № 149.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Российская газета». 2001. № 256.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // «Российская газета». 2002. № 209-210.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // "Российская газета". 2007. № 223.
6. Методические Рекомендации по разработке условий договоров подряда на строительство по гарантиям и поручительствам (утв. Минстроем РФ, протокол от 20.02.1996 № 6) // «Стройинформ– СПб». 1997. № 1.
7. Горбунова А.А. Принудительное исполнение судебных решений об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник исполнительного производства. 2019. № 2. С. 93 – 97.
8. Клокова Е.А., Трубникова Е.Д. Психологическое воздействие на должника при возврате долга. Пределы допустимого. // «Научный журнал NovaUm.Ru». 2019. № 17. С. 224 – 227.
9. Официальный сайт УФССП России по Тверской области [Электронный ресурс] // 2021. Дата обновления: 05.06.2020. URL: <https://r69.fssp.gov.ru/news/document27877977>, свободный (дата обращения: 06.05.2021).
10. Официальный сайт УФССП России по Тверской области. [Электронный ресурс] // 2021. Дата обновления: 20.01.2021. URL: https://r69.fssp.gov.ru/vedomstvennaja_statisticheskaja_otchetnost_za_dekabr_2020_goda/, свободный (дата обращения: 06.05.2021).
11. Официальный сайт УФССП России по Тверской области. [Электронный ресурс] // 2021. Дата обновления: 29.10.2019. URL: <https://r69.fssp.gov.ru/news/document27166527/>, свободный (дата обращения: 04.05.2021).
12. Официальный сайт газеты «Тверские ведомости» [Электронный ресурс] // 2021. Дата обновления 07.03.2017 URL: <https://vedtver.ru/news/society/sudebnye-pristavy-vernuli-materi-rebenka-uvezennogo-otcom/>, свободный (дата обращения: 01.05.2020).

Об авторе:

ПОПОВ Дмитрий Алексеевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ВЛИЯНИЕ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

А.М. Самсонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу вопросов, связанных с влиянием развода родителей на психологическое развитие ребенка. В статье автор особое внимание уделяет не только последствиям развода родителей для ребенка, но и тем конфликтам между супругами, как правило, возникающим задолго до развода, и которые также наносят неизгладимый вред психике ребенка. В качестве минимизации последствий развода родителей для ребенка автор предлагает решение проблемы с психологической и юридической стороны.

Ключевые слова: развод, семья, родители, ребенок, психологическое развитие.

На сегодняшний день сохраняет актуальность вопрос, связанный с сохранением института семьи и брака. Вместе с тем камнем преткновения выступает увеличение количества фактических брачных отношений, вместо тех, которые оформлены юридически, а также рост числа разводов.

Так, согласно данным Росстата о числе браков и разводов за январь-декабрь 2020 года и за 2019 год по субъектам Российской Федерации, в 2020 году количество разводов составило 564 тыс., что меньше на 9,1% (57 тыс. случаев), чем годом ранее. Однако уменьшение количества разводов эксперты объясняют настигнувшей нашу страну коронавирусной инфекцией, пик которой пришелся на 2020 год [3].

Развод родителей всегда влечет за собой негативные последствия, сказывающиеся на дальнейшем психологическом развитии детей. В связи с этим проблема, связанная с влиянием развода родителей на психологическое развитие ребенка, является достаточно актуальной и требует исследования в целях выявления путей уменьшения такого негативного влияния на психику несовершеннолетних.

Так, по мнению специалистов в области детской психологии, расторжение брака родителей, сопряженная с этим событием нервная обстановка в личной жизни, касаются не только взрослых, но и детей, которые даже в больших делах подражают своим родителям, строят свою жизнь по их образцу. Иначе говоря, препятствующий общению родитель тем самым планирует несчастье своего ребенка в будущем [4, с. 11]. На наш взгляд, с данной позицией следует определенно согласиться. Кроме того, необходимо отметить, что ребенок, который стал очевидцем развода своих родителей, таким примером может утратить понимание о традиционных семейных ценностях. Тем самым общество постепенно придет к тому, что институт семьи и брака не будет занимать того первостепенного значения и смысла в жизни каждого человека, как это было в минувшие века.

Следовательно, мы можем констатировать, что нет необходимости доказывать, что развод негативно влияет на развитие ребенка: среди профессиональных психологов остается дискуссионным скорее вопрос о возрасте, когда последствия становятся драматичными в большей степени. Есть понимание

этого и в массовом сознании, хотя часть респондентов (видимо, в попытке самооправдания) обнаруживают здесь «улучшение условий для формирования личности ребенка» – 15,4%, но большинство (53,6%) признает, что дети очень тяжело переживают развод, указывает на следующие проблемы в психологическом самочувствии ребенка, в воспитании и коммуникации [2, с. 96]. Вместе с тем тут следует сделать ремарку. Развод выступает конечным этапом, когда между супругами долгое время длятся ссоры, разногласия, возможно, что имело место быть и рукоприкладство одним из супругов по отношению ко второму, или же причиной могли стать злоупотребления одним из супругов алкоголем, наркотиками, измены и иные причины. Свидетелем данных процессов ребенок также может быть, и безусловно, что такие обстоятельства также накладывают неизгладимый след на психологическом развитии ребенка. Совокупность ряда таких причин приводят к тому, что супруги больше не хотят жить вместе, называться «мужем» и «женой», в таком случае вопрос стоит уже о разводе, как юридической констатации утраты супружеских отношений, основанных на любви, уважении и доверии.

Уже на этапе появления конфликта между супругами ребенок попадает под сильные эмоциональные переживания и может испытывать стресс. Многие исследователи указывают на то, что в таком случае ребенок перестает чувствовать защиту и заботу о нем, у него развивается чувство излишней тревожности, он перестает быть активным, впадает в депрессии [6, с. 224]. Данные обстоятельства могут негативно сказаться на дальнейшем формировании ребенка как личности, поскольку нерешенные внутренние конфликты, накопленные обиды, бессилие ребенка по отношению к разрешению ссор между родителями могут стать основой для формирования тревожно-мнительного характера со всеми соответствующими вытекающими.

Возвращаясь непосредственно к разводу следует отметить следующее. Последствия развода родителей на личность ребенка исследуются во многих психологических теориях, например, в теории привязанности, теории семейных систем, теории стресса, теории кризиса и т.д.

В рамках теории привязанности Дж. Боулби и его последователи подчеркивают, что у любого ребенка существует биологическая потребность или свойство «прикрепиться» к его родителям, опекунам, людям, которые о нем заботятся. Это эволюционная потребность необходима для выживания, это защитная функция ребенка от опасности. Однако, несмотря на то, что в первые полгода жизни ребенка это может не проявляться открыто, то после отмечается значительное и явное предпочтение ребенком внимания знакомых и близких для него взрослых. Они используются ребенком как безопасные базы в стрессовых ситуациях. При этом, когда уход за ребенком недостаточный, имеет место длительная разлука или потери человека, вместо привязанности, способствующей безопасному развитию, формируется ненадежная привязанность. Привязанность здесь выступает как устойчивая внутренняя репрезентация отношения к родителю, которая включает в себя склонность и стремление к поиску близости с родителем в случае опасности, в стрессовой ситуации [5, с. 100].

В процессе развода родителей процесс привязанности может нарушаться. Разлука с одним из родителей, постоянные конфликты в присутствии ребенка все это может негативно влиять в том, числе и на привязанность личности. Еще сложнее процесс социальной адаптации происходит у тех детей, чьи родители после развода настойчиво пытаются «устроить» свою судьбу, забыв о чувствах и привязанностях ребенка. Например, в семье мамы, с которой живет ребенок, часто появляются новые претенденты на роль мужа и отца. Их место занимают другие, и все начинается сначала. Ребенок становится заброшенным и его преодолевает чувство ненужности родителям. Однако необходимо учитывать, что именно в детстве формируется либо исходное доверчивое отношение к миру и людям, либо ожидание неприятных переживаний, угрозы со стороны окружающего мира и других людей. Исследования свидетельствуют о том, что чувства, которые испытывал ребенок в детстве, впоследствии нередко сопровождают человека в течение всей жизни, придавая его отношениям с другими людьми особый стиль и эмоциональную тональность [5, с. 101].

Дети, у которых разведенные родители, могут быть эмоционально нестабильны, так как они напуганы и чувствуют, что их родители также бросят их однажды, поскольку родители когда-то тоже любили друг друга, и все же они развелись, это дает детям чувствовать опасность потерять их любовь к себе.

Такие дети обычно имеют низкую самооценку и не могут сосредоточиться на положительных моментах жизни. Потеря матери или отца кажется для них концом их счастливой жизни. Им не хватает жизненного восприятия и навыков самореализации. Для них становится трудно принимать и воспринимать «маленькие радости жизни», которые обычно делают жизнь полной [1, с. 35].

Да, безусловно, имеются и ситуации, когда развод родителей может сказаться скорее положительно на психологическом состоянии ребенка. Речь идет о случаях, когда один из родителей применяет по отношению к другому или даже к ребенку физическое насилие или же злоупотребляет, например, алкоголем. Вместе с тем и такие конфликты уже оказывают отрицательное воздействие на психику ребенка.

Таким образом, конфликты между супругами и развод оказывают достаточно пагубное влияние на психологическое развитие ребенка. Такие последствия могут сказываться на протяжении всей последующей жизни ребенка начиная от того, что у него может сформироваться тревожно-мнительный характер и заканчивая тем, что он может быть агрессивным, а такое эмоциональное потрясение в детском возрасте может стать спусковым крючком для становления его личности как будущего преступника. Кроме того, родители для ребенка всегда являются примером для подражания, поэтому развод может стать причиной утраты ребенком семейных ценностей. В результате общество придет к тому, что институт семьи и брака вовсе утратят свое значение.

Решение указанных проблем должно строиться как с психологического аспекта, так и с юридического. С психологической стороны последствия развода для ребенка должны быть максимально минимизированы совместными усилиями обоих родителей. Иными словами, как минимум, первое время родители должны постараться уделять ребенку повышенное внимание, помочь

ему пережить данный период жизни, стараться больше его радовать, способствовать в нахождении ребенком новых увлечений и хобби, делать все, чтобы он не оставался в одиночестве со своими мыслями и переживаниями. Безусловно, что лучше вообще не доводить дело до развода и всячески пытаться изначально сохранить брак насколько это возможно, помня о имеющемся совместном ребенке.

С юридической стороны решения исследуемой проблемы следует указать на следующее. Представляется необходимым обратить внимание на имеющиеся механизмы, которые не нашли активного применения в нашей стране на сегодняшний день. Речь идет о процедуре медиации. Представляется, что процедура медиации должна стать обязательной в нашей стране для граждан, которые хотят развестись, но при этом имеют несовершеннолетних детей. В данном случае процедура медиации актуальна как никогда, поскольку возможно, что независимое лицо – медиатор поможет разрешить накопившиеся конфликты между супругами и ему удастся сохранить их брак, и, как следствие, убрать негативный фактор, каковым является развод, для психологического развития ребенка.

В качестве выводов следует отметить, что развод родителей достаточно сильно может отражаться на психологическом развитии ребенка, при этом в отрицательном аспекте. Стресс, переживаемый ребенком во время конфликтов и развода родителей может проявиться не сразу, а иметь отсроченное действие и отразиться во время уже взрослой жизни. В связи с этим государству следует наметить тенденцию на сохранение института семьи и брака, вводить соответствующие меры, способствующие сохранению супружеских отношений (речь идет о медиации), а родителям стараться уменьшить влияние плохих взаимоотношений между друг другом на ребенка.

Список литературы

1. Ахметшина Р.А., Фаррахова А.Ф. Проблема влияния ситуации развода на психологическое состояние детей // В сборнике: Образование и культура. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы А.Г. Мухаметшин, Н.М. Асратян, Э.Р. Ганиев. 2020. С. 34-36.
2. Зыков С.В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 92-102.
3. Количество браков в России в 2020 году уменьшилось на 18,5% [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/10653155>, свободный (дата обращения: 25.04.2021).
4. Нечаева А.М. Общение как разновидность права родителя на семейное воспитание ребенка // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 10-12.
5. Свило Я.В. Влияние развода родителей на личность ребенка в рамках теории привязанности // Проблемы науки. 2020. № 4 (52). С. 100-101.
6. Юнгман И.В. Развод как социально-психологическое явление, его влияние на ребенка // В сборнике: Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Сборник материалов LVI Международной научно-практической конференции. 2017. С. 224-228.

Об авторе:

САМСОНОВА Анна Михайловна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. Селиверстов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена проблеме злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации. В статье проведен анализ психологических причин злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации, приведены позиции ученых относительно возможных психологических причин злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации. Проанализирована судебная практика по проблеме злоупотребления процессуальными правами, сделаны выводы касательно путей противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, недобросовестность, психологические причины, субъективные права.

Субъективные права являются основой дозволительного способа правового регулирования. Дозволенное поведение представляет собой правовую возможность, гарантированную государством. Е.А. Крашенинников указывает, что структурные элементы субъективного гражданского права – это правомочие на совершение положительных действий и правомочие требования [4, с. 133]. По мнению Н.И. Матузова и А.В. Малько, субъективное право включает в себя четыре элемента: 1) возможность положительного поведения самого управомоченного; 2) возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица; 3) возможность обращаться за защитой к компетентным государственным органам; 4) возможность пользоваться определённым социальным благом. Другими словами, в единстве четырех возможностей (элементов) субъективное право выступает как право-поведение, право-пользование, право-требование и право-притязание [5, с. 191].

Реализации субъективного права предшествуют причины и условия, побуждающие субъекта действовать. Таковыми могут быть причины, связанные с нарушением прав субъекта, что влечет за собой возможность реализации права на судебную защиту.

Если под условиями, побуждающими субъекта к реализации своего права, являются сопутствующие причинам обстоятельства, то под причинами следует понимать явления, непосредственно влекущие реализацию права. Например, утрата багажа по вине перевозчика является основанием возникновения субъективного права пассажира на предъявление требований к перевозчику. При этом реализация права остается на усмотрение субъекта, требования могут быть и не предъявлены, например, если человек понимает, что плохо упаковал груз и из-за этого он был потерян.

Существует множество разновидностей причин реализации права, как субъективные, так и объективные, способствующие реализации права или пре-

пятствующим этому. Среди причин реализации права выделяют и психологические, субъективные, означающие внутреннее эмоциональное состояние человека и его чувственное отношение к последствиям реализации права.

Право носит значение общественного регулятора, служит для упорядочения общественных отношений. Право, как историческая и культурная ценность, основывается на принципах справедливости, гуманности, нравственности, что подтверждается всемирным признанием идеи неотчуждаемости естественных прав человека, идей правового государства и верховенства права. Через систему субъективных прав и обязанностей формируются правоотношения, носящие положительный характер взаимодействия отдельных субъектов в обществе.

При этом имеется позиция о кризисе правовых ценностей и упадке морали в обществе. Субъект способен реализовать свое право в порочных целях, противоречащих самой идее права, руководствуясь своими личными интересами. Злоупотребление правом не является правонарушением, то есть не влечет за собой нарушение прав, но при этом направлено на осуществление целей, заведомо противных идее конституционного правопорядка. В.И. Крусс указал, что злоупотребление правом – это неправомерное и потому не правовое, а только юридически значимое деяние; не реализация субъективного права, а неконституционная имитация такой реализации [3, с. 69].

Большое значение для реализации субъективного права и возможного злоупотребления им имеет правовая грамотность субъекта, его представление о праве в целом. Проявляется деформированный уровень правосознания субъекта в заблуждениях относительно целей реализации субъективных прав.

Малиновский А.А. указал, что при злоупотреблении правом следует говорить о правовом эгоцентризме. Субъективное право с эгоцентричной точки зрения рассматривается индивидом как средство удовлетворения только своих потребностей, а правоохранительная система – как инструмент, призванный защищать исключительно его интересы. Правовой эгоцентризм приводит к тому, что индивид воспринимает своё субъективное право, как некий абсолют. Всех других субъектов он рассматривает в качестве обязанных по отношению к нему лиц, а государственные органы и судебную систему – как структуры, направленные на защиту исключительно его прав и свобод [6, с. 357-358].

Уродливое, извращенное правосознание, пишет И.А. Ильин, остается правосознанием, но извращает свое содержание; оно обращается к идее права, но берет от нее лишь схему, пользуется ею по-своему, злоупотребляет ею и наполняет её недостойным, извращенным содержанием [2, с. 156].

Субъективные причины злоупотребления правом во многом исходят из отношения субъекта к праву, но при этом необходимо ограничивать злоупотребление правом от безнравственного поведения, циничного пренебрежения правом, публичной демонстрации пробелов в законодательстве. Злоупотребление правом подразумевает отношение субъекта к своему субъективному праву, как к способу реализации своих узконаправленных интересов, но никак

не подразумевает публичного принижения роли права, напротив, субъект, злоупотребляющий своими правами, всячески ссылается на законность своих действий, на исключительно правомерный характер его поведения, на значимость права.

А.Е. Наумов в качестве причин злоупотреблений правом приводит следующее положение: «... психология поведения субъекта права, который более озабочен реализацией своих интересов, нежели заботой о чужих интересах и интересах общества» [7, с. 10]. Также А.Е. Наумов указывает на многовариативность поведения при реализации субъективных прав, что порождает излишнюю субъективную свободу в их реализации.

А.В. Волков видит психологическую причину злоупотребления правом в «умышленном выходе управомоченного лица в ситуации правовой неопределенности за внутренние пределы (смысл, назначение) субъективного гражданского права (определяемые, в том числе, критериями разумности и добросовестности) для достижения своей незаконной скрытой цели, с использованием формализма и недостатков гражданского права» [1, с. 333].

Психологические причины злоупотребления процессуальными правами исходят из самого назначения права на судебную защиту и иных процессуальных прав. Судебная защита прав и свобод человека имеет всеобъемлющий характер, никто не может быть лишен права на судебную защиту. Сам характер права на обращение в суд создает возможность для человека злоупотребить им, полагаться на полную неприкосновенность при его реализации. Иск может быть заявлен по необоснованным, мелочным требованиям, например, ценой в один рубль или в связи с моральным вредом из-за злобного взгляда соседа. Однако ограничить злоупотребление правом на обращение в суд практически невозможно, зачастую выявить злоупотребление процессуальным правом возможно лишь в момент разбирательства дела, по существу.

Злоупотребление иными процессуальными правами реализуется уже после принятия обращения судом. Ряд процессуальных прав (действий), которые могут реализовать участники процесса, имеют свои процессуальные цели, к примеру: возможность уберечь имущество от злонамеренных действий ответчика или получить новые доказательства для полного и объективного разбирательства дела. При этом процессуальные права могут реализовываться субъектами в целях затягивания судебного процесса, для лишения возможности владения имуществом участника судопроизводства или для глумления над участником процесса.

Юдин А.В. указал, что в широком понимании, подведение субъектов, злоупотребляющих правами, можно охарактеризовать как недобросовестное. Процессуальная недобросовестность в гражданском судопроизводстве может означать действия внешне соответствующие требованиям закона, однако совершаемые с намерением причинить вред другому лицу и (или) интересам правосудия [10, с. 42]. Примером процессуальной недобросовестности стороны в процессе является позиция, указанная в Определении Верховного Суда РФ от

31.07.2015 № 305-кг15-5805 по делу № А41-36402/12, согласно которой суд отказал в рассмотрении заявления о фальсификации доказательства, поскольку в заявлении общества «Элтехмонтаж» о фальсификации не указаны ни предмет фальсификации, ни доводы, положенные в обоснование заявления. Суды указали на злоупотребление правом со стороны заявителя, ввиду того, что он, предъявляя подобное ходатайство, ссылаясь на невозможность оспаривать подлинность каких-либо доказательств при подаче надзорной жалобы, не является в судебные заседания при повторном рассмотрении дела и не представляет обоснованных доводов в пользу заявления о фальсификации доказательства, не представляет подлинного заявления о фальсификации, не представляет предложений по выбору экспертов (экспертных учреждений) [8].

В другом случае, согласно позиции, указанной в решении Арбитражного суда Свердловской области от 13.07.2020 по делу № А60-21072/2020, суд отказал в удовлетворении заявления, поскольку заявитель (лицо, инициировавшее судебный процесс, а, значит, заинтересованное в быстром и правильном рассмотрении заявленных требований), направляя заявление накануне судебного заседания в пятницу по окончании рабочего времени в арбитражном суде, злоупотребил своим правом и не исполнил процессуальную обязанность по заблаговременному предоставлению документов[9].

Таким образом, умышленная процессуальная недобросовестность субъекта включает в себя отрицательные субъективные стремления, противоречащие конституционному назначению права на судебную защиту, с целью причинения вреда конституционным интересам субъекта и интересам правосудия.

Основными психологическими причинами злоупотребления процессуальными правами в РФ являются такие явления, как умышленная процессуальная недобросовестность субъектов и низкий уровень правосознания населения. Злоупотребление процессуальными правами свидетельствует о фактическом отсутствии реальной добросовестной заинтересованности субъекта в судебной защите и предполагает реализацию процессуального права в эгоистичных, безнравственных, несправедливых целях.

Список литературы

1. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. д-ра. юрид. наук. М., 2010. С. 423.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М., 1994, С. 624.
3. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учебное пособие // Издательство: Норма: ИН-ФРА-М. 2019. С. 175.
4. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3 (230), 2000 год, С. 133-141.
5. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник // Юрист. 2004. С. 245.
6. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) // М.: Юрлитинформ, 2007. С. 352.
7. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дис. канд. юрид. наук. М., 2010. С. 144.

8. Определение Верховного Суда РФ от 31.07.2015 № 305-кг15-5805 по делу № А41-36402/12 // СПС «Консультант Плюс».
9. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 13.07.2020 по делу № А60-21072/2020 // СПС «Консультант Плюс».
10. Юдин А.В. Широкое и узкое понимание категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии Серия «Право». 2014. № 1(15). С. 39-44.

Об авторе:

СЕЛИВЕРСТОВ Андрей Сергеевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЦЕНЗИАРОВ И ЛИЦЕНЗИАТОВ

Н.А. Сергеев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Немаловажную роль в договорных отношениях, основанных на праве, играет психологический аспект. Именно он, порой, определяет содержание заключаемых договоров. В данной научной работе исследуются психолого-правовые особенности взаимоотношений между сторонами такого вида договора гражданско-правового характера, как лицензионный договор.

Ключевые слова: *психолого-правовые особенности, взаимоотношения, лицензионный договор, лицензиар, лицензиат.*

Институт интеллектуальной собственности является одним из самых активно развивающихся и расширяющихся в своём охвате институтов гражданского права. Современные реалии, всецело связанные и пронизанные коммерческими интересами субъектов развитого человеческого общества, предполагают извлечение выгоды из реализации любого появляющегося результата деятельности. Творческий процесс, являющийся источником такого результата и коммерциализация плодов интеллектуальной деятельности – есть объективно устоявшаяся система двух основ, на которой зиждется настоящий мир «людей желающих и людей предлагающих», иначе говоря, наш с вами современный мир потребления. С такой позицией согласна и О.О. Федорова, которая утверждает, что постоянно растущий спрос на результаты творческой деятельности является причиной появления «намерения автора (правообладателя) получить вознаграждение за предоставление права использования объектами интеллектуальной собственности третьим лицам» [3, с. 52].

Непосредственное вовлечение результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот принуждает законодателя, в целях улучшения данного процесса и повышения его эффективности, к разработке и внедрению в свою правовую систему механизмов функционирования специальных договоров, чьё таргетное направление – это обеспечение обоюдочестного и грамотного перехода исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности к лицам, не являющимся их первоначальными правообладателями. Одним из таких «особых договоров» является лицензионный договор [2, с. 47]. Его основное содержание закрепляется в ст. 1235 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Иные положения закона о разных формах лицензионного договора лишь конкретизируют объект интеллектуальной собственности (далее – ОИС), регулируемый таким договором.

Как следует из положений пункта первого данной статьи, согласно указанному договору, обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право ис-

пользования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах. Иными словами, лицензионный договор нацелен на передачу исключительных прав на ОИС первичным правообладателем вторичному.

Рассмотрев основу исследования, ради раскрытия поставленной в данной работе тематики, теперь необходимо понять основные мотивы заключения лицензионных договоров, откуда происходит психологическое подготное существо взаимоотношений между лицензиаром и лицензиатом.

Как было акцентировано ранее, каждый правообладатель результата интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, в случае появления у себя желания коммерческой реализации продукта своего интеллектуального труда, ставит перед собой приоритет по максимальному извлечению выгоды из такой реализации. Тем не менее, осуществить данный процесс одному субъекту не всегда просто, к тому же, это особенно трудно в условиях действительной цифровой эпохи, когда обмен информационными ресурсами совершается с практически мгновенной скоростью с точки зрения человеческого восприятия окружающей действительности и его контроля над ней, ввиду чего исключительные права авторов и правообладателей нарушаются третьими лицами. О.О. Федорова утверждает, что «участники рынка (правообладатели), ежегодно теряют существенный объем доходов из-за «пиратского» контента, контрафактных товаров в процессе оборота ОИС» [3, с. 53].

Институт лицензирования ОИС направлен на облегчение тяжести в осуществлении авторами и правообладателями деятельности в области по реализации ими своих интеллектуальных продуктов (распространению, популяризации и т. д.). При этом масштаб действия данного института является глобальным, что обуславливается тенденцией к постоянному развитию единой сферы действия рыночных отношений в межгосударственном плане, где права граждан и подданных разных государств должны соблюдаться равно всеми мировыми организациями, являющимися членами соответствующих договорных отношений.

Для возможности успешного коммерческого использования своей «продукции» на больших территориях, и тем более в иностранных государствах, «лицензиару» (носителю исключительных прав на объект интеллектуальной собственности) крайне удобно иметь непосредственного помощника, с помощью которого, как своего инструментария, он сможет претворять и извлекать весь коммерческий потенциал из объекта своих исключительных прав. Разумеется, в качестве такого удобного союзника выступает также заинтересованная в извлечении выгоды из ОИС сторона, что именуется «лицензиатом» (получателем исключительных прав на данный ОИС).

Переходя к анализу психолого-правовых особенностей во взаимоотношениях лицензиара и лицензиата, необходимо для начала сказать, что две эти стороны являются одновременно как зависящими друг от друга в аспекте прямого влияния, так и обособленными друг от друга в аспекте косвенного влияния.

Первая позиция подтверждается абз. 2 п. 1 ст. 1235 ГК РФ, откуда следует, что: «лицензиат может использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором. Право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, прямо не указанное в лицензионном договоре, не считается предоставленным лицензиату».

Обращая указанные нормативные положения в сторону психологического видения, требуется сказать, что в рассматриваемых взаимоотношениях лицензиару всегда принадлежит роль доминанта, роль же подчинённого отводится именно лицензиату, как стороне, что наделяется правами и обязанностями исключительно по содействию исконному правообладателю в реализации его интеллектуальной продукции. Это также подтверждается косвенной функцией лицензионного договора по предупреждению права на ОИС, а также, по словам Г.Н. Черничкиной, «предотвращению злоупотребления правом» [4, с. 77].

При этом доминантная позиция лицензиара может быть сужена посредством заключения лицензионного договора особого вида (исключительная лицензия), однако своё главенствующее влияние он не утратит, лишь сократит способы его демонстрации и применения (пп. 2 п. 1 ст. 1236 ГК РФ). В том числе, законодатель специально подчёркивает и выделяет его верховную роль и закрепляет «презумпцию» доминантности лицензиара над лицензиатом в п. 2 ст. 1236 ГК РФ, указывающей, что «если лицензионным договором не предусмотрено иное, лицензия предполагается простой (неисключительной)».

То есть, в своей изначальной форме лицензионный договор предполагает наличие у лицензиара при предоставлении лицензиату права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации «сохраняющегося права» выдавать лицензию на использование указанных объектов иным лицам. В случае же закрепления в договоре «исключительной лицензии», лицензиар такой возможности лишается и, соответственно, начинает полагаться только на своего единственного лицензиата.

Говоря об обособленности двух рассматриваемых сторон друг от друга, необходимо сослаться на содержание п. 7 ст. 1236 ГК РФ: «переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к новому правообладателю не является основанием для изменения или расторжения лицензионного договора, заключенного предшествующим правообладателем». То есть, какую бы форму не имел лицензионный договор, мы имеем не прямолинейные гражданско-правовые отношения между сторонами этого договора, а опосредованные, то есть осуществляющиеся через посредника – ОИС, являющийся предметом договора.

Указанная обособленность анализируемых субъектов также дополнительно утверждается п. 2 ст. 1237 ГК РФ: «в течение срока действия лицензионного договора лицензиар обязан воздерживаться от каких-либо действий, способных затруднить осуществление лицензиатом предоставленного ему

права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных договором пределах». Иначе говоря, какую бы позицию не занимал лицензиар относительно лицензиата в плане реализации своих ОИС, обе стороны осуществляют свою деятельность в «автономных состояниях», пока не происходит нарушение положений заключенного ими лицензионного договора. Так, при возникновении спора касательно использования ОИС в тех пределах, которые не установлены лицензионным договором, суд будет вставать на сторону именно лицензиара, как первичного правообладателя. Это же отчасти подтверждается и анализом судебной практики в работе О.О. Федоровой: «По сложившейся практике рассмотрения судами подобных споров суды в большинстве случаев придерживаются позиции удовлетворения требований правообладателей».

Крайней анализируемой в данной работе психолого-правовой особенностью взаимодействия лицензиара и лицензиата является предусмотренный институтом лицензирования дополнительный субъект или же третья сторона в осуществлении исполнения лицензированного продукта. Речь идёт о сублицензиате – лице, которому с письменного согласия лицензиара лицензиат может по договору (сублицензионному договору) предоставить переданное ему право на использование результата интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в установленных лицензионным договором для него самого фактических пределах такого использования (п. 1, 2 ст. 1238 ГК РФ).

При этом сублицензионный договор является добавочным расширением к лицензионному договору, а потому также регулируется нормами, относящимися именно к нему (п. 5 ст. 1238 ГК РФ).

Что же касается сублицензиата, то необходимо выделить его правовую позицию в отношениях между рассмотренными сторонами лицензионного договора. Так, он исполняет подчинительную функцию по отношению к лицензиату и непосредственно лицензиару не подчиняется, то есть является низшим звеном в данных договорных взаимоотношениях. С психолого-правовой стороны надо заметить, что отношения между лицензиатом и сублицензиатом обязаны основываться на личном доверии друг к другу, потому как ответственность за действия сублицензиата перед лицензиаром несёт в первую очередь именно сам лицензиат (п. 4 ст. 1238 ГК РФ), и ввиду этого в качестве сублицензиата ему необходимо выбирать только тех лиц, которым он может полностью доверять.

Делая вывод, следует сказать, что психологические и правовые аспекты во взаимоотношениях сторон лицензионного договора имеют фактически равновесное значение, и одни без других будут неполноценными и не смогут полноценно предупреждать и регулировать взаимодействия указанных субъектов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть четвёртая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 20.03.2021) (принят Государственной Думой РФ 24.11.2006) (с посл. изм. и доп. от 09.03.2021 N 33-ФЗ) // Российская газета. 2006. № 289.
2. Демьяненко Е.В. Понятие и правовая природа лицензионного договора / Е.В. Демьяненко, А.В. Шпак // Юрист-Правоведь. 2019. № 4(91). С. 47-50.
3. Федорова О.О. Правовые проблемы лицензионных договоров при использовании объектов интеллектуальной собственности / О.О. Федорова, В.И. Яковлев // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 6-1(151). С. 52-56.
4. Черничкина Г.Н. Функции института лицензионного договора в имущественных отношениях по законодательству Российской Федерации / Г.Н. Черничкина // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 7(202). С. 72-82. – DOI 10.24411/2072-4098-2018-17005.

Об авторе:

СЕРГЕЕВ Никита Александрович – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЯ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Соловьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автором статьи проанализирована профессиональная деятельность сотрудников органов прокуратуры. Основные направления, цели, задачи, служебные обязанности прокуроров определяются функциями органов прокуратуры, сформулированными в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». Автором также рассматриваются особенности профессиональной деятельности прокурора, которые предъявляют повышенные требования к интеллектуальным, нравственным и личностным качествам прокурорских работников, что определяет актуальность совершенствования системы профессионального обучения.

Ключевые слова: профессионально-психологическая подготовка, психологическое обеспечение профессиональной деятельности, психология прокурорской деятельности, профессиональная деятельность, психологические особенности труда прокурора, прокурор, психология.

Прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции [1].

Ведущая функция прокуратуры заключается в надзоре за соблюдением Конституции Российской Федерации, а также исполнением законов на всей территории Российской Федерации.

Следовательно, прокурорский надзор устанавливается:

1. За соблюдением прав и свобод человека и гражданина;
2. За исполнением законов органов и учреждений, исполняющих наказание;
3. За исполнением законов судебными приставами;
4. За исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность дознание и предварительное следствие;
5. За исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти и др., а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов [2].

Надзорной функцией органов прокуратуры также служит – государственный контроль. Данную функцию, в психологическом плане можно рассмотреть, как трудный и сложный вид деятельности, основной компонент которой – особая форма контроля [9].

Значимым элементом в структуре прокурорского надзора также будет являться познавательная деятельность. В своей работе прокурор, проверяя сообщения о случаях нарушения закона, изучает, анализирует и сверяет разнообразные материалы, различную документацию, сведения статистической отчетности, а также выявляет и доказывает состав гражданских или административных правонарушений. В случае необходимости он вызывает на личный

прием в определенный день и назначенное время для дачи объяснений граждан или должностных лиц, на основании своих должностных полномочий. Таким образом, можно сделать вывод, что прокурор, осуществляя прокурорский надзор, проводит так называемое исследование, по своему характеру и содержанию, а также психологическим особенностям весьма близкое к расследованию преступлений [10].

Нередко прокурорский работник в своей профессиональной деятельности может столкнуться с лицами, нарушающими закон, а также лицами, пытающимися уклониться от гражданско-правовой и уголовной ответственности при совершении правонарушений, либо оказать на сотрудника давление для того, чтобы повлиять на будущее решение в отношении такого нарушителя. Так вот, находясь на стороне борьбы с преступностью и нарушениями закона, деятельность прокурора имеет весьма напряженный характер и отличается достаточной экстремальностью, поддается высокому эмоциональному и психологическому воздействию на сотрудника, а также его неравномерным графиком работы из-за частых переработок. Для достижения эффективности на рабочем месте, прокурорский работник, выполняющий служебные обязанности профессионально, должен обладать высокой эмоциональной устойчивостью и работоспособностью, а также хорошо развитыми волевыми качествами.

Необходимо не забывать, что помимо надзора к функциям органов прокуратуры относятся:

1. Расследование различных и сложных преступлений;
2. Участие в рассмотрении дел судами в качестве государственного обвинителя;
3. Регулирование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
4. Участие в правотворческой деятельности [8].

Профессиональная деятельность прокурора также характеризуется большим количеством контактов с различными людьми. Прием жалоб и заявлений у граждан, общение с лицами, вызванными для дачи объяснений в ходе прокурорских проверок при нарушении законности, взаимодействие с должностными лицами различных органов государственной власти и управления, руководителями организаций, личное участие прокурорского работника в различных следственных действиях, а также значительная и важная роль – участие в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя.

Таким образом, можно сделать вывод, что перечисленные ситуации, в которых осуществляется деятельность прокурора, протекает в основном форме постоянного общения.

Проанализировав деятельность прокурора, можно выделить большое количество различных ситуаций и соответствующие им два психологических механизма взаимодействия, в рамках которых осуществляется общение.

Первая – это межличностное взаимодействие. Например, во время личного приема жалобы или объяснений у гражданина. Вторая, – во время участия

в публичном выступлении перед аудиторией, а также участвуя в судебных заседаниях. Любая из приведенных ситуаций будет требовать от прокурора навыков и определенных умений. Так, в первом примере будет необходимо иметь достаточное умение выслушать гражданина по диалогу, иметь способность правильно понимать мотивы и механизмы его поведения, уметь различать правдивые и ложные доказательства. Во втором примере, необходимо иметь публично выступать, иметь развитую культуру речи, четкость речи, внятность, правильность суждений. Речь должна быть убедительна, выразительна, что необходимо для деятельности прокурора.

Функции и задачи, права и обязанности, а также порядок участия прокурора в судебном заседании, порядок подачи исковых заявлений и жалоб, подробно описаны в нормативно-правовых актах, таких как:

1. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1;

2. Приказ Генпрокуратуры России от 25.03.2011 № 81 (ред. от 18.11.2020) «Об утверждении форм трудового договора, заключаемого с прокурорским работником, и соглашений к нему»;

3. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 79-ФЗ;

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021);

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021).

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическому анализу прокурорского работника подлежат функции, цели, задачи, основные направления и виды его деятельности.

Некоторые психологические особенности трудовой деятельности прокуроров связаны с организационными принципами строения органов прокуратуры. В соответствии с положением статьи 4 Федерального закона «О прокуратуре РФ» «Прокуратура Российской Федерации составляет единую федеральную централизованную систему органов и учреждений и действует на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации» [2].

Из этого следует, что система органов прокуратуры представляет собой единую федеральную централизованную структуру, основанную на принципе единоначалия, указывающий на способ управления органами прокуратуры.

Такая организация задает в психологическом плане специфику руководства и управления внутри органов прокуратуры, указывая на психологические характеристики руководителя и его стилистические особенности взаимодействия с подчиненными работниками, влияние на эффективность работы, а также состояние психологического климата внутри отдела.

Согласно проведенным психологическим исследований в Генеральной прокуратуре РФ была разработана групповая профессиограмма труда прокурорско-следственных работников, а именно – система признаков, описывающих и включающих перечень норм и требований, предъявляемых этой профессии прокурорского работника, включающая в себя 4 ветви – ведущие подструктуры деятельности, познавательную, коммуникативную, организационно – управленческую и воспитательную. Главной составной частью данной профессиограммы является психограмма – системное описание требований, предъявляемых профессией к психическим процессам, свойствам и состояниям исполнителей, включающая пять комплексов взаимосвязанных профессионально значимых психологических особенностей – факторов профессиональной пригодности, высокий уровень социализации личности, познавательные способности, эмоционально-волевую устойчивость, коммуникативную компетентность, организаторские способности прокурорского работника. Данные нормы подробно описаны в нормативно-правовых актах, регулирующие функции и задачи, права и обязанности прокурорского работника, которые описаны выше.

На основе данной программы была подготовлена система оценки для прогнозирования профессиональной психологической пригодности кандидатов на службу в прокурорские работники. В настоящее время эта система активно выдвинута и используется в органах прокуратуры, где специалисты психологии осуществляют профессиональный отбор кадров.

Таким образом, психологическое обеспечение подготовки к профессиональной деятельности кадров для органов прокуратуры Российской Федерации представляет собой многоуровневый и поэтапно организованный процесс психологического сопровождения профессионально-психологической подготовки студентов университета Прокуратуры Российской Федерации, с целью формирования и развития профессионально важных качеств обучающихся, психологических знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного выполнения профессиональных задач и обязанностей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020)// СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Генпрокуратуры России от 25.03.2011 № 81 (ред. от 18.11.2020) «Об утверждении форм трудового договора, заключаемого с прокурорским работником, и соглашений к нему»//СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ//СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) //СПС «КонсультантПлюс».

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Прокурорский надзор / под ред. Ю.Е. Винокурова. М.: Юрайт. 2018. С. 496.
8. Смоленский М.Б. Прокурорский надзор. М.: Дашков и Ко, АкадемЦентр. 2017. С. 240.
9. Прокурорский надзор: учебник. О.С. Капинус. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 639.
10. Фалкина С.А. Психологическое обеспечение подготовки к профессиональной деятельности кадров для органов прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, номер 5. Режим доступа:// <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN517.pdf>, свободный (дата обращения 29.04.2021).

Об авторе:

Соловьева Виктория Валерьевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТОРОН ПРИ МЕДИАЦИИ

К.С. Солодовников

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена психологическим особенностям сторон при проведении процедуры медиации. В статье выделены конкретные особенности медиатора и сторон спора, их взаимодействие и положительные перспективы внедрения психологического анализа сторон при медиации.

Ключевые слова: *медиация, примирительные процедуры, процедура медиации, психологический анализ.*

Медиация является одним из видов альтернативного разрешения споров, и в научной литературе преобладает ее понимание как процесса или процедуры. Рассмотрение социально-психологического аспекта медиации редко встречается в трудах зарубежных и отечественных исследователей. Удавихиной У.А. выдвинута гипотеза о существовании социально-психологических особенностей профессиональной деятельности медиатора, проявляющихся в социально-психологических особенностях и социальных ориентациях медиаторов и их клиентов [3, с 141].

В Федеральном законе от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее ФЗ о медиации) процедура медиации понимается как – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [4].

Отличительной чертой медиации как способа разрешения спора является достижение удовлетворяющих всех сторон договоренностей, что одновременно является преимуществом такого способа перед судебным порядком разрешения спора. Медиативное соглашение основывается на принципах, закрепленных в ФЗ о медиации – добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

Психологическая оценка сторон перед проведением процедуры медиации является необходимой мерой в деятельности медиатора. Правильное получение и использование полученной информации позволит медиатору более эффективно решить спор и привести стороны к компромиссу.

Исследование медиации всегда было междисциплинарным и осуществлялось преимущественно в рамках зарубежной конфликтологии, юриспруденции и психологии. Большинство исследований таких зарубежных авторов как Х. Бесемер, Г. Мета, Л. Рискин, Д. Ричбелл, Н. Александер, Д. Спенсер, К. Ханимен и др., посвящены теоретическим и прикладным аспектам медиации. В научных статьях, учебниках и методических пособиях разработаны принципы и этапы медиации, а также подробно описаны функции медиатора.

В отечественной научной литературе, посвященной медиации, также уделяется основное внимание юридическим нюансам ее реализации в правовом поле. Тем не менее, в последние десятилетия можно отметить рост научного интереса к медиации со стороны психологии. Такие авторы как Н.В. Гришина, Е.Н. Иванова, О.В. Аллахвердова, А.Н. Азарнова и другие развивают психологическое направление в исследовании медиации.

Медиация, в переводе с латинского обозначающая «посредничать», представляет собой метод досудебного разрешения конфликтов, которые возникают при столкновении противоположных интересов, разногласий, споров в деловой сфере или личностной, где субъектами конфликтов выступают индивиды, группы людей, государство [2].

Гришина Н.В. формирует понятие конфликта, как биполярное явление – противостояние двух начал, проявляющее себя в активности сторон, направленной на преодоление противоречия, причем стороны конфликта представлены активным субъектом» [1, с. 26].

Для разрешения конфликтов используют переговорные процессы между конфликтующими сторонами или прибегают к медиации, которая представляет собой вид переговоров, где принимает участие нейтральное лицо [3].

Для эффективного разрешения конфликта необходимо более детально рассмотреть психологические особенности сторон. Так, при использовании опросного метода, Удавихиной У.А. получены следующие результаты:

1. Представления медиаторов и клиентов о собственных личностных профилях социальных ориентаций отличаются между собой. Среди медиаторов чаще встречаются люди, склонные к доминированию, в то время как клиенты, которые обращаются к услугам медиаторов, имеют склонность к ведомому поведению.

2. Взаимные оценки личностных профилей социальных ориентаций медиаторов и их клиентов различаются. По мнению клиентов, медиатор более авторитарен во взаимодействии с другими людьми и склонен активно проявлять лидерские качества относительно самооценки медиаторов самих себя. Одновременно с этим, на их взгляд, медиатор может быть мягок, ориентирован на сотрудничество, исполнение просьб и чужих обязанностей, склонен доверять любой информации. По мнению медиаторов, их клиенты, в целом, не склонны проявлять альтруистичность и обязательность, а также не всегда готовы проявлять дружелюбие и готовность к сотрудничеству. Оценки клиентов и медиаторов близки относительно характеристик недоверчивости, подозрительности и трудности установления межличностных контактов у клиентов.

3. Существует связь между индивидуально-психологическими особенностями личности медиатора, особенностями его профессиональной деятельности, подходом и стилем, который он использует. Также каждый медиативный подход и переговорный стиль характеризуется своим набором взаимосвязей с характеристиками личностного профиля социальных ориентаций медиатора и особенностями его работы [3].

Следует отметить, что каждый медиативный подход и переговорный стиль характеризуется своим набором взаимосвязей с характеристиками личностного профиля социальных ориентаций медиатора и особенностями его работы.

В результате проведенного исследования Удавихиной Д.В. выявлено существование социально-психологических особенностей профессиональной деятельности медиатора [3].

Преобладающее количество лиц, обратившихся за помощью к медиатору, считают его своеобразным руководителем процесса. Такой результат можно отметить, как необходимую социально-психологическую особенность профессиональных медиаторов, выступающих специфическим временным руководителем при урегулировании конфликтов. Однако, медиация строится на принципах добровольности, а значит стороны сами желают прийти к компромиссу, который удовлетворит обе стороны.

Для ведения процедуры переговоров медиатору необходима способность направлять стороны к компромиссу, а также умение обеспечить соблюдение всех норм и правил поведения сторонами конфликта, пресекать попытки манипулирования с чьей-либо стороны.

Так как стороны высказывают доверие медиатору на проведение процедуры переговоров, то есть доверяют ему право удерживать стороны от эскалации конфликта, это позволяет сторонам воздержаться от доминирования друг над другом и занять равное положение. Подобное положение позволяет медиатору эффективнее выстраивать взаимодействие сторон в процессе переговоров.

Медиация является наиболее действенным способом восстановления мира между спорящими субъектами. Она способна до судебного разбирательства разрешить спор, что способствует освобождению судов от части нагрузки. Поэтому медиация является важным институтом права, обогащающим правовую культуру общества.

Изучение психологических процессов и особенностей сторон, разработка методик примирения необходимы для включения в программы подготовки медиаторов. Данные знания помогут максимально эффективно решать конфликты и быстрее приводить стороны к компромиссному решению. Внедрение элементов психологической работы позволит снизить процент неисполнения медиативных соглашений, и повысить привлекательность и заинтересованность населения в институте медиации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)// Российская газета – Федеральный выпуск. 2010. № 168. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2007/10/06/ispolnitelnoe-proizvodstvo-dok.html>, свободный (дата обращения 20.04.2021).
2. Гришина Н.В. Психология конфликта // 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. С 544 (Серия «Мастера психологии»). [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.law.vsu.ru/-structure/criminalistics/books/grishina_psy_conf.pdf, свободный (дата обращения 20.04.2021).

3. Елисеев Д.Б. Медиация как способ досудебного урегулирования споров // Электронный журнал «Адвокатская практика». 2020. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа СПС Консультант Плюс, свободный (дата обращения 20.04.2021).

4. Удавихина У.А. Социально-психологический аспект медиации // Электронный журнал Человеческий капитал, 2020, № 9 (141). [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://pureportal.spbu.ru/ru/publications/социально-психологический-аспект-медиации>, свободный (дата обращения 20.04.2021).

Об авторе:

СОЛОДОВНИКОВ Кирилл Сергеевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ГРАЖДАНСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.П. Таненя

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена правовым и психологическим аспектам взаимодействия представителя и поверенного лица. Автор анализирует, каким образом психология поведения представителя и правильный выбор психологических приемов влияет на ход судебного процесса.

Ключевые слова: *правила профессионального поведения в суде, морально-этические нормы, психология, представительство, правовой статус.*

Важным аспектом взаимодействия сторон и иных лиц, участвующих в судебном процессе, являются их межличностные отношения. Прежде всего, влияние психоэмоционального состояния отражается на противоборствующих сторонах, отстаивающих свои интересы в суде. При этом психология общения как основа взаимодействия субъектов имеет весомое значение как в профессиональных отношениях (в спорах в сфере предпринимательства между профессиональными участниками рынка в лице их представителей), так и в бытовых спорах гражданско-правового характера, в которых отношения сторон обусловлены эмоциональной связью.

Не менее значим психологический аспект во взаимодействии сторон и судьи. В этой связи неоспоримо полезно умение стороны или представителя управлять процессом при выступлении в суде, умение управлять прениями в целом. Тема психологии в гражданском процессе недостаточно развита в научной юридической литературе. Наиболее существенный вклад в развитие теоретических основ современной юридической психологии, развитие ее методологического аппарата, и в частности влияния психологии на гражданское судопроизводство внес доктор психологических наук, профессор Еникеев М.И. Также разработкой тематики занимались Ярков В.В, Васильев В.Л., Худойкина Т.В., Новикова Н.А.

В системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина право на судебную защиту имеет особое значение. Российским законодательством предусмотрено большое количество способов защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений, – от самозащиты гражданских прав до обращения к Президенту Российской Федерации как гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Каждый гражданин самостоятельно выбирает, как он будет защищать свои права и законные интересы в суде. Он может это делать самостоятельно или через своего представителя.

Гражданский кодекс Российской Федерации, дает определение понятию "Представитель в гражданском праве" – это лицо, совершающее в силу имеющегося у него полномочия сделки и иные юридические действия от имени,

представляемого (п. 1 ст. 182 ГК РФ). А Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в главе 5 "Представительство в суде" закрепляет положение о представительстве, раскрывая подробно: каким образом гражданин взаимодействует с представителем, участие представителя в суде, кто может быть представителем в суде и его полномочия [4], [5].

П.1 ст. 54 ГПК РФ закрепляет основные полномочия представителя:

- Подписание искового заявления, предъявление его в суд;
- Передача спора на рассмотрение третейского суда;
- Предъявление встречного иска;
- Полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера;
- Признание иска;
- Изменение предмета или основания иска;
- Заключение мирового соглашения;
- Передача полномочий другому лицу (передоверие);
- Обжалование судебного постановления;
- Предъявление исполнительного документа к взысканию;
- Получение присужденного имущества или денег.

Однако, совершать подобные действия представитель вправе только после того, как это быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом. Однако, что является основной целью гражданского представительства в целом? Нормативное определение и закрепление цели позволило бы более точно установить место и роль представителя среди субъектов гражданского судопроизводства. Булдакова А.А. и Ильинская И.М. в своих работах указывают на весьма важные вопросы:

Является ли целью представительства только оказание квалифицированной юридической помощи лицам, участвующим в деле, в осуществлении их процессуальных прав и обязанностей в рамках полномочий, оформленных надлежащим образом, или это еще и оказание помощи суду в осуществлении правосудия по гражданским делам? [3, с. 14], [6, с. 11].

Как отмечает Туманова Л.В. в своей работе «Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве», «несмотря на многовековую историю существования данного института гражданского процессуального права, отношения представительства в гражданском процессе, правовой статус представителя, нормативное регулирование отношений процессуального представительства остаются предметом серьезных дискуссий в профессиональной среде. В частности, не выработана единая позиция по вопросу о месте представителя среди участников гражданского процесса» [8].

Профессиональная деятельность судьи включает в себя не только исполнение обязанностей по судебному разбирательству дела и принятию решения, но и выполнение других задач и полномочий. Что обуславливает необходи-

мость для него теоретических и практических знаний юридической и социальной психологии. Судье предстоит проанализировать поведение сторон гражданского процесса и установить целесообразность применения медиативных процедур, поскольку зачастую обращение в суд основывается на недостижении взаимовыгодного соглашения сторон в силу психоэмоциональных факторов, таких как обида, злость, агрессия по отношению друг к другу, нежелание решения проблемы компромиссным способом. Для эффективной реализации своих функций судья должен иметь отличные юридические знания и обладать целым набором личностных качеств: воля, эмоциональная устойчивость, коммуникативность и др. При этом, судья подвергается воздействию ряда негативных факторов, которые имеют аккумулятивный характер и способны нанести серьезный вред его личности.

Представитель же стороны в свою очередь занимается тем, что анализирует весь объем доказательств, вычленивает наиболее информативные, надежные, допустимые и доступные доказательства. Однако, за этими действиями мы видим большое влияние психологии и межличностного взаимодействия участников процесса. При использовании представительства сторона спора опосредует себя от непосредственного взаимодействия с противоположной стороной, что является фактором, сглаживающим эмоциональные проявления. За редким исключением профессиональные представители не переживают эмоций, связанных с процессом рассмотрения спора в суде, аналогичных эмоциям своего доверителя, поскольку для них конфликт не является личным, а является профессиональной или должностной обязанностью, обязательством по договору оказания юридических услуг.

Для представителя значимым является психологический аспект достижения итога спора – получение вознаграждения, пополнение портфолио успешно разрешенных дел. При этом профессиональный участник гражданского процесса очевидно более опытен в процессуальном порядке рассмотрения дел, менее подвергнут влиянию второй стороны. В таком случае ошибка в выборе модели поведения минимальна, максимально отработана и продумана стратегия действий, разработан план использования психологических приемов убеждения, расстановка доказательств в зависимости от степени обоснованности и убедительности. Как отмечает Боева М.В.: «Знание объективных психологических закономерностей перцепции, коммуникации, интеракции и умение применять их в профессиональном общении дает профессиональным участникам гражданского процесса возможность получать конъюнктивную оценку партнеров по общению, устанавливать и поддерживать с ними психологический контакт, кооперативное взаимодействие, и тем самым повышать эффективность своей профессиональной деятельности в целом» [2].

Представитель как поверенный клиента всемерно отстаивает интересы последнего, оказывает ему юридическую помощь, создав фон социальной защиты. Имея единую цель, сторона и ее представитель деятельностно объеди-

нены, они активно взаимодействуют: сторона информирует своего представителя обо всех нюансах дела, возможном поведении заинтересованных в исходе дела лиц, резервном объеме доказательств. Сторона спора и его представитель – достаточно сложное психологическое образование, в котором участвуют живые люди с их сложившимися к началу профессионального и личностного общения представлениями о возможности и допустимости тех или иных шагов в ходе процесса, одновременно с тем, не допуская безотчетных действий друг друга [9].

Разобщенная деятельность стороны и его представителя может сказаться на возможности использования всех процессуальных прав. Прежде всего, поведение представителя в суде напрямую влияет как на итоговое решение судьи, так и на восприятие его позиции как выражение мнения стороны по делу. В случае форс-мажорных обстоятельств в действиях представителя сторона фактически теряет преимущество профессионального юридического представительства в суде, а противоположная сторона получает это преимущество, основанное на отсутствии контроля и одновременно психологически доверительных отношений между представителем и его доверителем.

Так, Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 19 сентября 2017 г. по делу № 33-16541/2017 иллюстрирует ситуацию, в которой сторона по делу фактически лишилась возможности участия в судебном заседании из-за поведения своего представителя. Поскольку взаимодействие между сторонами процесса удалением представителя из процесса было прервано, трехсторонняя система «истец-суд-ответчик» была разрушена, предоставляя свободу другой стороне в выражении своей позиции по делу [1].

Модель поведения в таких случаях выбирается в зависимости от наличия или отсутствия и степени эмоциональной вовлеченности в процесс. При этом наличие представителя опосредует сторону спора и непосредственно рассмотрение этого спора в судебном заседании, а отсутствие личных эмоций у представителя позволяет ему управлять поведением в конфликте. При этом важно наличие также психоэмоциональной связи между доверителем и представителем, поскольку только единая тактика в процессе может предоставить преимущество при защите прав стороны спора в судебном заседании.

Не менее интересным является Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.08.2020 №11АП-9673/2020 по делу №А65-31044/2019, где суд отказал в удовлетворении заявления о взыскании с ответчика судебных расходов на представителя истца, установив, что представитель является супругом истца. Как указал суд передача денежных средств одним супругом другому не свидетельствует о несении заинтересованным лицом расходов, поскольку на данные денежные средства распространяется режим совместного имущества супругов (ст. 34 СК РФ). Сведений о заключении между заинтересованным лицом и представителем брачного договора на усло-

виях, предусматривающих отступление от общего правила о режиме совместной собственности супругов, на момент вынесения оспариваемого определения, материалы дела не содержат. Что указывает на то, что институт представительства, может сталкиваться и с подобными несостыковками в законодательстве [7].

Таким образом, взаимодействие сторон гражданского процесса между собой и с судьей имеет в основе психологические и эмоциональные аспекты, обуславливающие выбор модели поведения. Модель поведения сторон зависит также от эмоциональной связи между истцом и ответчиком. Взаимодействие сторон спора основано на психоэмоциональных факторах. Необходимо отметить, что в конкретном случае в рамках отдельных видов отношений наблюдается разная степень эмоциональной связи между истцом и ответчиком, поскольку в таком случае порождаются различные виды связей: родственные связи, подчиненные связи трудовых отношений, деловые отношения бизнес-партнерства и другие.

Если делать определенные выводы исходя из вышесказанного стоит отметить, что совершенствование института представительства в гражданском процессе невозможно без пересмотра отдельных положений гл. 5 ГПК РФ. Необходимо четкое разделение процессуального представительства на виды, закрепление соответствующих им целей, задач, приведение положений об оформлении полномочий представителя. Это позволит обеспечить совершенствование реализации правозащитной функции представительства в гражданском процессе, а также решение важнейших задач укрепления законности и правопорядка, предупреждения правонарушений, формирования уважительного отношения к закону и суду.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изменениями и дополнениями) //СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 19 сентября 2017 г. по делу № 33-16541/2017 // [Электронный ресурс]. URL: <http://arbitr.garant.ru/#/document/149828301>, свободный (дата обращения 15.04.2021)
4. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.08.2020 N 11АП-9673/2020 по делу N А65-31044/2019// [Электронный ресурс].URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f3273d19-9be3-4d5f-b267-97a50a0e0b1b>, свободный (дата обращения 18.04.2021).
5. Боева М.В. Тактико-психологические основы взаимодействия профессиональных участников гражданского процесса // Современные исследования в сфере экономики, юриспруденции и психологии. 2018. С. 77-81 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36621446>, свободный (дата обращения: 16.04.2021).
6. Булдакова А.А. Положение органов, выступающих в суде от имени юридических лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 6. С. 12-14.
7. Ильинская И.М., Лесницкая Л.Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. М.: Юрид. лит., 1964.С. 163.

8. Туманова Л.В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 29-34.

9. Шнеерсон Н.М., Резниченко И.М., Енгальчев В.Ф. О некоторых психологических аспектах свободы спора в гражданском процессе // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. 2010. С. 356-358. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36850999>, свободный (дата обращения: 18.04.2021).

Об авторе:

ТАНЕНЯ Валерия Павловна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

А.А. Федорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проанализированы роль, а также значение психологических аспектов в контексте третейского разбирательства. По итогам изучения теоретических и практических материалов автором были выявлены особенности влияния этих отношений на взаимодействие между участниками процесса на всем его протяжении, предложены варианты разрешения и недопущения конфликтных ситуаций. Отмечены и раскрыты особенности профессиональной деятельности судей государственных судов, что определяет, кроме всего прочего, необходимость совершенствования системы профессиональной подготовки.

Ключевые слова: *юридическая психология, арбитражи, судьи, третейский суд, арбитраж.*

Вряд ли можно назвать новаторским утверждение о том, что изучение психологии может предоставить полезную информацию для ее практического применения в арбитраже. Каждый из нас как осознанно, так и неосознанно в определенной степени оказывает влияние на окружающих и одновременно сам становится «получателем» такого влияния. Мы постоянно сталкиваемся с психологическими воздействиями. Поскольку судьи, и иные участники процесса – это, в первую очередь, люди, психология тем или иным образом влияет на ход и результаты судебного разбирательства. Порой это влияние совсем незаметно, однако знание психологии позволяет действовать осознанно, а значит эффективно. Действительно, любой из участников данного разбирательства обязательно действует как своего рода психолог-любитель, постоянно делая прогнозы: как определенные способы представления повлияют на арбитров или на стороны, как лучше всего заставить другую сторону раскрыть то, что она пытается скрыть, как составить решение так, чтобы оно было приемлемым для обеих сторон и т.д.

Психологи признают, что одним из самых эффективных способов разрешения конфликтов является обращение к авторитету «третейского» судьи, который представляет собой внешнюю по отношению к конфликту сторону, с целью поиска решения, удовлетворяющего обе стороны [1, с. 357]. Из этого следует, что третейский суд является естественной, свойственной психике человека формой разбирательства возникающих в человеческом обществе конфликтов. Задачей арбитража является только ему подвластное максимальное смягчение проявления дальнейшего развития конфликта, обеспечение деловой атмосферы при взаимодействии сторон, возможности рассмотрении проблемы глазами партнера, поскольку именно на этой основе определяются объективно возможные варианты решений. Ключевым моментом является выдвижение взаимоприемлемой идеи, которая без участия третьей стороны часто осложняется тем, что переговоры между сторонами затруднены в силу их пси-

хологической несовместимости или отсутствия навыка в координации совместных действий, привычки к манипулированию поведением других людей, поведенческому доминированию.

Безусловно стоит подчеркнуть особое значение психологических факторов третейского разбирательства для сторон: нет смысла отрицать более непринужденную обстановку разбирательства и то, насколько уважительно и внимательно арбитр относится к сторонам, отсутствие у него желания побыстрее закончить это дело, поэтому индивидуальный подход к каждому конфликту фактически гарантирован, что нельзя в полной мере сказать об арбитражных судах: наличие постоянной высокой нагрузки, связанной с большим количеством дел, стабильная нехватка времени, отсутствие помощников судей и секретарей, нехватка залов и, как следствие, стремление судей ускорить ход заседания.

Данное предположение находит свое отражение в исследованиях психологов, проводивших анонимное анкетирование среди судей арбитражных судов. Кроме того, анализируя результаты можно заметить, что стресс и иные негативные факторы, отражающиеся на продуктивности судей, не столько привносятся извне, например: давление сторон в виде грубой манеры общения, заявления необоснованных ходатайств, отводов и замечаний; сколько вырабатываются благодаря внутренним условиям деятельности арбитражной системы в целом и суда в частности: отсутствие вежливости сотрудников суда, неудобное расписание заседаний, постоянные задержки с их началом, занятый телефон канцелярии и т.д. [2, с. 7].

Значительной частью подготовки дела к судебному разбирательству является установление судьей непосредственного коммуникативного контакта с проходящими по данному делу лицами, привлечение их к конструктивному сотрудничеству, подробное выяснение характера и степени возникших межличностных конфликтов, позиций сторон отдельных лиц, выявление их поведенческих особенностей и формирование тактики взаимодействия с каждым из них: имеет ли это место в практике? На вопрос о том, какие же способы разрешения трудных ситуаций, связанных с профессиональной и коммуникативной компетентностью сторон, используются судьями, психологами были получены, в основном, такие ответы: судьи пытаются успокоить, делают замечания, откладывают рассмотрение дела или пытаются объяснить закон, правила поведения, однако здесь обращает на себя факт отсутствия ответов у трети опрошенных, что явилось в процентном соотношении самым популярным вариантом ответа, это может говорить о наличии затруднений в сознательном использовании определенных коммуникативных приемов в эмоционально напряженной ситуации [2, с. 10].

В остальных же способах подтекстом сквозит негативное эмоциональное состояние судьи -от растерянности до злости, которое приводит к соответствующим действиям-от успокаивания сторон до наложения штрафа, что по мне-

нию психологов указывает на то, что в трудных ситуациях судьи склонны эмоционально реагировать на происходящее (то есть эмоционально вовлекаться в процесс), принимать решения сразу исходя из своих властных полномочий, упуская возможности воздействия основанного на коммуникативных приемах. Рене Давид писал о том, что «под арбитражем понимается институт мира, суть которого состояла не в обеспечении верховенства закона, а в обеспечении гармонии между людьми» [3], такой подход представляется оптимальным, поскольку он призывает выходить из сложившейся конфликтной ситуации наиболее комфортным для обеих сторон путем, путем переговоров и понимания друг друга, а не за счет применения властных полномочий, при этом разрешить существующий спор и сохранить долговременные партнерские отношения, что не всегда представляется возможным в государственном суде.

Благодаря вышеуказанным исследованиям можно выявить необходимость формирования психологической готовности и тщательного психологического отбора на должность судьи, а также внедрения системы развития психологической и коммуникативной компетентности, кроме того, снижение столь высокой нагрузки как психологической, так и трудовой, способствовало бы профилактике эмоционального выгорания у судей арбитражного суда.

Справедливость процесса существенно влияет на уровень удовлетворенности решением и готовность принять и исполнить решение как

законное и справедливое – к такому выводу можно прийти, ознакомившись с исследованиями психологов [5, с. 101], обративших свое внимание на психологические аспекты разрешения соответствующих споров [4, с. 329].

Кроме того, оказалось, что справедливым стороны видят тот процесс, над которым они имеют контроль, поскольку само наличие чувства контроля позволяет не сомневаться в результате, помимо этого было отмечено и то, что большую важность, независимую от полученного в результате решения арбитра, для сторон представила возможность в свободной форме высказывать свое видение возникшего спора. Исходя из этого можно сделать вывод, что слушания- важный инструмент психологического принятия решения, который с наибольшей вероятностью способен обеспечить удовлетворенность стороной

Для сторон, обратившихся за разрешением спора в государственный суд или арбитражное учреждение существенное значение составляет не только принятое решение как результат данного обращения, но и вся организация этого процесса- начиная от звонка в канцелярию и заканчивая поведением судьи и иных работников судебных органов после вынесения решения.

Представленные проблемы, с которыми в подавляющем большинстве приходится сталкиваться участникам разбирательства в государственных судах, безусловно не являются исчерпывающим списком всех существующих на данный момент, однако, как одно из составляющих, формирование психологической готовности к деятельности судьи и профилактика их выгорания, компонентами которой будет являться как психологическая компетентность, так и наличие сплоченного профессионального сообщества, позволит обеспечить

максимальный психологический комфорт сторонам разбирательства при любых обстоятельствах: не важно, обращаются ли они за решением конфликта в третейский или государственный суд.

Список литературы

1. Гришина Н.В. Психология конфликта // 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
2. Баканова А. А., Мохряков О. В // Психологические особенности профессиональной деятельности судей арбитражного суда/ Электронный журнал «Психологическая наука и образование. 2010, № 1
3. David, R. (1985). Arbitration in International Trade. Boston: Kluwer Law and Taxation Publishers.
4. Diamond S. S. Psychological Aspects of Dispute Resolution: Issues for International Arbitration / Shari S. Diamond // International Commercial Arbitration: Important Contemporary Questions / General Editor; A. J. van den Berg. Hague, International Bureau of the Permanent Court of Arbitration, 2003 p. 329
5. Allan Lind // Group Processes and Intergroup Relations. 1999. Vol. 2 (2).

Об авторе

ФЕДОРОВА Анастасия Андреевна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

УСТАНОВЛЕНИЕ НОТАРИУСОМ ДЕЕСПОСОБНОСТИ И ИСТИННОСТИ НАМЕРЕНИЙ СТОРОН СДЕЛОК, КАК ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ ИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

О.В. Харитонов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В настоящей статье представлен анализ актуальных для современной нотариальной практики проблем удостоверения сделок с участием лиц, страдающих умственными или психическими отклонениями, но не признанных судом в установленном законом порядке недееспособными; проблемных психологических аспектов, существенно затрудняющих выполнение нотариусом функции выявления и предотвращения сделок с пороками воли.

Ключевые слова: сделка, дееспособность, истинность намерений, нотариус.

Работа нотариуса – это постоянный процесс взаимодействия с людьми, и как любая другая профессия, которая это предполагает, она зачастую сопряжена со стрессом, повышенной концентрацией внимания, энергозатратами. Высокопрофессиональная консультация нотариуса порой требует самоотдачи, как в плане максимальной концентрации внимания, наличия актуальных знаний действующего законодательства, профессиональных навыков не только юриста, но и психолога, потому как каждый из клиентов приходит со своим вопросом и жизненной историей, которой они хотят поделиться и найти выход из сложившейся ситуации, а нередко – с негативным настроением, в тяжелом эмоциональном состоянии, пережив потерю близкого родственника и необходимостью оформить наследственные права на имущество умершего. Представьте, насколько тяжело каждый день встречаться с негативными эмоциями и чувствами других людей. А ведь нотариус не является профессиональным психологом, который обладает специальными навыками и техниками, позволяющими справляться с эмоционально сложными клиентами и их разнообразными чувствами, нотариуса этому никто не учил.

Все это является колоссальной нагрузкой, и важно соблюдать баланс между вашей возможностью, как специалиста, помочь в части юридической: правильно оформить наследство, тот или иной документ, применительно к конкретной ситуации; и тонкой и деликатной материей чувств и эмоций клиента, которому нужно как-то объяснить тот момент, что вы никак не повлияете на события, происходящие с ним.

В процессе своей работы нотариус выявляет истинные намерения и мотивы обращающихся к нему за помощью граждан, помогает разобраться с возникающими проблемами и трудностями, разрешить спорные и сложные ситуации. При этом, неизбежно столкновение с не менее сложными эмоциями пришедших к нему людей. И коммуникативная деятельность нотариуса здесь имеет важнейшее значение, она заключается в организации психологического контакта со всеми гражданами, обращающимися к помощи нотариуса, а также с сотрудниками нотариальной конторы.

Имущественные отношения супругов, касающиеся раздела имущества супругов, как в период брака, так и после его расторжения, исполнение алиментных обязательств, оформление наследства, являются примерами работы нотариуса не только как высококлассного юриста, но и психолога «по совместительству». Независимо от воли самого нотариуса, нотариус обязан всегда разъяснить гражданам смысл, значение и последствия совершенных нотариальных действий.

Закон возлагает на нотариуса, при удостоверении сделок, обязанность проверки законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и это осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности, согласно положений статьи 163 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ).

В свою очередь, статья 43 Основ законодательства о нотариате [2], указывает нотариусу на обязанность по проверке дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, участвующих в сделках.

При удостоверении сделки нотариус или лицо, его замещающее, обязаны выяснить дееспособность ее участников, то есть установить способность граждан своими действиями приобретать гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность). Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, по достижении 18 лет.

Согласно пункта 23 Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования, утвержденного приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156 (в ред. Приказов Минюста России от 05.07.2019 № 134, от 31.03.2020 № 79, от 30.09.2020 № 230) [3] (далее – Регламент) гражданскую дееспособность гражданина Российской Федерации, достигшего совершеннолетия, нотариус устанавливает в соответствии со статьями 21, 26 – 30 Гражданского кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, № 32, ст. 3301; 2012, № 53, ст. 7627) на основании документа, удостоверяющего личность, подтверждающего его возраст (пункт 10 Регламента).

Гражданскую дееспособность иностранного гражданина и лица без гражданства нотариус устанавливает в соответствии со статьями 1195, 1197 Гражданского кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 49, ст. 4552) на основании документа, удостоверяющего личность.

Полная гражданская дееспособность несовершеннолетнего гражданина устанавливается нотариусом на основании:

1) документа, удостоверяющего личность и подтверждающего возраст несовершеннолетнего;

2) решения органа опеки и попечительства об объявлении несовершеннолетнего, достигшего шестнадцати лет, полностью дееспособным;

3) судебного акта об объявлении несовершеннолетнего, достигшего шестнадцати лет, полностью дееспособным;

4) документов органов записи актов гражданского состояния или сведений Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния о заключении брака несовершеннолетним.

Дееспособность несовершеннолетних граждан Российской Федерации в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нотариус устанавливает на основании документа, удостоверяющего личность заявителя и подтверждающего его возраст.

И если с документальной частью подтверждения дееспособности все достаточно понятно, то вопросы с лицами, страдающими умственными или психическими отклонениями, которые порой незаметны на первый взгляд, или их заболевание находится в стадии ремиссии, которые не признаны судом недееспособными или ограниченно дееспособными, решать приходится значительно труднее.

Пункт 32 Регламента предоставляет нотариусу право, при удостоверении договора, запросить из Единого государственного реестра недвижимости информацию о наличии (отсутствии) судебного акта о признании заявителя недееспособным или ограниченно дееспособным, посредством электронного документооборота и сервисов Единой информационной системы нотариата.

Законодательство предусматривает, что если гражданин вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими, он может быть признан судом недееспособным. Над таким лицом устанавливается опека. И только опекун от имени данного лица вправе совершать сделки. Если же отпали основания, в силу которых гражданин был признан недееспособным, суд признает его дееспособным и своим решением отменяет опеку над ним.

Но дело все в том, что зачастую лица, страдающие умственными или психическими отклонениями, а степень их варьирует от незначительной до весьма обширной, не признаны судом недееспособными или ограниченными в дееспособности. И таковые лица вправе самостоятельно обращаться за юридической помощью и нотариальными действиями. Родственники, преследуя личные интересы, такую информацию умышленно скрывают от нотариуса. И только в процессе личной беседы нотариуса с обратившимся лицом, личных наблюдений, нотариус может установить и выявить, что лицо не способно в полной мере осознавать значение и суть своих действий.

Однако, при отсутствии вступившего в законную силу решения суда о признании гражданина недееспособным или ограниченным в дееспособности, нотариус, пусть даже и выявив таковые признаки, основываясь на личном внутреннем убеждении о неспособности обратившегося в полной мере осозна-

вать значение и суть своих действий, не может отказать в совершении нотариального действия и вынести мотивированное постановление об отказе в его совершении, поскольку статья 48 Основ содержит исчерпывающий перечень оснований, среди которых четко прописано: «с просьбой о совершении нотариального действия обратился недееспособный гражданин» [2].

Полагается, что в подобных ситуациях нотариусу, в целях снижения риска удостоверения сделок, подпадающих под признаки недействительных, в силу указания на то в законе, нужно, используя эмоциональный интеллект, вежливость, тактичность и профессиональное воображение, найти способ, как избежать совершения нотариального действия от имени такого лица.

Не менее интересным представляется вопрос установления истинности намерений сторон сделок.

Сделка – это волеизъявление, направленное на создание гражданско-правового результата. Сделка порождает те правовые последствия, на которые направлена воля ее сторон, и порождает их только потому, что этого желали стороны. Указанный признак не нашел закрепления в тексте Гражданского кодекса Российской Федерации, но следует из анализа его норм. В частности, если сделка совершена под влиянием существенного заблуждения или обмана, она может быть признана недействительной. Это положение принципиально для нотариуса. Пороки воли сторон приводят либо могут привести к отсутствию правового эффекта волеизъявления, поэтому в их устранении, в том числе, состоит значение нотариального удостоверения.

Согласно положениям статьи 54 Основ – при удостоверении сделки нотариус обязан проверить, соответствует ли ее содержание действительным намерениям сторон и не противоречит ли требованиям закона. И как следует поступать нотариусу, если явственно прослеживается, что стороны имеют целью прикрыть одну сделку другой, в ситуации очевидного и заведомого злоупотребления правом? Примером может служить дарение микродоли в жилом помещении, для целей обхода правил статьи 250 ГК РФ о преимущественном праве покупки доли собственниками, и заключение в дальнейшем договора купли-продажи оставшейся части доли. Вроде бы сделка и не нарушает каких-то конкретных императивных предписаний закона, но тем не менее закрепляет результат очевидно недобросовестного поведения сторон. Речь идет о притворных сделках, которые относятся законодателем к сделкам с пороками воли, потому как волеизъявление сторон, хотя и выражено в надлежащей форме подписанного двумя сторонами договора и удостоверенного нотариально, расходится с их истинной внутренней волей.

Как отмечалось ранее, норма статьи 54 Основ прямо указывает на необходимость проверки нотариусом соответствия сделки действительным намерениям сторон. Наконец, пункты 30 и 38 Регламента гласят о том, что информацию об условиях сделки, юридически значимых сообщениях, заявлениях, заверениях об обстоятельствах ее участника (участников), о соответствии

условий проекта сделки действительным намерениям ее участника (участников), о понимании участником (участниками) сделки разъяснений нотариуса о правовых последствиях совершаемой сделки, о наличии возражений супругов, совершающих совместное завещание, против осуществления видеофиксации процедуры совершения совместного завещания, нотариус устанавливает лично и непосредственно из объяснений (со слов) заявителя (заявителей). Информацию о наличии права на заключение договора с имуществом лица, которому это имущество еще не принадлежит, нотариус устанавливает на основании заверений об обстоятельствах соответствующей стороны договора.

Представляется, что с целью противодействия возможному удостоверению притворной сделки, нотариусу целесообразно тщательно подходить к моменту сбора и фиксации необходимой информации, предоставляемой сторонами сделки. Например, нотариусу важно задать сторонам сделки вопросы о том, какова цель совершения планируемой сделки. На первый взгляд, может показаться, что чрезмерное любопытство нотариуса противоречит требованиям статьи 10 ГК РФ, закрепляющей принцип добросовестности участников гражданского оборота, а также принципами свободы договора, провозглашенными положениями статьи 421 ГК РФ. Наконец, может сложиться впечатление, что нотариус неправомерно вмешивается в личные дела участников сделки, что в корне оказывается неверным, поскольку подобное вмешательство нотариуса не может быть признано произвольным. Вводя обязательное нотариальное удостоверение для отдельных категорий сделок, законодатель тем самым признал особую важность проверки условий на соответствие требованиям закона, возложив эту обязанность на профессионального правоприменителя – нотариуса.

При совершении нотариального действия, в подобных случаях, на практике нотариусу очень тяжело, а порой – просто невозможно, выяснить действительные намерения стороны сделки, поэтому нередки случаи злоупотребления правом со стороны обращающихся за совершением нотариального действия лиц, и по факту нотариус оказывается вовлеченным в реализацию сделки, совершенной в обход закона.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, (в ред. от 31.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант». Источник: <http://www.consultant.ru>.

2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.05.2020). 11 февраля 1993 года № 4462-1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант». Источник: <http://www.consultant.ru>.

3. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования (ред. от 30.09.2020). Утвержден приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_239685/398b5-f8c9a1773180d5eca65f913db1870a0b4d7/, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

4. Александрова М.А. Удостоверение сделок с микродолями в праве собственности на недвижимое имущество//Нотариальный вестник. 2019. № 12. С. 5-13.
5. Карапетов А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., М.: М-Логос, 2018. С. 1264.
6. Ралько В.В., Репин Н.В., Дударев А.В. Нотариат. Учебник. Юстиция 2020. С. 212.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Три поисковика Рунета, не считая Google [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru>, свободный (дата обращения: 04.04.2021).

Об авторе:

ХАРИТОНОВА Ольга Владимировна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФИКТИВНОГО БРАКА

М.В. Шувалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается вопрос вступления в фиктивный брак при одностороннем и обоюдном согласии, проводится анализ признаков, возможно свидетельствующих о заключении фиктивного брака и психологического восприятия последствий заключения такого брака.

Ключевые слова: брак, фиктивный брак, семья, супруги, добросовестный супруг, заключение брака.

Брак – основной институт семейного права, впитавший в себя то, что создано человечеством за века в сфере традиций, морали и культуры в целом. В современном обществе происходит некая трансформация по отношению к браку, выражающаяся в повышенном интересе к фактическим брачным отношениям, фиктивному браку, созданию союза между лицами одного пола и др. Несмотря на изменения представления о браке в различные периоды времени, неизменной остается главная его роль по поводу регулирования важнейшей области человеческих взаимоотношений – отношений мужчины и женщины во время их совместного проживания.

Многие пары стремятся получить штамп в паспорте, но только причины у всех могут существенно отличаться. Если одни спешат узаконить свои крепкие отношения, то другие ищут способы, как решить собственные проблемы финансового плана или миграционного характера. Существуют и другие основания для брака в виде сделки. При этом название его остается единым – фиктивный брак, который может принести ущерб как государству, так и одному из участников такого продуманного мошенничества [11].

В толковом словаре русского языка латинизм «фиктивность» объясняется как «нечто ненастоящее, вымышленное, не соответствующее тому, за что принимается или выдается» [1]. Такое понятие предполагает совершение субъектом неправомерных действий, направленных на получение определенных благ и гарантий в силу юридических фактов, которые не соответствуют действительности [9, с. 105].

Впервые понятие фиктивного брака появилось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 года № 12/8/У «О судебной практике по делам о расторжении брака», в котором в пункте 11 указано: «В общеисковом порядке должны рассматриваться также иски о недействительности брака, заключенного фиктивно, без намерения установить между сторонами права и обязанности супругов» [7]. В статье 43 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года было сказано: «Брак может быть признан недей-

ствительным в случаях регистрации брака без намерения создать семью (фиктивный брак)» [3]. Как можно заметить, что такое понятие сохранило свое значение и на сегодняшний день.

Тарусина Н.Н. сформулировала определение, широко используемое в публикациях в данной сфере: «Фиктивным, является такое действие или отношение, которое внешне отвечает формальным требованиям той правовой конструкции, которая используется, однако не соответствует ее цели и содержанию» [8].

Российское законодательство устанавливает определенные условия для вступления в брак, которые выражаются в наличии обоюдного согласия партнеров, достижения определенного возраста, и др. Для фиктивного брака на бумаге действуют такие же правила, но только цели такого союза больше напоминают деловое соглашение, особенно при соблюдении пункта об обоюдном согласии. В этом случае супруги осведомлены о природе их союза и осознают, чем они рискуют и на что соглашаются.

Более неблагоприятным такой брак выглядит при одностороннем решении вступления в фиктивные брачные отношения. С точки зрения законодательства такое обстоятельство представляет значительную сложность, прежде всего, это выражается в возможности доказать отсутствие намерения на создание семьи. Суду важно установить такой факт, поскольку от этого зависит применимость определенных последствий. С психологической точки зрения, в таком случае более доверчивый и обманутый (по законодательству – добросовестный) супруг может понести не только материальные и финансовые убытки, но и получить достаточно тяжелую психологическую травму, в реабилитации которой могут помочь только квалифицированные психологи.

В этом случае осознание того, что в ответ на искренние чувства добросовестный супруг был задействован ради реализации определенных целей другим супругом, может привести к понижению самооценки, развитию комплексов, замкнутости, депрессии и даже суицидальным мыслям.

В подобной ситуации, как правило, создается видимость семьи на короткий промежуток времени для введения в заблуждение одним супругом другого относительно своих подлинных намерений. Отсутствие желания создания семьи проявляется после получения недобросовестным супругом желаемого блага.

Мотивов для вступления в фиктивный брак может быть много, но среди часто встречающихся в современном обществе можно отметить следующие:

1) упрощение процедуры получения гражданства РФ. Такой мотив подразумевает не столько получение гражданства, а по большей части некоторые поблажки в его оформлении в виде разрешения на временное проживание, а также снижение обязательного срока проживания на территории Российской Федерации с 5-летнего до 3-летнего периода. Подобные ситуации возникают как при отсутствии намерения на создание семьи у одного супруга, так и у обоих;

2) получение прописки на жилплощади супруга, а иногда дополнительно к этому и проживание за счет средств данного супруга. Такие случаи по большей части встречаются при отсутствии намерения создать семью у одного супруга, в то время как другой супруг вступал в брак с целью создания семьи и рождения ребенка. Данная ситуация несет более психологическую нагрузку, в сравнении с ситуацией упрощенной процедуры получения гражданства, поскольку один из супругов действительно желает обрести семью. Так, добросовестный супруг, в первую очередь, не осознает мотив другого супруга, а во вторую – получает психологическую травму в момент разоблачения супруга, что может повлиять на возникновение недоверия к мужскому или женскому полу, чрезмерную осторожность в создании новых отношений, откладывание момента рождения ребенка и т.д.;

3) сокрытие сексуальной ориентации путем заключения фиктивного брака для устранения подозрений со стороны, например, коллег или начальства, что может помешать карьерному росту, возникновению отрицательного отношения к человеку, а также, возможно, для сокрытия отношений между лицами одного пола, в которых один из них относится к числу руководителей компании, а другой его подчиненным;

4) мошенничество, как способ приобретения гарантированной доли в купленном имуществе (особенно это касается недвижимости в виде квартиры и дома, и движимого имущества – автомобилей, судна и др.) сразу после вступления в брак одним из супругов. В данной ситуации, положительным моментом для добросовестного супруга при осознании корыстных мотивов со стороны другого супруга будет являться признание такого брака недействительным, после чего, имущество, приобретенное за счет средств одного супруга в браке, не будет считаться совместным. Однако, суд в интересах сторон может признать все нажитое в период брака имущество совместной собственностью. Взыскание по долгам одного из супругов при недостаточности его собственного имущества не может быть обращено на имущество другого супруга [2].

Помимо приобретения имущества в собственность путем купли-продажи, мошенничество может проявляться и в приобретении наследства, когда второй супруг является наследником первой очереди.

Для выявления фиктивного брака, можно обозначить несколько признаков, на которые имеет смысл обратить внимание как добросовестному супругу, так и суду при рассмотрении дела о признании такого брака недействительным, поскольку при всем не восприятии фиктивных браков, доказать их несостоятельность как семьи достаточно сложно:

1. Непродолжительный период знакомства супругов до брака.
2. Нежелание знакомить другого супруга со своими родственниками и друзьями.
3. Отсутствие свадебного торжества.

4. Большая разница в возрасте супругов.

5. Отсутствие личного общения между супругами, которое может проявляться и в отсутствии интимных отношений и общих детей, моральной поддержки супруга и заботы о нем (ней), интереса к судьбе супруга, в незнании очевидных фактов из жизни супруга.

6. Отсутствие совместного проживания или не продолжительный период совместного проживания, либо непостоянное совместное проживание без уважительных причин.

7. Отсутствие общих вещей и денежных средств, неоказание материальной поддержки супругу.

8. Наличие фактических брачных отношений с другим лицом.

9. Наличие иной цели, чем создание семьи, у одного или обоих супругов при заключении брака [4].

Выявление фиктивности осложнено и вероятно это связано с тем, что Семейный кодекс РФ уже не отвечает семейным ценностям, отсутствуют понятия «семья» и «брак» в семейном законодательстве, в которых могли бы быть отражены их существенные признаки.

Подводя итог, стоит отметить, что, к сожалению, несмотря на уделенное достаточное внимание к фиктивности в семейных правоотношениях со стороны ученых и авторов научных статей, психологов, а также наличие судебной практики, институт брака до сих пор содержит в себе такое негативное явление как фиктивный брак. Предлагаются различные варианты решения данной проблемы, начиная от распознавания сотрудниками органов ЗАГС эмоций и чувств у лиц, желающих вступить в брак, в момент подачи совместного заявления, увеличения срока ожидания дня регистрации заключения брака до официальных публикаций о свадьбе в своих социальных сетях или местных газетах. Последнее могло бы применяться по большей части для лиц, являющихся известными личностями в обществе, так как зачастую данные лица вступают в брак не с целью создания семьи.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает право мужчины и женщины, достигших брачного возраста, вступать в брак и создавать семью в соответствии с национальным законодательством, регулирующим осуществлением этого права [5].

Таким образом, реализация естественного права на заключение брака имеет определенное назначение – создание семьи в ее истинном социологическом смысле, удовлетворение потребности в упорядочивании сферы семейных отношений. В этом заинтересовано и государство, поскольку в силу Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года приоритетом на современном этапе является утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни [6, с. 51].

Таким образом, стоит согласиться с мнением Филимоновой И.В., что целесообразно было бы закрепить в СК РФ понятие фиктивного семейно-правового состояния, обозначить разновидности таких состояний и установить соответствующие меры ответственности [10].

Семейный кодекс РФ с каждым днем, к сожалению, перестает отвечать семейным ценностям и не способен регулировать столь быстро развивающиеся отношения мужчины и женщины во время их совместного проживания, семейные правоотношения после вступления в брак, в связи с чем возникают сложности регулирования определенных юридических фактов. Поэтому необходимо пересмотреть общие положения семейного законодательства, ввести специальные, и конечно же, определить понятие семьи.

Список литературы

1. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. №32. Ст. 1086.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. С. 163.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 года №12/8/У «О судебной практике по делам о расторжении брака».
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково – словообразовательный. – М.: Русский язык. 2000.
5. «Как признать брак фиктивным?» // Азбука права: электрон.журн. 2021. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Каменецкая М.С. «Законы России: опыт, анализ, практика». 2009. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://mobileonline.garant.ru/#/document/5810779/paragraph/1/doc-list/4180/showentries/0/highlight/каменецкая признаки фиктивного брак:2, свободный \(дата обращения 28.04.2021\)](https://mobileonline.garant.ru/#/document/5810779/paragraph/1/doc-list/4180/showentries/0/highlight/каменецкая%20признаки%20фиктивного%20брака:2,%20свободный%20(дата%20обращения%2028.04.2021)).
7. Лагунова Е.А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiktivnyy-brak-i-fiktivnyy-razvod-voprosy-teorii-i-praktiki/viewer>, свободный (дата обращения 28.04.2021).
8. Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84.
9. Темникова Н.А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 4 (53). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiktivnost-v-semeynom-prave/viewer>, свободный (дата обращения 28.04.2021).
10. Филимонова И.В. Фиктивный брак как разновидность фиктивного семейно-правового состояния: проблемы законодательного регулирования // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 11. Ч.3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22659616>, свободный (дата обращения 28.04.2021).
11. AnnaBlog. Фиктивный брак и его признаки с точки зрения психологии. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kakvernytmuzha.ru/fiktivnyy-brak/>, свободный (дата обращения 28.04.2021).

Об авторе:

ШУВАЛОВА Мария Владиславовна – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 «Юриспруденция».